

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (38) 2020

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2020



**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (38) 2020
Май 2020**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 30.05.2020 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 16,58

Тираж 300 экз.

Заказ № 2005639

Отпечатано в типографии «Малахит»

620014, г. Екатеринбург,

ул. Шейнкмана, 7

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная



Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (38) 2020
May 2020**

Published four times a year

Founded by

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on May 30, 2020

Format 70x100^{1/16}

Reference sheet area 16,58

Issues – 300

Order # 2005639

Printed by typography «Malahit»

Scheinkman street 7

Ekaterinburg, 620014, Russia

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**

www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price



The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

**June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties:
23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences**

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 1 (38)

Тропы метода

Мухачев В.В.

Уметь быть марксистом

(к 150-летию со дня рождения товарища ЛЕНИНА)10

Басовская Е.Н.

Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста21

Воробьева С.Н., Селезнева Л.В.

Библейские образы как константы религиозного дискурса

(на примере апокрифической литературы)34

Яркеев А.В.

Концепция биополитики и её генеалогия50

Лифанов С.С.

Кризис либеральной демократии

в зеркале западных политических исследований:

постановка проблемы60

Парадигмы и процессы

Керимов А.А.

Совет Федерации Федерального Собрания РФ:

проблемы институционализации78

Фельдман М.А.

Централизация и децентрализация

управления в экономике СССР

в предвоенный период (1939 – июнь 1941 гг.):

проблемы истории и историографии87

Галицкая К.А.

Способы легитимации власти

Президента Российской Федерации В.В. Путина,

используемые в документальных фильмах 102

Осколова Т.Л.

Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ 126

Лопатин С.В.

Специфика политического транспонирования
как стратегия манипулирования политическими фреймами..... 140

Суслов И.В.

Религиозные риски и стратегии стабилизации
в дискурсе региональных информационных агентств
Нижнего Поволжья 153

Современная логика и интеллектуальные технологии

Лобовиков В.О.

Аналитическая теология:
дедуктивное доказательство теоремы о неразрешимости
в логически формализованной аксиоматической теории Сигма формулы [Dx],
представляющей в релевантной теистической интерпретации утверждение
о бытии Бога..... 165

Памяти философа

Кондрашов П.Н.

Люсьен Сэв: жизненный путь философа-марксиста..... 182

1 (38)

Tropes of Method

Mukhachev V.V.

To Be Able To Be Marxist
(On The Occasion Of the 150th Birthday of Comrade LENIN)10

Basovskaya E.N.

Discursive Depth as a Typological Feature of Media Text21

Vorobyova S.N., Seleznyova L.V.

Biblical Images as Constants of Religious Discourse
(On the Example of Apocryphal Literature).....34

Yarkeev A.V.

The Concept of Biopolitics and its Genealogy50

Lifanov S.S.

The Crisis of Liberal Democracy
in the Mirror of Western Political Research:
Statement of the Problem.....60

Paradigms and Processes

Kerimov A.A.

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation:
Problems of Institutionalization.....78

Feldman M.A.

Centralization and Decentralization
of Management in the Economy of the USSR
in the Prewar Period (1939 – June 1941):
Problems of History and Historiography87

Galitskaya K.A.

Ways of Legitimation the Power
of the President of the Russian Federation V.V. Putin
Used in Documentaries..... 102

Oskolova T.L.

Syrian War 2014–2019: English Media Discourse 126

Lopatin S.V.

The Specifics of Political Transposition
as a Strategy for Manipulating of Political Frames..... 140

Suslov I.V.

Religious Risks and Stabilization Strategies
in the Discourse of Regional Information Agencies
of the Lower Volga Region 153

Modern Logic and Intellectual Technologies

Lobovikov V.O.

Analytical Theology:
Deductive Proof of the Theorem of Un-Decidability
(In A Logically Formalized Axiomatic Theory Sigma) Of Formula [Dx]
Representing (In A Relevant Theistic Interpretation) the Statement
of God Existence 165

In Memory of the Philosopher

Kondrashov P.N.

Lucien Sève: The Life Path of a Marxist Philosopher..... 182

УМЕТЬ БЫТЬ МАРКСИСТОМ (к 150-летию со дня рождения товарища ЛЕНИНА)



Мухачев Вадим Владимирович,

Институт социально-политических исследований
(обособленное подразделение) Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Москва, Россия,
E-mail: vadism@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.03.2020, принята к публикации 15.04.2020

Для цитирования: Мухачев В.В. Уметь быть марксистом (к 150-летию со дня рождения товарища ЛЕНИНА) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 10–20. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10101

Аннотация

В статье обращается внимание на гносеологическую важность характеристики Лениным последователя учения Маркса и Энгельса, немецкого социалиста Ф. Меринга как «человека не только желающего, но и умеющего быть марксистом». В этой связи анализируется отношение к марксизму самого Ленина, для которого марксизм всегда был «учением Маркса» и его многолетнего друга-единомышленника Энгельса. Одновременно вскрывается неправомерность расширительного толкования марксизма, когда между учением Маркса и Энгельса как объектом познания и его отражением в сознании других, желавших слыть «марксистами», индивидов не проводится, отделяющая субъективное от объективного, гносеологическая грань, что очень часто приводит к появлению в литературе воображаемых «марксизмов». Отстаивается положение Энгельса и Ленина, что суть учения Маркса заключается в созданном им методе познания – материалистической диалектике, позволяющей с учетом эмпирически существующей реальности исследовать как явления природы и общества, так и процесс их познания людьми. Показывается, что пользуясь материалистической диалектикой, Ленин дал очень точный анализ возможности

© Мухачев В.В., 2020



социалистического развития Советской России, и что лишь неспособность руководства СССР в сложных исторических условиях следовать «методу Маркса» привела в теории к возникновению *псевдомарксистского* «марксизма-ленинизма», а на практике – к волонтаризму, закончившемуся, в конце концов, гибелью этой страны.

Ключевые слова:

марксизм, учение Маркса, объективное, субъективное, «воображаемые марксизмы», материалистическая диалектика, социализм.

UDC 303

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10101

TO BE ABLE TO BE MARXIST (On The Occasion Of the 150th Birthday of Comrade LENIN)

Mukhachev Vadim Vladimirovich,

Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher,
Moscow, Russia,
E-mail: vadism@rambler.ru

Article received on March 24, 2020, accepted on April 15, 2020

To cite this article: Mukhachev, V.V. (2020). Umet' byt' marksistom (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya tovarishha LENINA) [To be able to be Marxist (On the occasion of the 150th birthday of comrade LENIN)]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 10–20. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10101

Abstract

The article draws attention to the epistemological importance of Lenin's characterization of the follower of the teachings of Marx and Engels, the German socialist F. Mehring, as “a person who not only wants to, but also knows how to be a Marxist”. In this connection, the attitude to Marxism of Lenin himself is analyzed, for which he was always the “teaching of Marx” and his long-time friend and like-minded Engels. At the same time, the illegitimacy of an expansive interpretation of Marxism is revealed when, between the teachings of Marx and Engels as an object of knowledge and its reflection in the consciousness of other individuals, a distinction is made between the subjective and the objective, epistemological, which leads to the appearance of imaginary “Marxisms”

in the literature. The position of Engels and Lenin is upheld, that the essence of Marx's teachings lies in the method of cognition he created – materialistic dialectics, which allows, taking into account empirically existing reality, to study both the phenomena of nature and society, and the process of their cognition by people. It is shown that, using materialist dialectics, Lenin gave a very accurate analysis of the possibility of socialist development of Soviet Russia and that it was precisely the inability of the USSR leadership to follow the “Marxist method” that in theory led to the appearance of pseudo-Marxist “Marxism-Leninism”, and in practice to voluntarism that ended, end to end, the death of this country.

Keywords:

Marxism, the teachings of Marx, objective, subjective, «imaginary Marxisms», materialistic dialectics, socialism.

Их имя и дело переживут века

Недолгая, длиной в 53 года, жизнь Владимира Ильича Ленина вместила в себя столь крупный, с его именем тесно переплетенный, массив исторических событий российского и международного масштаба, столько эпизодов яростной борьбы между различными классами общества, активным участником которой он был, такое количество имен тех, кто встречался ему на пути пролетарского революционера, что из представителей его и последующих поколений рядом с ним поставить некого.

Теоретические и практические результаты его кипучей деятельности неизмеримо значительней *всего того*, что до сих пор сделано *другими* последователями Маркса и Энгельса. Характеристика Ленина как «выдающегося марксиста» с достаточной полнотой *охватывает* все основные стороны и результаты его многогранной деятельности. В ней – в снятом виде – Владимир Ильич присутствует и как самый крупный *послемарксовский теоретик* марксизма, блестящий знаток, твердый последователь и бескомпромиссный защитник учения Маркса и Энгельса, и как *пролетарский революционер*, который *практически* доказал, что «марксизм – не догма, а руководство к действию». Среди доказательств: создание им партии «нового типа», свободной от присущих социал-демократическим партиям II Интернационала социал-реформистских предпочтений перед революционной борьбой пролетариата; триумфальная победа большевизма в Октябрьской революции 1917 года в виде установления власти Советов трудящихся России; организация революционного крыла международного рабочего движения в Коммунистический Интернационал; успешное под его руководством *начало* строительства социалистического общества в стране Советов. Все это неотделимо от исторического Ленина и характеризует его как фигуру *планетарного* масштаба, объективная оценка которой в принципе недоступна либеральным идеологам, поскольку они, отмечал Маркс (1853/1957, с. 257), «не видят дальше экономических границ данной эпохи, не понимая, что эти границы сами носят ограниченный характер и так же неизбежно исчезнут в ходе развития истории, как они были созданы этим развитием». Слова Энгельса «Имя и дело его переживут века», произнесенные им на похоронах

Маркса, также в равной степени относятся не только к нему самому, но и к товарищу Ленину.

Буржуазия всего мира, от владельцев капиталов до ее идеологического Левиафана из разнокалиберных либеральных политиков и теоретиков, ненавидит и страшится имени Ленина. Эти ненависть и страх продиктованы тем, что вслед за создателями марксизма он не только еще раз *теоретически* доказал неминуемую гибель капитализма, но и *практически* показал, как не в мыслях и словах, а *на деле* можно приблизить конец господства буржуазии и добиться освобождения наемного труда, человечества от эксплуатации и угнетения.

Марксизм – это метод Маркса

Оценивая Ленина как *выдающегося* марксиста, нужно помнить, что не только «выдающимся», но быть даже ординарным марксистом, марксистом как таковым, невероятно сложно и дано не каждому.

Выступив в работе «Материализм и эмпириокритицизм» против тех большевиков, которые увлеклись неокантианской философией эмпириокритицизма и попытались с ее помощью «обновить» учение Маркса, Ленин (1908/1961b, с. 377) указал им на Ф. Меринга (1846–1919) как «человека не только желающего, но и умеющего быть марксистом». Это замечание Ленина имеет важное гносеологическое значение, оно указывает на значительную, полную теоретических и житейских препятствий, дистанцию между *желанием* и *умением* «быть марксистом». Оно требует отличать *объективное* от *субъективного*, учение Маркса и Энгельса как *объект* познания от его *отражения* в сознании других индивидов, выступающих в данном случае *субъектами* познания. На вопрос «что такое марксизм» у Ленина был один ответ: «марксизм – это учение Карла Маркса», в создании и развитии которого активное участие принимал Ф. Энгельс. Никакого другого авторства у марксизма Ленин не признавал.

Ленин последовательно защищал «основы» учения Маркса от различных теоретических новаций, подчеркивая, что к марксистам следует относить лишь «стоящих в существенном на точке зрения Маркса» (Ленин, 1914/1961a, с. 87). Вместе с тем, так же, как до него это делал Ф. Энгельс, он многократно выступал против превращения марксизма в застывшую *догму* и постоянно подчеркивал, что марксизм – «живое учение». О тех, кто желая «быть марксистом», представлялся и воспринимался окружающими его людьми таковым, но по разным причинам или догматизировал, или подвергал ревизии учение Маркса, Ленин говорил: «Читать – читали и переписать – переписали, а что к чему, не поняли» (Ленин, 1908/1961b, с. 195).

Многочисленные факты из истории *распространения* учения Маркса в разных странах наглядно демонстрируют существование дистанции между *желанием* и *умением* «быть марксистом»; они говорят о том, что марксист – это совсем не атрибут, не черта характера того сторонника социализма, который признает научный характер марксизма. Марксист – это вполне определенное, учению Маркса и его «сути» *соответствующее* состояние *образа мыслей и действий* пролетарского революционера. Под воздействием внешних обстоятельств это «состояние соответствия» учению Маркса не всегда достигается, но и достигнутое нередко затем нарушается, в результате чего вчерашний марксист

на следующий день превращается не более чем в «марксиста», догматика или ревизиониста.

Таким образом, вопрос о соответствии или несоответствии взглядов того или иного революционера учению Маркса требует ясного представления о том, что является *сутью* марксизма. На этот счет в литературе встречаются разные суждения. В таких и ему подобных случаях ответ искать следует у самих создателей марксизма, которые «основу» и «суть» своего учения видели в созданном ими *методе исследования*. Так, Энгельс со всей определенностью писал проявлявшему интерес к марксизму В. Зомбарту, что «все миропонимание Маркса – это не доктрина, а метод», что эта теория «дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (Энгельс, 1895/1966, с. 352).

Перед желающим быть марксистом неизбежно встает следующий вопрос: что представляет собой метод Маркса? В «Послесловии» ко второму изданию «Капитала», отметив, что его метод исследования «был плохо понят», Маркс назвал его «диалектическим, имеющим материалистическую основу» (Маркс, 1873/1960, с. 19–21). Иначе говоря, метод исследования Маркса – это *материалистическая диалектика*, которая опирается на представление о мире как *саморазвивающейся*, не нуждающейся в толчке *извне* и «божественном» благословении, *материи*. Пользуясь материалистической диалектикой как методом исследования, Маркс создал свое экономическое учение, по поводу чего Энгельс писал: «Заслугой Маркса является то, что он впервые извлек снова на свет... забытый диалектический метод, указал на его связь с гегелевской диалектикой, а также и на его отличие от последней и в то же время дал в «Капитале» применение этого метода к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии» (Энгельс, 1878/1961, с. 371). В свою очередь экономическое учение автора «Капитала» стало *строго научным* обоснованием всемирно-исторического движения к социализму потому, что, как отмечал Ленин, «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества» (Ленин, 1914/1961а, с. 73).

Создание материалистической диалектики как метода исследования было невозможно без открытия материалистического понимания истории. К началу XIX в. науки о природе, мировоззренческой основой которых всегда был «стихийный материализм» (Энгельс), преуспели в получении *точного*, математически обоснованного, и потому *практически применяемого* знания. Тем самым они показали новые возможности человеческого познания, связали их с материалистическим мировоззрением и практической деятельностью людей, значительно опередив в этом отношении изучение общества. Они стали образцом для тех, кто искал объективную истину в истории человечества. Успешно решаемый естественными науками вопрос *единства теории и практики* на основе «точных», материалистически обоснованных, знаний о природе после французской революции конца XVIII в. во весь рост встал перед представителями исторических, в паутине идеализма прозябавших, дисциплин. Не случайно Маркс и Энгельс, вслед за Фейербахом, рассматривали естествознание как *основу* всего «здания науки». Поставив перед собой задачу связать воедино науку о жизни людей с материалистическим мировоззрением, Фейербах с ней в полной мере не спра-

вился. Его материализм оказался не историческим, а – антропологически ограниченным, что дало повод Марксу сказать: «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю – он вовсе не материалист. Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга...» (Маркс и Энгельс, 1846/1955, с. 44).

Открытое Марксом материалистическое понимание истории впервые было им изложено в первой главе рукописи «Немецкой идеологии» (Маркс и Энгельс, 1846/1955). Это открытие, во-первых, признает обмен человека с природой, или материальное производство, основой всей жизнедеятельности людей. Во-вторых, своими *предпосылками* оно объявляет «действительных индивидов, их деятельность и материальные условия их жизни», которые «можно установить чисто эмпирическим путем» (Маркс и Энгельс, 1846/1955, с. 22), и тем самым предопределяет *конкретно-исторический* характер материалистического знания об обществе, его эмпирическую «точность». В-третьих, это понимание истории указывает на «материалистическую связь» между людьми как «базис» общества, который, в конечном счете, определяет все иные – «надстроечные» (идеологические) – отношения между индивидами. В-четвертых, став имманентной частью «материалистической основы» научного познания, материалистическое понимание истории привело к созданию материалистической диалектики как *общенаучного* метода познания и возможности *разумного* преобразования человеком окружающего его мира, как природы, так и общества.

О том, что именно в мировоззренческом фундаменте и методе исследования Маркса Ленин видел самую суть марксизма, признавал и опирался на нее, говорит все его литературное творчество. Об этом говорит и его статья «Карл Маркс», где раздел «Учение Маркса» Ленин начал с изложения *марксова* мирозерцания, хотя «главное содержание» марксизма видел в экономическом учении автора «Капитала». Там же, излагая «метод Маркса», он последовательно, друг за другом, в виде отдельных его мировоззренческих элементов расположил: «Философский материализм», «Диалектика», «Материалистическое понимание истории» и «Классовая борьба». И лишь затем Ленин перешел к описанию двух других «составных» частей учения Маркса – политэкономии капитализма и социализма как особой, пролетариатом осуществляемой, формы классовой борьбы за освобождение наемного труда от капиталистической эксплуатации. О том, что Ленин в совершенстве владел методом исследования Маркса, его материалистической диалектикой, способной быть инструментом не только по-научному точного познания, но и преобразования мира, говорит вся его теоретическая и политическая деятельность. Наглядно это можно увидеть на понимании и решении им проблемы социализма.

Точка зрения Ленина на социализм. Советский «марксизм-ленинизм»

Одной из причин трагического распада СССР и перехода власти в постсоветской России в руки крупных капиталистов, проводящих консервативную, их собственность охраняющую, политику, стала, кроме всего прочего, неспособность руководителей страны после ухода из жизни Ленина «быть марксистами». Стало очевидным их догматическое отношение к учению Маркса и непонимание

ими роли материалистической диалектики в познании, что повлекло за собой его ревизию в вопросе о возможностях и перспективах социалистического развития СССР.

В середине 20-х гг. в острой внутривнутрипартийной борьбе за личную власть между Сталиным и Троцким на первый план вышел вопрос о социалистическом будущем Советской России. В ходе партийных дискуссий был выдвинут *псевдомарксистский* тезис о возможности победы социализма в «одной, отдельно взятой, стране». Его автором стал Бухарин, который до этого неоднократно выступал как представитель «детской болезни левизны в коммунизме» и по поводу чьих теоретических воззрений Ленин (1922/1964, с. 345) в своем политическом завещании указал, что они «с очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», поскольку тот «никогда не понимал вполне диалектики».

Стремясь обосновать тезис о возможности победы социализма в «одной, отдельно взятой, стране», Бухарин апеллировал к статье Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы». В ней Ленин (1915/1961с) писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране, капиталистической стране» (с. 354). Это общее рассуждение Ленина, сказанное им еще за два года до Октябрьской революции и, конечно, менее всего относившееся к России, Бухарин истолковал догматически. Он проигнорировал, что вскоре после Февральской революции Ленин писал: «*объективные условия*, созданные империалистической войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру или передать власть во *всех* цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот» (Ленин, 1917/1962е, с. 91). Бухарин также не принял во внимание сказанные здесь же, конкретные и в этом смысле уточняющие, суждения Ленина о социалистических перспективах России. Переходя от тупикового положения «всего» человечества при капитализме и передаче власти в руки революционного пролетариата во «всех» цивилизованных странах к положению в России, Ленин оценил ее «социалистические» возможности следующим образом: «Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней» (Ленин, 1917/1962е, с. 91–92).

Точка зрения Ленина на социализм опиралась на учение Маркса, который, кстати, тоже допускал возможность победы пролетарской *революции* в немногих или одной стране. В работе «Государство и революция» Ленин ценит во взгляде Маркса на социализм и коммунизм, прежде всего, то, что он не сочиняет «новое общество», а изучает его как «естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому... берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки», и что он «последовательно применяет и здесь

материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма» (Ленин, 1917/1962а, с. 48, 98). Для Ленина, вслед за Марксом и Энгельсом, социализм – *формационное* явление, которое «вырастает» из капиталистической формации и потому по уровню своего экономического развития и историческому масштабу не может быть *уже, слабее или меньше*, чем *мировой* капитализм. После установления Советской власти в России, принимая в расчет современную ему эпоху, он предупреждал «левых коммунистов» от спешки и писал: «...Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = социализм» (Ленин, 1918/1962d, с. 550).

Призывая в октябре 1917 г. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов взять выпавшую из рук буржуазного Временного правительства власть в свои руки, Ленин вместе со своими соратниками рассчитывал на скорое свершение мировой коммунистической революции. На VII экстренном съезде РКП(б) он говорил: «Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она... выйдет на торную дорогу социалистического развития» (Ленин, 1918/1962b, с. 48).

Ожесточенно споря с «левыми коммунистами», Бухариным в том числе, о необходимости заключения Брестского мира, Ленин пишет: «Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще более* ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» (Ленин, 1918/1962с, с. 287).

В это же время, конкретизируя общую точку зрения на социализм применительно к условиям послеоктябрьской России, Ленин приходит к собственным, для марксистской теории новым по содержанию, но органичным ее сути, выводам. В статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (Ленин, 1918/1962с) он характеризует государственно-монополистический капитализм как полнейшую *материальную* подготовку социализма, его *преддверие*, ту ступеньку исторической лестницы, между которой и социализмом *никаких промежуточных ступеней нет*. При этом полагая, что при *революционно-демократическом* государстве госкапитализм «неизбежно означает шаг и шаги к социализму», и признавая, что в *материальном* (экономическом, производственном) отношении Россия «преддверия» социализма еще не достигла, он говорит о необходимости развития в ней госкапитализма под контролем Советской власти (Ленин, 1918/1962с, с. 302–303). Когда надежды на *скорую* мировую, или европейскую, пролетарскую революцию не сбылись, Ленин в вопросе о средствах и способах движения к социализму идет дальше и разрабатывает *новую экономическую политику* (НЭП), позволяющую трудовому крестьянству торговать излишками хлеба и тем самым укрепляющую (через подконтрольное советскому государству развитие рыночных отношений) политический союз между ним и рабочим классом.

Повторим, что Ленин – материалист и диалектик – никогда не отождествлял возможность осуществления пролетарской *революции* в одной стране с окончательной победой социализма в масштабе *этой* страны, и потому никогда *не выдвигал* идеи построения социалистического общества в «одной, отдельно взятой стране». Бухарин в этом пункте извратил Ленина, приспособил его к политическим задачам «текущего момента». Несмотря на то, что Сталину была известна характеристика Бухарина-теоретика Лениным, он в борьбе за власть не только поддержал *левацкий* тезис о победе социализма в «одной, отдельно взятой, стране», но и положил его в основу «генеральной линии» ВКП(б) – КПСС, определявшей жизнь людей в советском обществе. Поддержанная Сталиным, и вслед за ним большинством ЦК, точка зрения Бухарина, превратившись в генеральную линию партии, задала *логику* этапов «строительства социализма» в СССР: построение «основ социалистического общества» (XVII съезд ВКП(б), 1934 г.); построение «социализма в основном» (XVIII съезд ВКП(б), 1939 г.); построение «социализма полностью и окончательно» (XXI съезд КПСС, 1959 г.); «переход к развернутому строительству коммунизма» и построению «основ коммунистического общества за 20 лет» (XXII съезд КПСС, 1961 г.). Бухаринско-сталинский тезис о возможности построения социализма (и коммунизма) «в одной, отдельно взятой, стране», лег в основу *советского* «марксизма-ленинизма», который стал *псевдомарксистской* версией взглядов Маркса, Энгельса и Ленина.

Но сама жизнь противилась этой, оторванной от объективной реальности, пропитанной идеализмом и метафизикой, «логике» социалистического строительства в СССР и соответствующим ей догмам «марксизма-ленинизма». Теоретическая ошибка, ставшая основой всей внутренней политики советских руководителей, от Сталина до Горбачева, привела, в конце концов, к приходу к власти постсоветской буржуазии, которая уже в своих интересах осуществляет развитие госкапитализма в современной России.

Список литературы

1. Ленин, В.И. (1961a). Карл Маркс. В *Полное собрание сочинений* (Т. 26). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1914 г.).
2. Ленин, В.И. (1961b). Материализм и эмпириокритицизм. В *Полное собрание сочинений* (Т. 18). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1908 г.).
3. Ленин, В.И. (1961c). О лозунге Соединенных Штатов Европы. В *Полное собрание сочинений* (Т. 26). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1915 г.).
4. Ленин, В.И. (1962a). Государство и революция. В *Полное собрание сочинений* (Т. 33). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1917 г.).
5. Ленин, В.И. (1962b). Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта 1918 года. В *Полное собрание сочинений* (Т. 36). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1918 г.).
6. Ленин, В.И. (1962c). О «левом ребячестве» и о мелкобуржуазности. В *Полное собрание сочинений* (Т. 36). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа

опубликована в 1918 г.).

7. Ленин, В.И. (1962d). Планы статьи «Очередные задачи Советской власти». В *Полное собрание сочинений* (Т. 36). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1918 г.).

8. Ленин, В.И. (1962e). Прощальное письмо к швейцарским рабочим. В *Полное собрание сочинений* (Т. 31). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1917 г.).

9. Ленин, В.И. (1964). Письмо к съезду. В *Полное собрание сочинений* (Т. 45). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1922 г.).

10. Маркс, К. (1957). Вопрос о войне. – Население Англии и торговые отчеты. – Парламентские дела. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 9). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1853 г.).

11. Маркс, К. (1960). Капитал. Том первый. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 23). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1873 г.).

12. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1846 г.).

13. Энгельс, Ф. (1961). Диалектика природы. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 20). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1878 г.).

14. Энгельс, Ф. (1966). В. Зомбарту, 11 марта 1895 г. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 39). М.: Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1895 г.).

References

1. Engel's, F. (1961). Dialektika prirody [Dialectics of nature]. In K. Marks & F. Engel's, *Sochineniya* (Vol. 20). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1878).

2. Engel's, F. (1966). V. Zombartu, 11 marta 1895 [V. Sombart, March 11, 1895]. In K. Marks & F. Engel's, *Sochineniya* (Vol. 39). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1895).

3. Lenin, V.I. (1961a). Karl Marks [Karl Marx]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 26). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1914).

4. Lenin, V.I. (1961b). Materializm i empiriokriticizm [Materialism and Empirio-Criticism]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 18). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1908).

5. Lenin, V.I. (1961c). O lozunge Soedinennyh Shtatov Evropy [On the slogan of the United States of Europe]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 26). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1915).

6. Lenin, V.I. (1962a). Gosudarstvo i revolyuciya [State and revolution]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 33). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1917).

7. Lenin, V.I. (1962b). Doklad o peresmotre programmy i izmenenii nazvaniya partii 8 marta 1918 goda [Report on revising the program and changing the name

of the party on March 8, 1918]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 36). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1918).

8. Lenin, V.I. (1962c). O “levom rebyachestve” i o melkoburzhuznosti [About “left childishness” and petty-bourgeoisie]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 36). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1918).

9. Lenin, V.I. (1962d). Plany stat’i “Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti” [Plans for the article “Immediate Tasks of Soviet Power”]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 36). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1918).

10. Lenin, V.I. (1962e). Proshchal’noe pis’mo k shvejcarskim rabochim [Farewell letter to the Swiss workers]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 31). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1917).

11. Lenin, V.I. (1964). Pis’mo k s’ezdu [Letter to the Congress]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 45). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1922).

12. Marks, K. (1960). Kapital. Tom pervyj [Capital. Volume One]. In K. Marks & F. Engel’s, *Sochineniya* (Vol. 23). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1873).

13. Marks, K., & Engel’s, F. (1955). Nemeckaya ideologiya [German ideology]. In K. Marks & F. Engel’s, *Sochineniya* (Vol. 3). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1846).

14. Marks, K. (1957). Vopros o vojne. – Naselenie Anglii i torgovye otchety. – Parlamentskie dela [Question of the war. – The population of England and trade reports. – Parliamentary affairs]. In K. Marks & F. Engel’s, *Sochineniya* (Vol. 9). Moscow: Gospolitizdat. (Original work published 1853).

ДИСКУРСИВНАЯ ГЛУБИНА КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК МЕДИАТЕКСТА



Басовская Евгения Наумовна,

Российский государственный гуманитарный университет,
доктор филологических наук, доцент,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-6867-9326,
E-mail: jeni_ba@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2020, принята к публикации 13.03.2020

Для цитирования: Басовская Е.Н. Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 21–33. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10102

Аннотация

Цель статьи – анализ одной из типологических характеристик медиатекста – дискурсивной глубины, определяемой наличием комментариев к интернет-публикации. Введение в научный оборот нового термина, его толкование и предложенная автором концепция медиатекста определяют новизну исследования. По мнению автора, возникающий в результате комментирования макротекст, который может постоянно дополняться, обладает свойствами дискурса: это не статичное, а динамичное образование, находящееся в постоянном развитии.

Используя традиционные методы лингвостилистического анализа, автор статьи с опорой на обширный эмпирический материал (публикации на сайтах различной тематики: Booking.com, «Эхо Москвы», «Аргументы и факты», «Канобу») выделяет на основании форматно-тематического принципа три типа медиадискурса – порождаемые публикациями на бытовые, общественно-политические и культурные темы, – и рассматривает важнейшие стилевые черты каждого из них. В статье отмечается, что минимальная дискурсивная глубина свойственна материалам бытового характера, максимальная – публикациям, посвященным произведениям литературы и искусства. При этом публикации с низким показателем дискурсивной глубины

© Басовская Е.Н., 2020



нередко представляют собой квазидialog, в рамках которого в ответных репликах игнорируется содержание инициальных, а дискурсивно глубокие – диалог реальный.

Исследователь выдвигает тезис о том, что по мере увеличения дискурсивной глубины интернет-публикации ее понятийное содержание размывается и постепенно заменяется эмоциональным – преимущественно пейоративным полем. По мнению автора статьи, данное качество современного медиадискурса имеет как положительные, так и отрицательные черты: в отдельных случаях свободный выплеск агрессии позволяет снять психологическое напряжение, однако в целом данная тональность дискуссии провоцирует дисгармоничную коммуникацию и является социально конфликтогенным фактором.

Ключевые слова:

медiateкст, медиадискурс, дискурсивная глубина, диалог, квазидialog, вербальная агрессия, дисгармоничная коммуникация.

UDC 81'38

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10102

DISCURSIVE DEPTH AS A TYPOLOGICAL FEATURE OF MEDIA TEXT

Basovskaya Evgeniya Naumovna,

Russian State University for the Humanities,
Doctor of Philology, associate Professor,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-6867-9326,
E-mail: jeni_ba@mail.ru

Article received on January 19, 2020, accepted on March 13, 2020

To cite this article: Basovskaya E.N. (2020). Diskursivnaya glubina kak tipologicheskij priznak mediateksta [Discursive depth as a typological feature of media text]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 21-33. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10102

Abstract

The purpose of the article is to analyze one of the typological characteristics of the media text – the discursive depth determined as the presence of comments to the Internet publication. The introduction of a new term into scientific circulation, its interpretation and the concept of media text proposed by the author determine the novelty of the research. According to the author, the macro text resulting from commenting, which can be constantly supplemented, has the properties of discourse: it is not a static, but a dynamic formation that exists in constant development.

Using traditional methods of linguistic-stylistic analysis, founded on extensive empirical material (publications on sites of various subjects: Booking.com “Echo of Moscow”, “Arguments and facts”, “Kanobu”), the author of the article identifies on the basis of the format-thematic principle three types of media discourse: generated by publications on every day, socio-political and cultural topics – and considers the most important stylistic features of each of them. The article notes that the minimum discursive depth is typical for everyday materials, the maximum – for publications devoted to works of literature and art. At the same time, publications with a low index of discursive depth often represent a quasi-dialogue, in which the content of the initial responses are ignored, and the discursively deep ones – the real dialogue.

The researcher puts forward the thesis that as the discursive depth of Internet publication increases, its conceptual content is blurred and gradually replaced by an emotional – mainly pejorative background. According to the author of the article, this quality of modern media discourse has both positive and negative features: in some cases, a free outburst of aggression can relieve psychological stress, but in general, this tone of the discussion provokes disharmonious communication and functions as a social conflict factor.

Keywords:

media text, media discourse, discursive depth, dialogue, quasi-dialogue, verbal aggression, disharmonious communication.

Введение

Исследование медиаречи представляет собой одну из форм самоанализа информационного общества. Современный человек, имеющий благодаря развитым технологиям беспрецедентно широкий доступ в коммуникационное пространство, практически не разделяет общение межличностное и публичное. Он открывает свою частную жизнь широкой аудитории и видит на одной компьютерной вкладке сведения из жизни близких друзей и всего человечества. По этой причине именно медиадискурс в широком понимании данного термина – как дискурс публичной коммуникации – становится одним из самых показательных явлений цивилизации начала XXI века. Такое положение дел позволяет говорить об **актуальности** изучения различных аспектов функционирования медиадискурса.

В последние десятилетия опубликовано значительное число научных трудов, посвященных языку, дискурсу, стилю медиа (терминология в этой области пока не устоялась, и для одних и тех же объектов используются разные обозначения). Отдельные стороны рассматриваемого явления описаны достаточно подробно. Исследователи медиаречи отмечают такие ее характеристики, как поликодовость, интертекстуальность, диалогичность, экспансию разговорности, высокую степень ироничности и вербальной агрессии, активное использование приемов языковой игры и ряд других (Дускаева, 2018; Коньков, Потсар, Сметанина, 2004; Мельник, 2012; Сметанина, 2012; Luginbühl, 2015 и др.).

В то же время отраженные в литературе представления о феномене медиадискурса весьма противоречивы. В частности, А. А. Кибрик (2011) вообще ста-

вит под сомнение правомерность терминов «язык СМИ», «медийный дискурс» и подобных. В работах этого автора подчеркивается, что на сегодня не выявлено «ясных критериев, демонстрирующих отличие данного типа от других» (с. 85). По мысли А. А. Кибрика, корректно говорить лишь об особенностях отдельных медийных жанров, а не дискурса СМИ в целом (с. 83).

Подобной точки зрения придерживаются и авторы коллективной монографии «Системные изменения в массовых коммуникациях и медиатекст»: «...Публицистический стиль, утратив идеологический и агитационный пафос, растворяется в рекламе, просторечии, общем жаргоне, деловой документации или научном (научно-популярном) изложении. Все то, что обеспечивало его целостность (единая идеология, цензура и автоцензура, строгая система жанров) в настоящее время не существует» (Пильгун, 2011, с. 75–76).

Оттолкнувшись от сформулированного А. А. Кибриком вопроса о наличии общего начала, интегрирующего разнотипные речевые произведения в медийный дискурс, мы определили **цель исследования**. Она заключается в том, чтобы на основе анализа разножанровых медиатекстов выявить их общие черты, позволяющие констатировать относительное единство медийного дискурса. По нашему предположению, такого рода характеристиками медиатекста являются поликодовость и интерактивность. Рассмотрение первой из двух названных категорий остается за рамками данной статьи. Вторая составляет **предмет** проведенного исследования.

На значимость такого качества медиатекста, как интерактивность, указывают в частности, Дж. Брайант и С. Томпсон (2004). По их словам, сегодня «односторонняя массовая коммуникация уступает дорогу транзактной медийной коммуникации» (с. 411). М. Талбот (Talbot, 2007) же говорит о «мощи и гегемонии, связанных с диалогичностью медиадискурса» (с. 74). С опорой на работы предшественников, неоднократно отмечавших потенциальную диалогичность публицистического текста и реализованную интерактивность медийного, мы сформулировали **гипотезу** исследования: одна из важнейших специфических черт медиадискурса, отличающих его от традиционного (досетевого) публицистического текста, – это наличие комментариев – речевых реакций на высказывание, которые составляют вместе с ним гипертекст, не ограниченный во времени и пространстве.

Эмпирическим материалом для анализа стали размещенные в Интернете тексты различных форматов: журналистские публикации общественно-политической и культурной тематики, а также написанные непрофессионалами отзывы, полезные советы и рецепты. Все эти публикации рассматривались с точки зрения наличия, количества и стилистики пользовательских комментариев, их взаимодействия с исходным текстом.

Результаты исследования

При сопоставлении сетевых материалов между текстами обнаруживается дифференциация, определяемая признаком не столько жанровым (на который указывает А. А. Кибрик), сколько форматно-тематическим. Нам близок подход к классификации дискурсов, представленный в монографии

Н. Фэркло (Fairclough, 1995). По его словам, типы дискурса часто включают в себя два или несколько жанров; жанры и дискурсы бывают как совместимы, так и несовместимы. Каждый тип дискурса объединяет, по мысли Н. Фэркло, различные жанры, стили, модусы и «голоса» (это метафорическое обозначение автор использует, говоря об индивидуальных стилях) (с. 76–77).

Характер медиадискурса задается экстралингвистическим явлением – стимулом к началу речевой коммуникации. Мы выделили три основных типа таких стимулов. Им соответствуют различные тексты-реакции первого, второго и последующих уровней. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Типология жанров медиадискурса

Экстралингвистическое явление – стимул	Инициальный текст (уровень 1)	Текст-реакция (уровень 2)	Текст – вторичная реакция (уровни 3 и последующие)
Явление в сфере услуг и торговли	Пользовательский отзыв	Реплика поставщика услуг/товаров	Ответная реплика пользователя или другого читателя
Общественно-политическое событие	Журналистский новостной или аналитический материал	Комментарий читателя	Ответная реплика журналиста или комментарий другого читателя
Культурное событие, произведение искусства	Профессиональная рецензия или отзыв читателя/слушателя/зрителя	Комментарий читателя	Ответная реплика рецензента или комментарий другого читателя

Анализ материалов сайтов, посвященных магазинам, точкам общественного питания, гостиницам, кулинарии, показывают, что их средняя дискурсивная глубина невелика. Клиентский отзыв или остается без комментария, или сопровождается одной ответной репликой представителя той организации, которой была дана оценка. Это может быть благодарность за внимание, приглашение к дальнейшему взаимодействию, реже – возражение на замечание. Сама организация подобных сайтов обычно не предполагает продолжения диалога и подключения к нему других лиц. При размещении в Интернете рецептов и других полезных советов, исходящих от частных лиц, тексты могут сопровождаться откликами других посетителей сайта, но и в этом случае почти никогда не разворачивается долгая дискуссия с большим числом участников.

Тем не менее, даже при незначительной дискурсивной глубине, публикации на бытовые темы обладают признаками открытого, незавершенного, продолжающего функционировать и после постановки последней точки медиатекста. Рассмотрим на отдельном примере характерные черты этого типа дискурса.

На сайте Booking.com, представляющем собой гостиничный агрегатор и аккумулирующем клиентские отзывы, появляется запись: «Понравилось

все, но есть пожелания. В номере 4110 скрипучий пол, когда идешь к кровати, то без стука не пройдешь, можно ребенка разбудить! Нужно менять обязательно. С одной стороны матраса скрипело жутко. В 4-ом корпусе не было горки для поднятия коляски. Было бы хорошо одноразовые тапочки в номер. Бассейн большой прохладный, а маленький, который теплый, слишком маленький. Перила вход в главный корпус не предусмотрены для детишек, а стоило бы...» (Парк-отель Звенигород, 2019) (Сохранены стилистика и пунктуация оригинала – Е. Б.). Мы видим, что несмотря на общее позитивное впечатление от отеля, гости высказали ряд конкретных замечаний.

Ниже следует ответ администрации отеля: «Уважаемая Виктория. Благодарим вас за то, что уделили время поделиться впечатлением о проведенном отдыхе... Мы ценим Ваше мнение и будем рады, если Вы найдете возможным вновь посетить наш отель. С уважением, заместитель генерального директора по сервису...» (Парк-отель Звенигород, 2019) (Сохранены стилистика и пунктуация оригинала. Подчеркнуто нами – Е. Б.).

Данный мини-диалог представляется нам весьма показательным для современного медиадискурса с нескольких точек зрения. Прежде всего обращает на себя внимание акт квазикоммуникации: реплика, являющаяся по формальным признакам ответной, не содержит ответа ни на одну из претензий и ни на одно из предложений туристов. Администрация отеля как будто не замечает их указания на скрип пола, недостатки матраса, отсутствие перил и так далее.

Можно было бы предположить, что авторам отзывов сотрудники гостиницы рассылают стандартные ответы, но факты этого не подтверждают. Другому гостю, отметившему проблемы с питьевой водой в корпусах, тот же представитель администрации отвечает: «Уважаемый Александр, Позвольте поблагодарить Вас за выбор... а так же за Ваш положительный отзыв о нём. Мы искренне рады, что Вы посетили наш отель и по достоинству оценили его уровень и расположение. Ждем Вас снова, и надеемся, что подарим только положительные эмоции и яркие впечатления от отдыха!» (Парк-отель Звенигород, 2019) (Сохранены стилистика и пунктуация оригинала. Подчеркнуто нами – Е. Б.).

Это, несомненно, другой текст, но используется та же речевая тактика ухода от обсуждения негативных моментов и переключения внимания потенциальных читателей на положительные аспекты отзыва.

Вторая показательная характеристика ответных реплик администрации отеля – сочетание подчеркнутой (иногда гипертрофированной) вежливости с элементарной неграмотностью. Заместитель генерального директора обращается к гостям по именам, пишет местоимения «вы» и «ваш» с большой буквы – и при этом допускает грубые стилистические, орфографические и пунктуационные ошибки: использует конструкции «уделить время поделиться», «проведенный отдых», «найти возможным», ставит запятую между однородными сказуемыми, соединенным одиночным союзом «и», пишет союз «также» раздельно, а слово «позвольте» – с прописной буквы после запятой. Столь небрежное отношение к оформлению текста ставит под сомнение то внимательное и почтительное отношение к адресату, которое призваны продемонстрировать речевые формулы вежливости. Таким образом, перед нами пример квазидialogического

и квазивежливого общения, типичного для некоторых вариантов современного медиадискурса.

Другой его тип представлен публикациями СМИ на общественно-политические темы и сопровождающими их читательскими комментариями. Такому дискурсу свойственна бóльшая глубина: вызвавший интерес у посетителей сайта материал сопровождается несколькими комментариями, причем их авторы вступают в диалог не только с исходным текстом, но и друг с другом. Поскольку участники дискуссии высказываются анонимно, многие из них не соблюдают правил речевого этикета, выходят за рамки литературного языка, что ведет к значительному повышению уровня вербальной агрессии. Проанализируем отдельный пример.

На сайте радиостанции «Эхо Москвы» 27 августа 2019 г. был размещен пост директора Департамента информации и печати МИД России Марии Захаровой «Не либерализм, а крокодилизм» – о противоречиях внутри «большой семерки» и о сомнительном характере либеральных ценностей входящих в нее государств. Меньше чем через неделю публикация сопровождалась уже 371 комментарием. В одном из них говорилось: «Эх, не пускают Машку в Европу... Печалька...». За репликой последовал ответ: «Дурик. Машка как третьего дня вернулась из Монте Карло. А до этого была в Нице и на Мальте. За новостями следи. Первый комментатор отозвался на замечание: «Деточка, она хоть на Статую Свободы может влезть, слетав в Штаты за казенные бабки, но все равно останется для местных парией». Второй участник продолжил диалог: «Это ты кому «деточка» говоришь? Мне 76-летнему старцу на счету которого десятки либеральных скальпов» (Захарова, 2019) (Сохранены стилистика, орфография и пунктуация оригинала. Подчеркнуто нами – Е.Б.).

В данном случае признаки квазидialogа отсутствуют. Осуществляется полноценное речевое взаимодействие: собеседники реагируют и на содержание, и на форму высказывания оппонента. Нам не раз приходилось слышать замечание о том, что подобный обмен репликами в Интернете якобы нельзя расценивать как реальный диалог, поскольку на сайтах могут работать специальные сотрудники, публикующие провокативные высказывания с целью инициировать обсуждение того или иного вопроса. Это, несомненно, так, но, на наш взгляд, наличие инициальной реплики – провокации не отменяет сказанного ранее. Кем бы и с какой целью ни был опубликован первый (или любой последующий) комментарий, в дальнейшем спор развивается спонтанно, по законам диалога (точнее – полилога).

К числу характерных черт этого типа дискурса относятся, как уже было сказано, высокий уровень речевой агрессии (ты-формы, инвективы, ирония и сарказм и т.п.), а также значительное стилевое разнообразие. Участники дискуссии, не будучи представителями какой-либо одной социальной группы, привносят в диалог черты своих языковых личностей. Одни из них грамотны, другие – нет, одни используют языковую игру и апеллируют к большому числу прецедентных текстов, другие высказываются прямо и так далее.

В рассматриваемом примере первый комментатор прибегает к аллюзии: «...не пускают Машку в Европу» (отсылка к реплике из пьесы К.А. Тренёва

«Любовь Яровая» «Пустите, пустите Дуньку в Европу!» (Тренёв, 1978, с. 81)). По мнению ряда специалистов, термин «дискурсивная глубина» следует применять именно к подобным проявлениям интертекстуальности¹. Мы, однако, не можем с этим согласиться. Несомненно, медиатекст содержит большое число аллюзий и реминисценций, опирается на систему прецедентных феноменов (подробнее об этом см. Казак, 2010; Воцák, 2017). Но, на наш взгляд, следует различать *глубину текстовую*, определяемую сопряженностью данного словесного произведения с другими, существующими независимо от него, и *глубину дискурсивную*, возникающую при достраивании исходного текста другими, им порожденными и его продолжающими.

Значительной дискурсивной глубиной обладают и интернет-публикации на темы литературы и искусства – профессиональные рецензии и любительские отзывы.

Нам уже приходилось ранее писать о сетевой рецензии как макротексте и присущей ей тотальной диалогичности: она существует в неизбежном коммуникативном взаимодействии с оцениваемым произведением, а при интернет-публикации – с комментариями читателей (Басовская, 2019, с. 24).

Медиадискурс о литературе и искусстве имеет две основные разновидности. Специфика первой заключается, по нашим наблюдениям, в относительно большом объеме реплик-реакций, имеющих тенденцию перерастать в альтернативные отзывы об обсуждаемом художественном произведении.

Так, один из комментаторов рецензии А. Сидорчика на фильм «Т-34» на сайте издания «Аргументы и факты» создает фактически собственную короткую рецензию, которая почти не имеет точек пересечения с исходной профессиональной: «Я посмотрел фильм 3 числа. Фильм мне очень понравился. Сюжет захватывает, фильм смотрится на одном дыхании. Фильм так-же понравился всем моим друзьям и знакомым, кто на него ходил. Конечно, есть кинематографические допуски – например, танки ездят в бою медленной кучей. Но таких «допусков» в голливудских фильмах еще больше. Там «бесконечные» магазины в пистолетах, упавшие с обрыва машины взрываются так, как будто возят внутри ящики со снарядами и взрывчаткой, и т. д. Меня удивляют многочисленные язвительные отзывы на фильм. И то не так, и это не эдак. Но я хочу, чтобы таких фильмов было как можно больше. Дети должны знать настоящих героев, а не Бамблби и других человек-пауков. Приходишь под настроение в кинотеатр – а там смотреть нечего – одна туфта от марвелы. Супергерои тем, кто помладше, вампиры тем, кто постарше...» (Сидорчик, 2019) (Сохранены стилистика и орфография оригинала. – Е. Б.).

Второй подтип характеризуется потерей/подменой тезиса и перерастанием диалога о рецензируемом объекте в агрессивную полемику на другую, чаще всего политическую тему. Поскольку рецензент и некоторые комментаторы неизбежно расходятся в оценках, между ними нередко возникает конфликтный

¹ Данное замечание было сделано проф. Е. Г. Борисовой в устной форме в ходе обсуждения нашего доклада на конференции «Ялтинский дискурсологический кружок: конвенции и перспективы» в сентябре 2019 г.

диалог. При негативном отзыве об отрицательной рецензии возникает «удвоенный негатив», а рецензия как макротекст формирует своего рода «поле пейоративности», внутри которого участники диалога обмениваются инвективами уже вне прямой связи с изначально рассматривавшимся художественным явлением.

Например, обсуждение рецензии Э. Голубева на фильм «Текст» на сайте «Канобу» движется по следующей схеме. Критик упоминает о том, что исполнитель главной роли А. Петров – «наш Том Круз. Уж очень серьезно они оба к себе относятся». Этот тезис ни в коей мере не является ключевым для статьи, основной пафос которой направлен против режиссуры К. Шипенко и его авторской позиции. По словам Э. Голубева, «полное отрицание трендов, моды, социальных изменений – главная проблема фильма». Но комментаторы не обращают внимания на главную мысль рецензии и сначала детально обсуждают А. Петрова и допустимость проведения аналогии между ним и Т. Крузом, а затем – незаконные методы, используемые силовыми структурами и российское антинаркотическое законодательство.

При этом стилистика диалога балансирует на грани разговорности и грубого просторечия; общую тональность задают реплики «да я сам офигел, просто ж...у рвет, берет количеством, боюсь скоро у себя в сортире увижу его отражение»; «почему этот бездарь снимается так часто?»; «Как можно всерьез сравнивать Круза и это смазливое чмо???»; «И к чему ты мне это написал? Я отвечаю парню сверху. Типо у нас других актеров нет, возможно Петрова продвигает папик, или его домохозяйки очень любят...»; «Представления о тупых миллениалах» знатно Канобке кровь попортили, аж голубка Эдика... подрядили потявкать» (Голубев, 2019) и так далее. Участники беседы оскорбляют актера, критика и друг друга, что, вероятно, и является самоцелью – по крайней мере для части посетителей сайта.

Все это позволяет констатировать, что современная интернет-рецензия является жанром письменной агональной коммуникации. Формируемое ею поле пейоративности имеет как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, и само рецензирование, и комментирование публикации функционируют как форма психологической разрядки. С другой – формируется традиция дисгармоничного общения, аудитория приучается к отсутствию этических ограничений и непропорционально мощному выбросу отрицательных эмоций как реакции на любой, даже мелкий раздражитель.

В целом же обнаруживается определенная корреляция между дискурсивной глубиной и степенью вербальной агрессии. С наращиванием глубины и, соответственно, удалением от инициального текста понятийное содержание диалога размывается, а эмоциональное наполнение, напротив, увеличивается. На «больших глубинах» в ряде случаев вообще невозможно установить, что положило начало потоку брани. В данном случае трудно удержаться от развития метафоры и не сказать, что дискурсивная глубина «засасывает» коммуникантов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает нашу гипотезу и дает основания заявить о существовании, как минимум, одной характеристики современного

медиатекста, являющейся если не универсальной, то весьма широко представленной в публикациях различных жанров. Мы условно обозначаем данное свойство словосочетанием «дискурсивная глубина». Каждая реплика комментатора может рассматриваться «ступенью», а движение по «ступеням» углубляет, на наш взгляд, исходный текст как содержательно, так и стилистически.

Как показывает изученный материал, средняя дискурсивная глубина варьируется в зависимости от предмета обсуждения и типа публикации. Так, размещенные в сети отзывы о ресторанах, отелях и других подобных объектах, рецепты и полезные советы чаще всего сопровождаются комментарием первого или первого и второго уровня (реакция администрации объекта на отзыв, пользовательская оценка рецепта и т. п. плюс ответное замечание).

В то же время аналитические материалы, такие как политический комментарий или рецензия на художественное произведение, нередко стимулируют развернутую дискуссию. Их глубина может составлять 5–10 уровней.

Возвращаясь к идее А. А. Кибрика рассматривать не язык СМИ в целом, а подъязыки конкретных жанров, следует отметить, что данная задача существенно затрудняется усиливающимся размыванием жанровых границ и трансформацией жанров СМИ в постжанры медиа. В частности, сегодня вряд ли возможно проведение четкой границы между профессиональной рецензией и любительским отзывом, и одной из причин этого, безусловно, является включение в гипертекст рецензии многочисленных пользовательских комментариев.

Дискурсивная глубина может присутствовать и у традиционного публицистического текста, если, например, публикация статьи в газете сопровождается подборкой читательских писем, касающихся того же вопроса. Однако принципиальная разница между классической системой средств массовой информации и современным медиапространством заключается в том, что сегодняшний медиатекст изначально рассчитан на комментирование, данный процесс технически обеспечен (и максимально облегчен для пользователя). Совместная публикация текста, комментария к нему, а также комментариев к комментариям в сочетании с возможностью продолжать диалог практически бесконечно создает феномен многоступенчатого, углубленного текста с открытой процессуальностью, то есть собственно медийного дискурса.

Список литературы

1. Басовская, Е. Н. (2019). Категория диалогичности в современном медиатексте (на материале кинорецензий). *Филология в XXI веке*, 1, 23–28.
2. Брайант, Дж., Томпсон, С. (2004). *Основы воздействия СМИ*. Москва, Санкт-Петербург, Киев: Издательский дом «Вильямс».
3. Голубев, Э. (2019, 18 октября). Петров-хипстер, Баства и виртуальный секс. Каким получился «Текст» по Дмитрию Глуховскому. *Канобу*. Взято 9 января 2020, с <https://kanobu.ru/articles/petrov-hipster-basta-i-virtualnyij-seks-kakim-poluchilsya-tekst-po-dmitriyu-gluhovskomu-374553/>
4. Дускаева, Л. Р. (Ред.). (2018). *Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник*. М.: ФЛИНТА.

5. Елистратов, В. (2017, 2 июня). Оставленные: обзор фильма «Нелюбовь» Андрея Звягинцева. *DTF*. Взято 29 июня 2019, с <https://dtf.ru/cinema/7047-ostavlennyye-obzor-filma-nelyubov-andreya-zvyaginцева>
6. Захарова, М. (2019, 27 августа). Не либерализм, а крокодилизм. *Эхо Москвы*. Взято 9 января 2020, с <https://echo.msk.ru/blog/mzakharova/2490083-echo/comments.html#comments>
7. Казак, М. Ю. (2010). Интертекстуальные модели медиатекстов. В А. П. Короченский, М. Ю. Казак (Ред.), *Журналистика и медиаобразование. Сб. тр. IV Междунар. науч. – практ. конф. (Белгород, 22–24 сент. 2010 г.)* (с. 347–354). Белгород: Изд-во «БелГУ».
8. Кибрик, А. А. (2011). Дискурсивная таксономия и медийный дискурс. В М. Н. Володина (Ред.), *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке* (с. 79–85). М.: Академический Проект.
9. Коньков, В. И., Потсар, А. Н., Сметанина, С. И. (2004). Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития. В *Современная русская речь: состояние и функционирования. Сборник аналитических материалов* (с. 67–81). СПб.: Филол. Ф-т СПбГУ.
10. Мельник, Г. С. (2012). Современный медиатекст: исследовательские подходы. В *Медиатекст как предмет исследования* (с. 6–8). СПб.: Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования.
11. Парк-отель Звенигород (2019, 22 августа). Взято 9 января 2020, с https://www.booking.com/hotel/ru/heliopark-talasso.ru.html?aid=397643;label=yan104jc-1FCAEoggl46AdIM1gDaMIBiAEBmAEhuAEXyAEM2AEB6AEB-AEMiAIBqAIDuALyodvwBcACAQ;sid=ea6d654a992ceafe47c8d0255532c3e6;all_sr_blocks=47627910_237510495_0_85_0;checkin=2020-02-01;checkout=2020-02-02;dest_id=-3048691;dest_type=city;dist=0;group_adults=2;group_children=0;hapos=1;highlighted_blocks=47627910_237510495_0_85_0;hpos=1;no_rooms=1;room1=A%2CA;sb_price_type=total;sr_order=popularity;sr_pri_blocks=47627910_237510495_0_85_0__663000;sreporch=1578553614;srpvid=182e3207021300f7;type=total;ucfs=1&#tab-reviews
12. Пильгун М. А. (Ред.). (2011). *Системные изменения в массовых коммуникациях и медиатекст. Сборник научных статей*. Науч. ред. М.: Изд-во Российского гос. социального ун-та.
13. Сидорчик, А. (2019, 9 января). Неуловимые танкисты. Плюсы и минусы картины «Т-34». *Аргументы и факты*. Взято 20 января 2019, с https://aif.ru/culture/movie/neulovimye_tankisty_plyusy_i_minusy_kartiny_t-34
14. Сметанина, С. И. (2012). Журналистский текст в мультимедийном пространстве. В *Медиатекст как предмет исследования* (с. 11–12). СПб.: Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования.
15. Тренёв, К. А. (1978). *Любовь Яровая*. Л.: Лениздат.
16. Vočák, M. (2017). Media Texts as the Crossroads without a Final Approval (On the Notion of “Purposeless Intertextuality” in the Popular Media Texts). *Jazyk a kultúra*, 29–30(8), 8–17.
17. Fairclough, N. (1995). *Media-Discourse*. London: Bloomsbury Academic.
18. Luginbühl, M. (2015). Media Linguistics: On Mediality and Culturality. *10 plus 1: Living Linguistics*, 1, 9–26.

19. Talbot, M. (2007). *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh University Press.

References

1. Basovskaya, E.N. (2019). Kategoriya dialogichnosti v sovremennom mediatekste (na material kinorecenzij) [Category of dialogicality in modern media text (based on film reviews)]. *Philology in the XXI century*, 1, 23–28.
2. Bočák, M. (2017). Media Texts as the Crossroads without a Final Approval (On the Notion of “Purposeless Intertextuality” in the Popular Media Texts). *Jazyk a kultúra*, 29–30(8), 8–17.
3. Bryant, J., & Thompson, S. (2004). *Fundamentals of media effects*. Moscow, Saint Petersburg, Kiev: Publishing house “Vil’yame”.
4. Duskaeva, L.R. (Ed.). (2018). *Medialingvistika v terminah I ponyatijah. Slovar’-spravochnik* [Media linguistics in terms and concepts. Dictionary-reference]. Moscow: Flinta.
5. Elistratov, V. (2017, June 2). Ostavlennye: obzor fil’ma “Nelyubov” Andrey Zvyaginceva [Left: Review of the film “Nelyubov” by Andrey Zvyagintsev]. *DTF*. Retrieved June 26, 2019, from <https://dtf.ru/cinema/7047-ostavlennye-obzor-filma-nelyubov-andreya-zvyaginceva>
6. Fairclough, N. (1995). *Media-Discourse*. London: Bloomsbury Academic.
7. Golubev, E. (2019, October 18). Petrov-hipster, Basta i virtual’nyj seks. Kakim poluchilsya “Tekst” po Dmitriyu Gluhovskomu. [Petrov-hipster, Basta and virtual sex. What is the film “Text” based on the book by Dmitry Glukhovskiy]. *Kanobu*. Retrieved January 9, 2020, from <https://kanobu.ru/articles/petrov-hipster-basta-i-virtualnyij-seks-kakim-poluchilsya-tekst-po-dmitriyu-gluhovskomu-374553/>
8. Kazak, M. Yu. (2010). Intertekstual’nye modeli mediatekstov [Intertextual models of media texts]. In *Zhurnalistika i mediaobrazovanie* [Journalism and media education] (pp. 347–354). Belgorod: BelGU.
9. Kibrik, A. A. (2011). Diskursivnaya taksonomiya i medijnyj diskurs [The taxonomy of discourse and media discourse]. In *Yazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke* [Language and discourse of mass media in the XXI century] (pp. 79–85). Moscow: Akademicheskij Proekt.
10. Kon’kov, V.I., Potsar, A.N., & Smetanina, S.I. (2004). Yazyk SMI: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya [The language of mass media: current state and development trends]. In *Sovremennaya russkaya rech’: sostoyanie i funkcionirovaniya* [Modern Russian speech: state and functioning] (pp. 67–81). Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg University.
11. Luginbühl, M. (2015). Media Linguistics: On Mediality and Culturality. *10 plus 1: Living Linguistics*, 1, 9–26.
12. Mel’nik, G. & S. (2012). Sovremennyy mediatekst: issledovatel’skie podhody [Modern media text: research approaches]. In *Mediatekst kak predmet issledovaniya* [Media text as a subject of research] (pp. 6–8). Saint Petersburg: Saint Petersburg Institute of Humanities education.
13. Park Hotel Zvenigorod (2019, August, 22, August 31). Retrieved January 9,

2020, from https://www.booking.com/hotel/ru/heliopark-talasso.ru.html?aid=397643;label=yan104jc-1FCAEoggI46AdIM1gDaMIBiAEBmAehuAEXyAEM2AEB6AEB-AEMiAIBqAIDuALyodvwBcACAQ;sid=ea6d654a992ceafe47c8d0255532c3e6;all_sr_blocks=47627910_237510495_0_85_0;checkin=2020-02-01;checkout=2020-02-02;dest_id=-3048691;dest_type=city;dist=0;group_adults=2;group_children=0;hapos=1;highlighted_blocks=47627910_237510495_0_85_0;hpos=1;no_rooms=1;room1=A%2CA;sb_price_type=total;sr_order=popularity;sr_pri_blocks=47627910_237510495_0_85_0__663000;sreepoch=1578553614;srpvid=182e3207021300f7;type=total;ucfs=1&#tab-reviews

14. Pilgun, M. (Ed.) (2011). *Sistemnye izmeneniya v massovyh kommunikacijah i mediatekst* [System changes in mass communications and media text]. Moscow: Publishing house of the Russian State Social University.

15. Sidorchik, A. (2019, January 9). Neulovimye tankisty. Plyusy i minusy kartiny “T-34”. [Elusive tankers. Pros and cons of the film “T-34”]. *Argumenty i fakty*. Retrieved January 20, 2019, from https://aif.ru/culture/movie/neulovimye_tankisty_plyusy_i_minusy_kartiny_t-34

16. Smetanina, S. I. (2012). Zhurnalistskij tekst v mul'timedijnom prostranstve [Journalistic text in multimedia space]. In *Mediatekst kak predmet issledovaniya* [Media text as a subject of research] (pp. 11–12). Saint Petersburg: Saint Petersburg Institute of Humanities Education.

17. Talbot, M. (2007). *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh University Press.

18. Trenyov, K. A. (1978). *Lyubov' Yarovaya*. Leningrad: Lenizdat.

19. Zaxarova, M. (2019, August 27). Ne liberalizm, a krokodilizm [Not liberalism, but crocodilism]. *E'xo Moskvu*. Retrieved January 9, 2020, from <https://echo.msk.ru/blog/mzakarova/2490083-echo/comments.html#comments>

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ КАК КОНСТАНТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (на примере апокрифической литературы)



Воробьева Светлана Николаевна,

Тверской государственный технический университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Тверь, Россия,
ORCID: 0000-0003-0980-8893,
E-mail: vorobeva-66@mail.ru



Селезнева Лариса Васильевна,

Российский государственный социальный университет,
доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-8546-6496,
E-mail: loramuz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2020, принята к публикации 30.03.2020

Для цитирования: Воробьева С.Н., Селезнева Л.В. Библейские образы как константы религиозного дискурса (на примере апокрифической литературы) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 34-49. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10103

Аннотация

В статье в рамках дискурсологического подхода проводится анализ библейских образов, представленных в апокрифе «Хождение Агапия в рай».

Библейские образы представляют собой константы религиозного дискурса. Именно через них в прямой или завуалированной форме транслируются религиозные ценности, ценности веры. Семантико-символическое содержание библейских

© Воробьева С.Н., Селезнева Л.В., 2020



образов раскрывает скрытый духовно-нравственный смысл текста, связанный с идеей спасения человека, основные христианские истины. Апокрифы не являются основным жанром религиозного дискурса. Они относятся к легкому занимательному чтению, но при этом они призваны были выполнять общую с религиозной литературой духовную работу.

Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы показать, какое место отводится библейским образам в апокрифе и какую роль они сыграли в передаче и распространении богословских знаний и истин, в формировании мировоззренческого сознания древнерусского человека.

Данный апокриф входит в тематический апокрифический цикл рассказов о рае. В основе анализа лежит аллегорический способ толкования текста, раскрывающий символический смысл образов. Его особенность заключается в том, что рассмотрение явлений окружающего мира дается через призму религиозных представлений, связанных и определяющихся вероучением, системой конкретных положений: признание Бога как высшего Начала, являющегося причиной бытия всего сущего, убеждением в способности человека к общению и единению с Ним как в этой, так и в будущей жизни через веру, основанную на системе научных знаний о Боге, религиозных догматах и заповедях, которые в скрытой форме присутствуют и в апокрифической литературе.

Ключевые слова:

апокриф, аллегория, дискурс, религиозный дискурс, библейский образ, константы, символ, Бог.

UDC 659.4

DOI 10.24411/1817-9568-2020-10103

BIBLICAL IMAGES AS CONSTANTS OF RELIGIOUS DISCOURSE (On the Example of Apocryphal Literature)

Vorobyova Svetlana Nikolaevna,

Tver State Technical University,
Candidate of Philology,
Associate Professor of Russian Language,
Tver, Russia,
ORCID: 0000-0003-0980-8893,
E-mail: vorobeva-66@mail.ru

Seleznyova Larisa Vasilyevna,

Russian State Social University,
Doctor of Philology,
Associate Professor of Russian Language and literatures,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-8546-6496,
E-mail: loramuz@yandex.ru

Article received on February 10, 2020, accepted on March, 30, 2020

To cite this article: Vorobyova, S.N., Seleznyova, L.V. (2020). Biblejskie obrazy kak konstanty religioznogo diskursa (na primere apokrificheskoy literatury) [Biblical images as constants of religious discourse (On the example of apocryphal literature)]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 34–49. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10103

Abstract

The article analyzes the biblical images presented in the Apocrypha “The walk of Agapius to Paradise” within the framework of a discoursological approach.

Biblical images are constants of religious discourse. It is through them that religious values, the values of faith, are transmitted in a direct or veiled form. The semantic and symbolic content of the biblical images reveals the hidden spiritual and moral meaning of the text associated with the idea of human salvation, the main Christian truths. Apocrypha is not the main genre of religious discourse. They belong to easy entertaining reading, but at the same time they were intended to perform spiritual work in common with religious literature.

The purpose of this study is to show what place is given to the biblical images in the Apocrypha and what role they played in the transmission and dissemination of theological knowledge and truths, in the formation of the worldview of ancient Russian people.

This Apocrypha is included in the thematic apocryphal cycle of stories about Paradise. The analysis is based on an allegorical way of interpreting the text, revealing the symbolic meaning of the images. Its peculiarity lies in the fact that the consideration of the phenomena of the world is given through the prism of religious ideas, bound and determined creed, system of specific provisions: the recognition of God as a Supreme principle that is the cause of existence of all things, a belief in the ability of man to fellowship and Union with Him both in this world and in the hereafter through faith, based on the system of scientific knowledge about God, religious dogmas and commandments, which in latent form is present in the apocryphal literature.

Keywords:

apocrypha, allegory, discourse, religious discourse, biblical image, constants, symbol, God.

Введение

Религиозная коммуникация и православный религиозный дискурс в последнее время оказываются в поле зрения исследователей разных научных направлений (М.С. Берендеева, Е.В. Бобырева, М.Н. Ерасько, В.В. Карасик, Н.Б. Мечковская, Е.А. Огнева, А.К. Погасий, Е.В. Сергеева и др.). Предметом интереса становятся религиозная лексика и концептосфера, аксиологический аспект, границы самого религиозного дискурса, описание религиозной картины

мира и роль выразительных средств в ее формировании и т. д. Однако значение библейских образов представлено слабо, особенно в работах по изучению апокрифического творчества, которое, к сожалению, до сих пор остается мало востребованным и изученным. Так, до конца не определены их место и роль в передаче богословских знаний и установлении вероучительных истин, повлиявших на процесс становления христианских представлений о жизни верующих. Не был проведен анализ библейских образов, интерпретация которых может быть рассмотрена как своеобразный способ религиозно-художественного размышления о действительности, специфический язык религиозной коммуникации и как константы религиозного дискурса.

Апокрифы представляют собой жанр, который находится как бы на периферии религиозного дискурса. Это обусловлено тем, что они не выполняют собственно богослужебные функции, и, несмотря на свое религиозное содержание, относятся к неканоническим произведениям, которые Церковь не признает Священными. Именно поэтому апокрифы не включаются в реестр и не считаются правилом веры и благочестия для верующих, как тексты Ветхого и Нового Завета. Большинство апокрифических произведений, преимущественно переводных с греческого языка, с конца XVII века стали вноситься в специальные списки отреченных книг – так называемые Индексы, какие на Руси были известны еще с XI века. Апокриф относился Индексами к запрещенной литературе, однако древнерусские книжники помещали его в сборники житий.

Известно, что апокрифы относились к легкому занимательному чтению, но при этом они призваны были выполнять общую с религиозной литературой духовную работу. Их занимательность и в какой-то степени острозащитность наряду с доступностью и простотой стиля отличали их от сухих догматических текстов и как бы исподволь формировали у читателя монашеско-аскетический идеал, необходимый идеологам церкви в религиозно-поучительных целях.

Неоднозначное отношение Церкви к апокрифическим произведениям было вызвано рядом причин, основными из которых являются:

1. наличие исторических и географических неточностей, множество анахронизмов;
2. неточное или ложное изложение основ вероучения, распространение взглядов и поддержание обрядов, расходящихся с установленными каноническими правилами;
3. анонимный характер изложения и вольная интерпретация представленных событий, идей, мыслей, являющихся результатом художественного творчества.

Несмотря на это апокрифы заняли свое место в древнерусской литературе, так как наряду с переводами канонических текстов формировали жанровую систему древнеславянской литературы, и, став «литературой-посредницей», сыграли важную роль в осмыслении древнерусскими читателями библейской и христианской истории. Это обусловлено тем, что апокрифические произведения подробнее канонических текстов освещали отдельные ветхозаветные и евангельские сюжеты или иначе, чем в Библии, толковали их, давали развернутые сюжетные комментарии к библейским текстам, независимо от их богословско-догматического толкования. В жанровом и тематическом отношении следовали за каноническими текстами Священного Писания, поэтому в той или иной степени их содержание

было связано с прототипическим текстовым источником, и вполне объяснимым является тот факт, что библейские образы активно использовались в апокрифах.

Здесь можно выделить ряд причин, одной из которых является их вхождение в общепринятый комплекс условных выражений, что и делало их специфическим языком общения христиан, своеобразным способом передачи информации. За библейскими образами закреплялись ирреальные и символические значения, непосредственно связанные с явлениями духовного мира, библейскими или церковно-историческими событиями. Они приобщали читателей к вероучительным идеалам о Боге, о вечной жизни, о загробном мире, о будущем воскресении и другим истинам Благовестия, отчего и воспринимались как сакральные и служили символической формой выражения определенных идей, понятных только христианам. Например, виноградная лоза и грозди винограда ассоциировались в сознании верующего с образом Христа, так как соотносились со словами Спасителя: «Я есмь истинная виноградная лоза, а отец Мой – виноградарь» (Ин. 15:1–20). Виноградная лоза и птица символизировали рай и души праведных людей. Понятен был христианам образ доброго пастыря с овечкой на плечах, который являлся прообразом Христа, взявшего на себя бремя человеческих грехов.

Анализ библейских образов основывался на святоотеческой традиции, предложившей разные методы толкования текста. На основе этой традиции была разработана сложнейшая стратификация текста Священного Писания, в соответствии с которой различаются четыре типа смыслов: буквальный («дословный»), или исторический, и три духовных смысла – аллегорический (иносказание, объясняющее понятие при помощи конкретных образов), тропологический (моральный), связанный с нравственным способом поведения, и анагогический или «сверхсмысл», раскрывающий сокровенные духовные тайны. Результатом такой экзегезы, как отмечал Г. Фаст, является «получение нескольких взаимодополняющих вариантов интерпретаций одного и того же фрагмента библейского текста» (Фаст, 2009, с. 24). Часто используемым являлся аллегорический метод (разработан раннехристианскими мыслителями II–III в. Клементом Александрийским и Оригеном), к которому не раз обращались, например, такие толкователи Священного Писания, как Григорий Нисский, бл. Феофилакт Болгарский, Максим Исповедник, Кирилл Александрийский и др.

Аллегорический метод толкования позволяет раскрыть символический смысл библейских образов, который не проявляется при понимании повествования в прямом смысле, а обнаруживается под углом зрения программируемого символического переосмысления, так как «весь духовный мир таинственно представлен в символических образах в мире чувственном для тех, кто имеет очи, чтобы видеть, и весь чувственный мир заключен в мире духовном» (Сербский, 2001). Символ же, как известно, – это условный знак, в котором находит отражение какой-то смысл, идея или понятие, понимаемое всеми; это выражение невидимого в видимом.

Результаты исследования

Апокриф «Хождение Агапия в рай» имеет разные варианты названия, одно из которых представляет собой основную сюжетную линию: «Слово Святого

отца нашего Агапия, который ради людей оставляет свой дом, и берет крест, идет за Христом, как велит Святое Евангелие». Апокриф рассказывает о том, как Агапий, игумен одного из монастырей, был вознесен Господом на небо. Мотивирующей основой необычного странствия героя во времени и пространстве является попытка найти ответ на вопрос: «Господи, скажи мне, ради чего оставляют люди дом свой и следуют Тебе?», который задается им во время молитвы. Поэтому все последующее повествование в какой-то степени является поиском ответа на него.

Сюжет рассказа включает следующие фрагменты: 1) добровольное оставление главным героем семьи, уход в монастырь и желание узнать ответ на вопрос; 2) оставление монастыря и прощание с братией; 3) начало пути к Богу в сопровождении орла; 4) путешествие на корабле с ребенком и двумя мужами; 5) перенесение монаха на небо; 6) встреча с Господом во славе великой и 12 апостолами; 7) встреча с пророком Илией, который дает ему небесный хлеб; 8) спасение голодных и обессиленных людей небесным хлебом; 9) воскрешение юноши; 10) отшельничество.

Само название текста, а также выделенные фрагменты композиционной схемы показывают, что архитектура произведения формируется хронотопом дороги, ведь «хождение» предполагает некий путь, и целью этого пути является рай. Используемые в тексте глаголы движения шел, пошел, вышел, направился, вступил, поклонился, прибыл и т.д. создают динамику повествования и полностью соответствуют принципу данного жанра (Рождественская, 2010). Дорога – это и место неожиданных встреч, где пересекаются пути различных персонажей, поэтому сюжетобразующим событием хронотопа становится встреча с разными персонажами. Она является организационным центром основных событий апокрифа и приобретает символический смысл (Бахтин, 1986, с. 134). Во время путешествия Агапий встречает на своем пути орла, ребенка, 12 апостолов, Господа, пророка Илию, голодных и обессиленных людей, которые во многом влияют и определяют его дальнейшую судьбу. За счет этих образов путь – дорога наполняется новым смыслом («дорога к Богу», «дорога в Рай», «путь духовного преображения») и расширяется ее хронотопическая ценность.

Организирующая роль в тексте отводится образу отца Агапия, который является участником событий, свидетелем существования иной реальности, описание которой ориентируется на библейские представления, но не всегда с ними совпадает. Сравним описание рая в апокрифе и в канонической традиции. Представленные в Библии события являются абсолютной реальностью, поэтому все, о чем говорится и пишется в этом источнике, у верующих не вызывает сомнения. В апокрифе сказочно-мифическая форма становится выражением вымышленного пространства рая, который определяется его создателем как труднодоступное, находящееся за пределами земли, в поднебесье, что не противоречит канонической традиции. Условием и причиной попадания туда является смерть. В апокрифе символической формой смерти становится уход Агапия из монастыря и прощание с братией.

Немаловажное значение имеет духовное и нравственное состояние человека, поэтому каждый смертный, согласно Преданию, проходит так называемые мытарства, своего рода нравственные испытания, на основании которых определяется его участь. Путешествие героя апокрифа также сопряжено с преодолением

ем разного рода препятствий, одним из которых становится встреча с дикими зверями, символизирующими внутреннюю духовную борьбу с самим собой, без чего невозможна встреча с Богом. Важную роль играет вера и молитва, цель которых отвести угрозу гибели и заручиться поддержкой божественных сил. А символический образ воды ассоциируется с образом защиты, некоей границы, которая отделяет один мир от другого, а также, с дорогой, ведущей в иной мир. Так, например, в Библии рай окружен райскими реками, ворота охраняют огненные херувимы, и грешник не может попасть в землю обетованную, потому что, являясь человеком «суетного мира», греховным по своей природе, не принадлежит ему.

В повествовании проводится мысль о параллельном существовании двух реальностей. Кроме того, и сами персонажи указывают на свою принадлежность к разным формам бытия: Агапий принадлежит тварному миру, пророк Илия, хотя по человеческой природе еще и является представителем мира живых (был вознесен на небо живым, как и один из сыновей Адама праведный Енох), однако по факту существования – представитель небесного мира. О том, что Агапий иной бытийной формации говорит его поведение (удивление, восхищение), свидетельствующее о том, что в силу своей греховности он еще не ощущает себя частью этого мира (как известно, вхождение в Царствие Небесное открывается праведникам, пребывающим в преображенном духовном состоянии), чего не скажешь о пророке, который комфортно чувствует себя в небесной реальности. Несмотря на параллельность существования, небесный и земной миры связаны между собой через единство небесной и земной Церкви и Христа, встреча с Которым происходит в поднебесье, в преддверии рая. На пограничность Рая в древнерусской апокрифической литературе между земным миром и небесным на его двойственную природу обращалось внимание исследователей (см. Мильков, 1997b). Неканоническое представление о невозможности пребывания грешного человека в раю полностью совпадает с канонической традицией, и мысль об удаленности рая, его труднодоступности не противоречит библейскому представлению.

Однако преодоление границы миров становится возможным через Христа и созданную Им Церковь. В апокрифе первая встреча Агапия – с орлом, который указывает путь. В апокрифе орел – это аллегорическое воплощение Христа, которое выполняет указывающую и направляющую роль: «Я орел, который истинный путь тебе показывал», – говорит Агапию Господь. В.В. Мильков отмечает, что данное аллегорическое представление Христа выглядит довольно дерзко с точки зрения канонического благочестия (см. Мильков, 1997a). И это так. В канонической литературе Бог лишь сравнивается с орлом, а не перевоплощается в него. Например, в Исходе, когда говорится о том, как Господь вывел Израиль из Египта, Господь сказал: «Вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе» (Исх. 19:4). Образ орла в апокрифе – это скорее проявление сказочно-мифологического мышления, в котором эта хищная птица выступает в роли друга героя или Бога.

Обратимся к образу орла (данный образ присутствует в Псалтири, он заявлен в тексте как символ юности («обновится яко орля юность твоя» (Пс. 102:5)), один из аллегорических воплощений Христа), ребенка и духа, которые олицетворяют собой в тексте образ Святой Троицы, каждое Лицо Которой есть Бог,

но Они суть не три Бога, а единое Божественное существо. Поскольку Началом воли и действия является Отец, то Его присутствие в тексте фиксируется через нисходящий с небес голос, призывающий главного героя выйти из монастыря и встать на путь духовного возрастания. Образы орла и маленького ребенка – различные явления Второй Ипостаси, Сына, через которого действует Отец в Духе Святом («И преисполнился духом святым Агапий»): «Я – говорящий с тобой в монастыре [и сказавший]: Выйди на путь [ко] Мне. Я – орел, который истинный путь тебе показывал, Я – малый ребенок, который тебя через море перевез, Я – Господь Бог твой и неба, и земли, и всей видимой твари [создание] и невидимой» (Апокрифы ..., 1997).

Данное указание на троичность Лиц в Боге отсылает читателя к библейским событиям Крещения и Преображения Господня, которые в Евангелии от Матфея описываются следующим образом: «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:16–17). На горе Фавор: «Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». (Мк. 9:7; Лк. 9:34–35; 1 Пет. 1:17–18).

Корабль, рассекающий морские просторы, в православном сознании ассоциируется как с земной, так и небесной Церковью. Земная состоит из членов, живущих на земле, называемая «странствующая» или «воинствующая», а небесная – из ангелов и всех усопших в вере и покаянии, называемая «торжествующая». Хотя эти Церкви и различны по форме бытия своих членов, но не изолированы друг от друга, так как составляют единое тело, глава которого – Христос. Следует отметить, что многие православные храмы строились в форме корабля, который во главе с Христом, преодолевая все жизненные бури и невзгоды (морские пучины – аллегория житейского моря), спасает верующих от губительных волн греховного бытия и плывет в Царствие Небесное.

По цели своего бытия Церковь называется апостольской, поэтому указание на 12 мужей в белых ризах и 13-м мужем в славе великой – апостолов и Христа неслучайно, так как они стояли у истоков ее исторического бытия, передали учение, установили таинства и священнодействия, начала ее канонической структуры, поставили первых епископов. Спасение верующего осуществляется через вхождение в Церковь, так как Христос спасает не отдельных людей, а Церковь как единое целое, и все средства для спасения верующего и пребывания его в раю находятся только там, на что и дается указание в тексте через этот символический образ.

Говоря о концепции рая в апокрифах, М.В. Рождественская утверждает: «Все же в византийской и древнерусской литературах цельного образа Рая не сложилось, черты его повторяются из одного описания в другое и становятся этикетными: Рай многоцветен, многоголосен, благоуханен, светел, расположен то на востоке, то на небесах, то на разных уровнях тверди небесной, то между этой твердью и твердью земной и т. д. При этом набор характерных определений и качеств Рая достаточно однообразен» (Рождественская, 2010).

Неизвестность месторасположения рая, однообразие в описании райского пространства обусловлены отсутствием в Священном Писании его развернутых

характеристик, потому что цель Божественного Откровения – привести верующего к спасению. К тому же, с точки зрения святоотеческого наследия, земными словами невозможно изобразить небесную красоту, так как она превосходит человеческое понимание.

Библейский источник был образцом, определенной моделью, на которую и ориентировалась апокрифическая литература, поэтому в основе представления апокрифа о Рае лежит библейская традиция изображений Рая в Ветхом Завете. Из книги Бытие, рассказывающей о сотворении мира, мы узнаем о насаждении Эдема всевозможными растениями, плодоносными деревьями, о нахождении в нем птиц разнообразной окраски и животных, различных пород без какого-либо конкретного описания: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог на земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделилась на четыре реки» (Быт. 2:8–10). По учению преп. Симеона все образы рая имеют духовную природу – символы блаженства, которое заключается в непрестанном созерцании Бога.

В апокрифе эти символические образы (благоухание цветов, наличие различных видов плодов, разнообразие птиц с многообразной расцветкой оперения), в отличие от канонического источника, имеют чувственно-созерцательную природу, поэтому вызывают такие положительные эмоции у главного героя, как удивление, радость. Особое восхищение испытывается при лицезрении света особого свойства (свет в семь раз светлее света): «этот свет – ангельский и праведных душ», душ человеческих, ожидающих, как и пророк второго пришествия Спасителя, Который явится миру во всей Своей Славе.

Образ Славы Господней, представленный в повествовании, вызывает ассоциации с библейскими описаниями. Так, например, в 6 главе Книги пророка Исаяи читаем: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!». Во многих апокрифах встречаются подобные ориентирующиеся на библейский источник описания, отличие заключается лишь в том, что в одних текстах видение представлено более подробно, в других менее. Они становятся «постоянными элементами описания райского пространства, формирующими «райский топос» (Рождественская, 2002).

В апокрифической литературе для характеристики райского локуса обращались и к образу Креста, символу спасения, «высотой до неба, светящийся сильнее солнца». Так, в понимании большинства людей Крест символизирует христианство, потому что связан с Христом и Его крестной смертью. Однако для самих христиан Крест имеет особое значение. Во-первых, на нем совершилась великая Тайна нашего искупления: «грехи наша вознесе на Телe Своем на древо» (1 Пет. 2:24). Во-вторых, Он стал оружием победы над смертью и спасительным знаком для нас: «...Я отдаю жизнь Мою... Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» (Ин. 10:17–18). В-третьих, страшная Жертва, принесенная Богом

на Кресте, имеет и неземное значение, так как является символом будущего Воскресения. В-четвертых, в Нем заключена огромная спасительная сила, поэтому в одном из своих Посланий апостол Павел писал: «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23), «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор. 1:18). Для верующего человека крест, надетый в Таинстве Крещения, является проявлением любви и веры Спасителю и почитается как животворящая святыня, потому что на него изливалась Кровь Спасителя.

В тексте апокрифа Крест понимается и как единство времени и пространства, центр жизни, соединение видимого и невидимого мира. Он все обнимает, простирается во все концы, во все пространство мироздания на все времена, запечатлевается на всем Творении Божиим. Не случайно преподобный Иоанн Дамаскин писал о Кресте так: «Как четыре конца Креста связываются и соединяются в центре, так Божией силой содержатся и высота, и глубина, и долгота, и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь» (Дамаскин, без даты).

Обращает на себя внимание и еще одна деталь: символ креста для верующего должен заключаться в подвиге следования за Христом и несении своего креста: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8:34), что и исполняется главным героем. Он смиряется перед Спасителем в своих немощах, умаляет себя ради Христа и ближнего, подражает Ему в кротости и любви к людям, распинает (умертвляет) свои страсти, терпит скорби и беспрекословно исполняет Его волю. Кроме того, Крест становится знаком Церкви, воплощением жертвенной Любви Бога к людям, символом истинного пути для тех, кто желает спасения своей души и наследования Царствия Небесного: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы: возьмите иго мое на себе и научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим: иго бо мое благо, и бремя мое легко есть» (Мф. 11:28–30). Именно содержащуюся в словах Спасителя истину и хочет познать Агапий через личный опыт богообщения в поисках ответа на волнующий его вопрос: «Почему люди оставляют все и идут за Христом?»

Используя метод аллегорического толкования, мы имеем основание предполагать, что описываемое место является не просто прообразом рая небесного (царствия божья), а олицетворяет собой духовную близость с Творцом, пребывание с Которым и дает ощущение райского блаженства, в материальном выражении и представляет собой так называемый рай. В новозаветной традиции, как было сказано ранее, рай всегда понимался духовно, как «царствие небесное», о чем свидетельствовали евангельские тексты, говорившие об уготованном праведникам блаженном состоянии душ. Предполагалось, что в раю небесном они будут пребывать вместе с ангелами в свете божественной славы. Небесное царство рисовалось в абсолютно внеприродных категориях, так как небесный рай не причастен материальному и не может быть объектом чувственного восприятия, соответственно, он не может быть описан в конкретных чувственно осязаемых образах. В Первом Послании к Коринфянам апостол Павел писал: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его» (1 Кор. 2:9). Райское блаженство прежде всего связывается с грядущей эсхатологической вечностью: «по Воскресению не женятся, но пребывают как ангелы на небесах» (Мф. 22:30). О духовном состоянии райского

блаженства говорится также в других новозаветных текстах (II Кор. 12:2–4; Мф. 8:11; Лк. 8:28–29).

Однако духовное состояние райского блаженства передается в тексте через такие материального характера библейские образы, как хлеб, который белее снега, «источник, [содержимое которого] белее молока и слаще меда», виноград с разными гроздьями, «одни – багряные, другие – красные, третьи – белые, такие не видел никто», райский источник, текущий под райские деревья, просветляющий ум. Все это символы духовной пищи, являющиеся общими как для членов земной Церкви, так и небесной. Она объединена через Христа истинным учением и причащением Святых Таин во время таинства Евхаристии, где хлеб и вино прелагаются в истинное Тело и истинную Кровь Христа, соединяющих всех верующих со Христом и в жизнь вечную. Хлеб, как один из основных составляющих данного Таинства, в христианском сознании является символическим образом глубокого смыслового наполнения. Так, например, образ хлеба, неоднократно упоминаемый как в Библии, так и в апокрифе, является универсальным символом пищи. Впервые в библейском повествовании в этом значении он упоминается в обращении Бога к Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19), в рассказе о том, как Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино в благословение Аврааму (Быт. 14:18), угостившего им трех путников (Быт. 18:5). В истории Иосифа и его братьев хлеб также играет важную роль (Быт. 42:1–5) во время исхода евреев из Египта. В пустыне Бог посылает «хлеб с неба», который стал называться манной (Исх. 16:2–31) и т. д. Он являлся частью ветхозаветного культа, о чем имеются соответствующие указания в библейском тексте по поводу нахождения хлебов предложения (Исх. 25:23–30), его состояния (1 Цар. 21:6), использования (Лев. 24:5–9) и т. д.

Однако этот образ имеет и другое смысловое наполнение – духовное. Так, на страницах четырех Евангелий описывается ситуация искушения Христа в пустыне дьяволом. Иисус отказывается превратить камни в хлебы, отвечая на искушение ветхозаветными словами, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4:4). В этих словах обращается внимание на связь, которая существует между хлебом и словом, между основной пищей для тела и пищей для души. Здесь речь идет о духовной пище, олицетворением которой является Христос. В Евангелии от Иоанна описывается беседа Иисуса с иудеями в капернаумской синагоге, где Он говорит о Себе следующее: «...Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. <...> Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6:35–51). Эта беседа стала прологом к событию, с которого начался евхаристический отсчет времени в жизни христианской Церкви. Во время Причащения, как справедливо замечают святые отцы, хлеб небесный воплощается в хлебе земном; обычный хлеб становится тем, что он означает, то есть Словом Божиим, Его глаголом, Иисусом, через Которого и осуществляется связь с Богом.

В тексте апокрифа образ небесного хлеба также имеет двойную коннотацию. Как и в Библии, он является универсальным символом пищи, которая

подкрепляет физические силы Агапия и измученных голодом корабельщиков и пищей духовной. Небесный хлеб, переданный пророком Илией Агапию, является символическим образом Христа, дающим жаждущим духовную пищу, от которой восстанавливаются обессиленные как от физического, так и от духовного голода 12 мужей. «И взял [Агапий] кусок [хлеба], который дал ему Илья в раю, и перекрестив его на четыре части, и воздав хвалу Богу, дал им. Ели [хлеб] все и насытились, часть [же] осталась целой» (Апокрифы ..., 1997). Эти события невольно ассоциируются у читателей с евангельским повествованием о чудесном насыщении евреев пятью хлебами и двумя рыбами. Ими апостолы накормил пять тысяч человек, не считая женщин и детей (см. Мф. 14:19–20; Мк. 6:39–41; Лк. 9:14–16; Ин. 6:10–11) и четырех тысяч человек семью хлебами и несколькими рыбами (см. Мф. 15:32–38; Мк. 8:1–9).

Хлеб, спасающий корабельщиков от духовной смерти, воспринимается как символ спасительного причастия, дающего и телесное восстановление, как это было с умершим юношей, к которому по возвращении был призван Агапий. Воскрешение умершего юноши Агапием вызывает аналогию с библейским событием воскрешения Лазаря, которое непосредственно связывалось с началом разрушения ада и образом будущего воскресения мертвых. Для верующего человека воскрешение Лазаря воспринималось как назидание, поэтому особенно важными в этом событии являются слова Господа, обращенные к Марфе и сказанные Им перед совершением чуда: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11: 25–26). В этих словах и кроется ответ на вопрос Агапия: «Господи, скажи мне, ради чего оставляют люди дом свой и следуют Тебе?» Ответ очевиден: чтобы быть с Господом, потому что только в постоянном общении с Ним человек получает духовную радость, счастье и блаженство. Поэтому вполне объяснимо желание героя найти «здесь место удобное, где поставлю хижину и здесь жизнь свою окончу»; потому что во Христе и через Христа возможно спасение и наследование вечной жизни.

В связи с этим в тексте присутствует одна общая для многих апокрифических произведений идея, не противоречащая догме, которая состоит в том, что путь в царствие небесное лежит либо через монастырь, либо через отшельничество (здесь уместно вспомнить, что монахи считались ангелами во плоти), через многочисленные подвиги усмирения плоти, что в какой-то степени формировало представление об аскетизме как форме неприятия земной действительности с ее порядками, соблазнами и заблуждениями. Но этот путь, с нашей точки зрения, не является единственным. В тексте есть указание на то, что после возвращения из рая ангел дает повеление Агапию записать все, что тот видел. «Дай патриарху в Иерусалиме, пусть отдаст его в церковь. Пусть читают его везде» (Апокрифы ..., 1997). Можно предположить, что речь здесь идет о распространении полученной через Святого Духа истины, которую должны узнать спасающиеся, что в какой-то степени хоть и имплицитно, но указывает на апостольское служение, цель которого состояла в том, чтобы нести свет евангельской истины в мир.

Заклучение

Таким образом, воспринятая апокрифом система символических образов, разработанных Библией и ориентированных на библейское представление

об окружающем мире, формировали религиозное сознание древнерусского человека. Обращение к ним приобщало читателя к библейским истинам, которые являлись основой жизни верующего человека и занимали ведущее место в его духовно-нравственном воспитании. Ориентация на контекст религиозно-нравственных принципов, норм и ценностей способствовала совершенствованию личности, которое должно было осуществляться в соответствии с христианскими догматами, а также через поведенческие стереотипы (праведная жизнь, монашество, отшельничество), цель которых состояла в том, чтобы вести человечество к всеобщему спасению.

Библейские образы, рассмотренные нами в символично-аллегорическом ключе, представляют собой ценности религиозного дискурса, которые сводятся к ценностям веры: Христос, Церковь, святость, праведная жизнь, постоянное молитвенное пребывание со Спасителем. Через этот образно-специфический язык передавалась основная евангельская мысль – понимание жизненного пути как пути в царствие небесное, которое лежит либо через монастырь, либо через отшельничество, через многочисленные подвиги усмирения плоти, что в какой-то степени формировало представление об аскетизме как форме неприятия земной действительности с ее порядками, соблазнами и заблуждениями.

Список сокращений:

1 Кор. 1:18 – Первое Послание к Коринфянам св. апостола Павла, глава 1, стих 18;

1 Кор. 1:23 – Первое Послание к Коринфянам св. апостола Павла, глава 1, стих 23;

1 Кор. 2:9 – Первое Послание к Коринфянам св. апостола Павла, глава 2, стих 9;

1 Пет. 1:17–18 – Первое Соборное Послание св. апостола Петра, глава 1, стих 17–18;

1 Пет. 2:24 – Первое Соборное Послание св. апостола Петра, глава 2, стих 24;

1 Цар. 21:6–1 Книга Царств, глава 21, стих 6;

II Кор. 12:2–4 – Второе Послание к Коринфянам св. апостола Павла, глава 12, стих 2–4;

Быт. 2:8–10 – Книга Бытие, глава 2, стих 8–10;

Быт. 3:19 – Книга Бытие, глава 3, стих 19;

Быт. 14:18 – Книга Бытие, глава 14, стих 18;

Быт. 18:5 – Книга Бытие, глава 18, стих 5;

Быт. 42:1–5 – Книга Бытие, глава 42, стих 1–5;

Ин. 6:10–11 – Евангелие от Иоанна, глава 6, стих 10–11;

Ин. 6:35–51 – Евангелие от Иоанна, глава 6, стих 35–51;

Ин. 10:17–18 – Евангелие от Иоанна, глава 10, стих 17–18;

Ин. 11:25–26 – Евангелие от Иоанна, глава 11, стих 25–26;

Ин. 15:1–20 – Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 1–20;

Исх. 16:2–31 – Исход, глава 16, стих 2–31;

Исх. 19:4 – Исход, глава 19, стих 4;

Исх. 25:23–30 – Исход, глава 25, стих 23–30;

Лев. 24:5–9 – Левит, глава 24, стих 5–9;

- Лк. 9:14–16 – Евангелие от Луки, глава 9, стих 14–16;
 Лк. 9:34–35 – Евангелие от Луки, гл. 9, стих 34–35;
 Лк. 18:28–29 – Евангелие от Луки, глава 18, стих 28–29;
 Мк. 8:1–9 – Евангелие от Марка, глава 8, стих 1–9;
 Мк. 8:34 – Евангелие от Марка, глава 8, стих 34;
 Мк. 6:39–41 – Евангелие от Марка, глава 6, стих 39–41;
 Мк. 9:7 – Евангелие от Марка, гл. 9, стих 7;
 Мф. 3:16–17 – Евангелие от Матфея, глава 3, стихи 16–17;
 Мф. 4:4 – Евангелие от Матфея, глава 4, стих 4;
 Мф. 8:11 – Евангелие от Матфея, глава 8, стих 11;
 Мф. 11:28–30 – Евангелие от Матфея, глава 11, стих 28–30;
 Мф. 14:19–20 – Евангелие от Матфея, глава 14, стих 19–20;
 Мф. 15:32–38 – Евангелие от Матфея, глава 15, стих 32–38;
 Мф. 22:30 – Евангелие от Матфея, глава 22, стих 30;

Список литературы

1. *Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования.* (1997). Взято с http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
2. Бахтин, М. (1986). *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Литературно-критические статьи.* М.: Художественная литература.
3. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.* (2007). М.
4. Гнедич, П. прот. (2002). *Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944).* М.: Совет Русской Православной Церкви.
5. Громов, М.Н. (2001). *Идейные течения древнерусской мысли.* СПб.: РХГИ.
6. Давыденков, О., прот. (2011). *Катихизис: Введение в догматическое богословие: курс лекций.* М.: Издательство ПСТГУ.
7. Дамаскин, И. св. (без даты). *Точное изложение православной веры. Книга 4.* Взято с http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ioann_damask/kniga_4/txt01.html
8. Демичев, А. (2006). *Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию.* СПб.: ИНАпресс.
9. Иларион (Алфеев), иеромонах. (2003). *Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие.* М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
10. Мильков, В.В. (1997а). Апокрифы в Древней Руси и их идейно-мировоззренческое содержание. *Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования.* Взято с http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
11. Мильков, В.В. (1997б). Концепция земного рая в древнерусских апокрифах. *Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования.* Взято с http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
12. Рождественская, М.В. (2002). *Апокрифы Древней Руси.* СПб.: Амфора.
13. Серафим (Звездинский), священномученик. (2014). *Хлеб небесный. Проповеди о Божественной литургии.* М.: Духовное преображение.

14. Сербский, Н. св. (2001). *Символы и сигналы*. Взято с https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/simvol-y-i-signal-y/1
15. Сурожский, А., митрополит. (2012). *Божественная литургия*. М.: Фонд Духовное наследие митрополита Антония Сурожского.
16. Фаст, Г., протоиерей. (2009). *Толкование на Апокалипсис*. М.: Nikeya.

References

1. *Apokrify Drevnej Rusi: Teksty i issledovaniya* [Apocrypha of Ancient Russia: Texts and research]. (1997). Retrieved from http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
2. Bahtin, M. (1986). *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. Literary and critical articles]. М.: Hudozhestvennaya literatura.
3. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of Holy Scripture of the old and New Testaments]. (2007). М.
4. Damaskin, I. sv. (n.d). *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very. Kniga 4* [An exact exposition of the Orthodox faith. Book 4]. Retrieved from http://biblioteka3.ru/biblioteka/ioann_damask/kniga_4/txt01.html
5. Davydenkov, O., prot. (2011). *Katihizis: Vvedenie v dogmaticheskoe bogoslovie: kurs lekcij* [Catechism: an Introduction to dogmatic theology: a course of lectures]. М.: Izdatel'stvo PSTGU.
6. Demichev, A. (2006). *Diskursy smerti. Vvedenie v filosofskuyu tanatologiyu* [Discourses of death. Introduction to philosophical thanatology]. SPb.: INApress.
7. Fast, G., protoierej. (2009). *Tolkovanie na Apokalipsis* [Interpretation of the Apocalypse]. М.: Nikeya.
8. Gnedich, P. prot. (2002). *Dogmat iskupleniya v russkoj bogoslovskoj nauke (1893–1944)* [The dogma of redemption in Russian theological science (1893–1944)]. М.: Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi.
9. Gromov, M.N. (2001). *Idejnye techeniya drevnerusskoj mysli* [Ideological currents of old Russian thought]. SPb.: RHGI.
10. Ilarion (Alfeev), ieromonah. (2003). *Tainstvo very. Vvedenie v provoslavnoe dogmaticheskoe bogoslovie* [The mystery of faith. Introduction to Pro-Orthodox dogmatic theology]. М.: Moskovskoe Podvor'e Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry.
11. Mil'kov, V. V. (1997a). *Apokrify v Drevnej Rusi i ih idejno-mirovozzrencheskoe sodержanie* [The Apocrypha of Ancient Russia and their ideological and philosophical content]. *Apokrify Drevnej Rusi: Teksty i issledovaniya*. Retrieved from http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
12. Mil'kov, V. V. (1997b). *Koncepciya zemnogo raya v drevnerusskih apokrifah* [The concept of earthly Paradise in the old Russian Apocrypha]. *Apokrify Drevnej Rusi: Teksty i issledovaniya*. Retrieved from http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
13. Rozhdestvenskaya, M.V. (2002). *Apokrify Drevnej Rusi* [Apocrypha Of Ancient Russia]. SPb.: Amfora.

14. Serafim (Zvezdinskij), svyashchennomuchenik. (2014). *Hleb nebesnyj. Propovedi o Bozhestvennoj liturgii* [Bread of heaven. Sermons on the divine Liturgy]. M.: Duhovnoe preobrazhenie.

15. Serbskij, N. sv. (2001). *Simvoly i signaly* [Symbols and signals]. Retrieved from https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/simvoly-i-signaly/1

16. Surozhskij, A., mitropolit. (2012). *Bozhestvennaya liturgiya* [Divine Liturgy]. M.: Fond Duhovnoe nasledie mitropolita Antoniya Surozhskogo.

КОНЦЕПЦИЯ БИОПОЛИТИКИ И ЕЁ ГЕНЕАЛОГИЯ



Яркеев Алексей Владимирович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Удмуртский филиал,
Кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Ижевск, Россия,
ORCID: 0000-0002-0068-468X,
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2019, принята к публикации 11.03.2020

Для цитирования: Яркеев А.В. Концепция биополитики и её генеалогия // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 50–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

Аннотация

Предметом исследования в данной статье является генеалогия концепции биополитики, прослеживаемая в содержательном развитии этого понятия в работах ряда ключевых мыслителей. Автор полагает, что всё многообразие современных публикаций, посвященных актуальной проблеме биополитики, по своим исходным установкам и интенциям можно свести к четырем исследовательским проектам – «биополитика» М. Фуко, «homo sacer» Дж. Агамбена, «Империя» М. Хардта и А. Негри, «homo laborans» Х. Арндт, – которые задают концептуальные рамки анализа данной проблематики. Основным выводом проведенного исследования является утверждение о том, что концепция биополитики, как она сформировалась в трудах основоположников данного направления социально-философского и пр. анализа, по своей сути представляет собой негативный (критический) вариант социальной онтологии, поскольку утверждение биологических процессов жизнедеятельности общества в качестве его основы в действительности противоречит принципу человеческой социальности.

Ключевые слова:

биополитика, биовласть, homo sacer, homo laborans, голая жизнь, труд, чрезвычайное положение, суверенная власть, империя, контроль.

© Яркеев А.В., 2020



THE CONCEPT OF BIOPOLITICS AND ITS GENEALOGY

Yarkeev Alexey Vladimirovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
The Udmurt branch,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher,
Izhevsk, Russia,
ORCID: 0000-0002-0068-468X,
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Article received on September 29, 2019, accepted on March 11, 2020

To cite this article: Yarkeev, A.V. (2020). Konceptiya biopolitiki i eyo genealogiya [The concept of biopolitics and its genealogy]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 50-59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

Abstract

The subject of the research in this article is the genealogy of the concept of biopolitics, traced in the substantive development of this concept in the works of a number of key thinkers. The author believes that all the variety of modern publications devoted to the actual problem of biopolitics and bio-power, according to their initial settings and intentions can be reduced to four research projects – “biopolitics” by M. Foucault, “homo sacer” by J. Agamben, “Empire” by M. Hardt and A. Negri, “homo laborans” by H. Arendt, – which set the conceptual framework for the analysis of this problem. The main conclusion of the study is the statement that the concept of biopolitics, as it was formed in the works of the founders of this direction of socio-philosophical and other analysis, is inherently a negative (critical) version of social ontology, since the statement of biological processes of society as its basis actually contradicts the principle of human sociality.

Keywords:

biopolitics, bio-power, homo sacer, homo laborans, naked life, labor, emergency, sovereign power, Empire, control.

Введение

В настоящее время количество как зарубежных, так и отечественных научных публикаций, посвященных биополитике, неуклонно растет, что свидетель-

ствуется об актуальности данной темы (проблемы). Термин «биополитика» является критическим понятием, используемым с некоторыми вариациями в области политической теории, международных отношений, культурологии, критической социологии и исследований современного общества и процессов глобализации. Важно отметить, что он часто связывается с термином «биовласть» (biopower), который М. Фуко использовал как синоним биополитики. В его определении биовласть – это западная технология власти, которая использует биополитику: контроль человеческих популяций через аппараты нормализации для максимизации жизненных процессов (Rabinow & Rose, 2006, p. 195–196). Актуализация проблемы биополитики в дискурсе социальной философии и политической науки связывается с реальными процессами, происходящими в современном обществе. Как отмечает по этому поводу С. Жижек, все мы сегодня на самом элементарном уровне являемся объектами биополитики (Жижек, 2002, с. 108). Вдохновленные новаторскими исследованиями М. Фуко и последующими исследованиями в рамках различных теоретических направлений, начиная с 1970-х годов, политологи и политические философы начали рассматривать рациональность власти, которая выходит за рамки традиционной суверенно-территориальной логики и скорее воспринимает жизненно важные процессы населения как свой непосредственный объект управления. Одной из главных проблем исследований биополитики является взаимосвязь между позитивной и продуктивной направленностью биовласти и негативной силой отчуждения и уничтожения, которую М. Фуко связывал с суверенной властью, с ее неотъемлемым «правом на смерть», восходящим к patria potestas (отец дает своему ребенку жизнь, поэтому он вправе эту жизнь забрать). Превращение биополитики в «танатополитику» (то есть «политику смерти»), уничтожающую саму жизнь, которую она призвана защищать, было отмечено уже в «Истории сексуальности» М. Фуко, но ее полные последствия были разработаны в более поздних работах Дж. Агамбена, А. Бадью, С. Жижека, Р. Эспозито и других авторов, которые подчеркивают неразрывную связь между биополитикой и ее очевидной противоположностью. Этот парадокс делает биополитику местом, где фундаментальные вопросы политической теории, относящиеся к власти, легитимности, сообществу и т. п., пересекаются с теоретическими и эмпирическими исследованиями в области управления воспроизводством населения, укрепления здоровья, пандемий, пыток, эвтаназии, клонирования, генетических манипуляций и многих других вопросов.

Другим ракурсом исследования биополитики является рассмотрение взаимосвязи между двумя логиками в современном глобальном управлении, а именно демократией и биополитикой. После окончания холодной войны демократия, как кажется, стала основополагающим принципом глобального управления, которое одновременно как легитимируется, так и оспаривается с точки зрения демократических принципов участия, равенства и подконтрольности. В то же время современные исследования глобального управления (Дж. Агамбен, З. Бауман, У. Бек, Ж. Бодрийяр, Э. Гидденс, С. Жижек, А. Негри, М. Хардт и др.) все больше подчеркивают его биополитический характер, ориентированный на позитивное управление жизненными процессами населения. Эти две логики явно следуют разным рациональностям – универсалистским и эгалитарным устремлениям демократии, контрастирующим с партикуляристскими и квазинатуралистиче-

скими установками биополитики. Хотя проблематичность их сочетания отмечена политическими теоретиками, в эмпирических исследованиях она практически не рассматривалась (Rabinow & Rose, 2006, p. 195–196).

Интерпретации и современные контексты биополитики

Начнем с того, что политико-философский анализ биополитики предполагает различие между теорией М. Фуко и современными исследованиями, в частности, размышлениями Дж. Агамбена, М. Хардта и А. Негри. Это различие – главным образом между такими произведениями, как «Рождение биополитики» и «Нужно защищать общество», с одной стороны, и «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» против «Номо Сасег», «Средства без цели», «Империя» и «Множество», с другой, – приводит к переосмыслению политического. Более того, генеалогия современности М. Фуко – как способ концептуализации множественности проявлений современной биополитики – фактически ведет к переосмыслению не только политики, но также этики и права.

Возникновение термина «биополитика» связано с участием М. Фуко в сентябрьской акции протеста 1975 г. против казни противников режима Франко в Испании. Когда 20 ноября умер Франко, М. Фуко использовал это событие как повод впервые заявить о том, что власть вступила в новую фазу развития и стала биовластью. Политическая биовласть заставляет людей жить даже тогда, когда они давно уже должны быть мертвы (Фуко, 2010, с. 418). Прежде всего, М. Фуко говорит о «биоистории» (развитие медицины на биологическом уровне): история человечества как биологического вида, начиная с 18 в. проходит под знаком тотальной медикализации. Контроль общества над индивидами реализуется не только через сознание и идеологические аппараты государства, но и через тело. «Тело – биополитическая реальность; медицина – биополитическая стратегия» (Фуко, 2006, с. 82). В своей работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» М. Фуко, анализируя то, как новые достижения в биологии повлияли на политический контроль в 19-м и 20-м вв., определяет биовласть как развертывание многочисленных и разнообразных методов для достижения подчинения тел и контроля за населением. Биополитика понимается как методика биовласти, которая работает через регулирование и ряд мероприятий, реализуемых для того, чтобы контролировать механику биологических процессов жизни: размножение, рождаемость и смертность, уровень здоровья, продолжительность жизни и долголетие (см. Фуко, 1996, с. 243). Хотя биополитика, как правило, направлена на максимизацию жизни и блага населения, она также выступает в качестве фактора «социальной сегрегации и иерархизации, оказывая [свое] действие на соответствующие силы тел и общностей, обеспечивая отношения господства и эффекты гегемонии» (Фуко, 1996, с. 246). По мнению М. Фуко, своими корнями биополитика уходит в теории 17–18 вв. о государственном интересе и государственной рациональности как о технике управления, единственной целью которой является существование самого государства (его развитие, укрепление, благоденствие), а деятельность индивидов как живых существ оценивается по их способности вносить вклад в мощь государства. Биовласть относится к индивидам не столько как к субъектам права, сколько как к живым организмам. Выживание государства оказывается

тождественным биологическому выживанию населения. Как отмечает М. Фуко, «существование, о котором теперь идет речь, – это уже не существование суверенного государства, но биологическое существование населения» (Фуко, 1996, с. 241). Знание объективных законов существования населения утверждается в качестве основы государственной власти (Фуко, 2010, с. 31). Таким образом, биовласть возникает в результате этатизации биологической жизни посредством вовлечения биологических свойств человеческого вида и их включения внутрь политических стратегий.

Продолжая и расширяя перспективы, намеченные М. Фуко в его исследованиях современного государственного управления, Дж. Агамбен пытается установить тот изначальный диспозитив, который скрыто присутствует на всем протяжении западной истории и непрерывно определяет ее изнутри, обуславливая становление того рода власти, который получил наименование «биовласть». По его мнению, господствующая сегодня на Западе парадигма правления является не только не-демократической, но даже не может рассматриваться как собственно политическая. Данное обстоятельство требует изобретения нового понятийного аппарата и, следовательно, новой объяснительной стратегии (Агамбен, 2014). В своей книге «Номо Сасег. Суверенная власть и голая жизнь» Дж. Агамбен развивает концепцию биовласти М. Фуко, синтезируя римскую фигуру права «*nomos sacer*» и древнегреческие понятия *bios* (политической жизни) и *zoe* (голой жизни). По мнению Дж. Агамбена, восходящее к Аристотелю понимание человека как «политического животного» (*zoon politikon*), то есть как «живого существа, способного к политическому общению», позволяет политизировать голую жизнь как таковую, что как раз и является решающим событием современности, иными словами, когда в политике жизнь человека как живого существа начинает ставиться под вопрос (М. Фуко). Парадоксальным образом голая жизнь включается в политическое именно посредством ее исключения (парадокс «включающего исключения»). Это позволяет Дж. Агамбену рассуждать о биовласти как о том, что не имеет дело с некой предсуществующей данностью, а само непосредственным образом производит до-политическое и до-правовое состояние человеческого существования через искусственное приведение его к «голой жизни», то есть по сути к чисто биологическому выживанию (сам термин «голая жизнь», обозначающий естественное состояние человека, Дж. Агамбен заимствует у В. Беньямина, равно как и его тезис о том, что сегодня мы живем в условиях перманентного чрезвычайного положения). Понятие древнеримского права «*nomos sacer*», с помощью которого обозначали человека, исключенного из социального и божественного закона, реанимируется Дж. Агамбеном для обозначения результата функционирования биовласти, лишаящей человека всех его специфических характеристик и редуцирующей его к самому элементарному свойству «быть живым», которое своей изначальной стороной оказывается свойством «быть мертвым» (что уже было отмечено М. Фуко в отношении биовласти: решение вопроса о жизни с необходимостью является решением вопроса и о смерти). Право жизни и смерти традиционно является прерогативой суверенной власти, онтология которой разрабатывается Дж. Агамбеном на основе «Политической теологии» немецкого правоведа К. Шмитта, определявшего суверена как того, кто принимает решение о чрезвычайном положении, приостанавливая тем самым действие всего правопорядка.

Но если К. Шмитт как теоретик-правовед ставил перед собой цель включить чрезвычайное положение как исключительный случай в право, то Дж. Агамбен связывает суверенную власть и чрезвычайное положение с полной приостановкой действия права, а в пространстве этой приостановки каждый человек становится как бы «голым», лишенным символической «одежды» защищающих его (прикрывающих его естественную «наготу») законов. Именно на этом пределе и обнаруживается чисто биологическое существование человека, которое больше ничего не стоит, а значит может быть уничтожено без вины и ответственности. Символическое «стирание» предвещает физическое уничтожение человека. Так, поясняет Дж. Агамбен, нацисты сначала подвергали евреев и цыган процедуре денационализации, то есть выводили из-под юрисдикции национального закона, а только потом отправляли в лагерь смерти. Дж. Агамбен определяет концлагерь как топос (место) предельного выражения биовласти, когда «право, претендующее на решение о жизни, воплощается в жизнь, которая совпадает со смертью» (Агамбен, 2011а, с. 237). Биовласть замещает «неуправляемую» смерть от несчастного случая, неприемлемую в ее системе координат, систематической и организованной смертью. Как известно, М. Фуко, рассматривая дисциплинарные общества, использовал для их объяснения модель тюрьмы. Но тюрьма является полноценным социальным институтом, который никогда не исключается из социального пространства и в котором гражданско-правовая идентичность человека и его достоинство (по крайней мере, де-юре) не ставятся под сомнение. Модель концлагеря отличается тем, что он представляет собой абсолютное исключение из социального пространства, в лагере человек лишается любой идентичности кроме той, что он «просто живое существо», которое тем самым можно «просто умертвить». Человек здесь, отмечает Дж. Агамбен, в полном смысле становится «сакральным» (*sacer*), что означало в старом римском праве «приговоренный к смерти». Утверждая, что лагерь является номосом современности, Дж. Агамбен прежде всего отмечает то обстоятельство, что чрезвычайное положение все более и более де-факто становится «доминирующей управленческой парадигмой современной политики» (Агамбен, 2011b, с. 9). Если в римской юридической практике конструкция *homo sacer* была исключительной, маргинальной и почти пустой, то в современном обществе биовласть, устанавливая режим чрезвычайного положения в качестве нормы социального бытия, превращает ее в политико-правовой механизм и в потенциально универсальный модус существования человека. Дж. Агамбен также универсализирует концепцию, лишая ее привязки к какой-либо конкретной эпохе, и утверждает, что биовласть является скрытым смыслом и сущностью всех форм власти от древнего мира до настоящего времени. Он соглашается с М. Фуко в том, что «право смерти» суверенная власть не уступила биовласти с ее «правом жизни», но всегда была ее неразлучной спутницей, действуя на изнанке административной бюрократии и объединяясь с ней в своих наиболее заметных случаях «античеловеческого», таких как концлагеря и Холокост.

В своем фундаментальном труде «Империя», посвященном анализу нового мирового порядка глобализации, М. Хардт и А. Негри утверждают, что вся современная политика – это биополитика. Авторы расширяют концептуальную основу М. Фуко, экстраполируя ее на глобальное доминирование транснациональных промышленных и финансовых корпораций, которые «действительно

начали биополитическое структурирование мирового территориального пространства» (Хардт, Негри, 2004, с. 43). Конstellляция различных механизмов эксплуатации и контроля, управляющих сегодняшним миром, обозначается авторами понятием «Империя», которое характеризует глобальную форму биополитического суверенитета, лишённого центра и привязки к определенной территории. Идея Империи прежде всего подразумевает безграничное владычество: «Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. Она не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой. Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и таким образом Империя представляет собой совершенную форму биовласти» (Хардт, Негри, 2004, с. 14). В целом М. Хардт и А. Негри придерживаются неомарксистской интерпретации биовласти: исходная посылка заключается в том, что работу власти следует понимать как извлечение какой-то «прибавочной стоимости» из человеческой жизни, от которой зависит Империя. Кроме того, они объединяют это представление о всемогущей и всепроникающей биовласти с идеей французского философа Ж. Делёза, который утверждает, что мы перешли от «обществ дисциплины» к «обществам контроля» (Делёз, 2015). М. Фуко характеризовал «дисциплинарные общества» как общества, в которых управление включением и исключением осуществлялось комплексом дисциплинарных учреждений, разбросанных по всему социальному полю – приютов, фабрик, школ, больниц, тюрем, университетов, – каждый из которых стремится внедрить способ поведения в тело, а его корреляцию – в душу. Сегодня, по мнению Ж. Делёза, контроль не ограничивается такими институтами, он становится все более «демократическим», становится имманентным в гибких и изменчивых сетях самого социального существования, так что практики социальной интеграции и исключения оказываются внутренней сущностью самих субъектов. М. Хардт и А. Негри подхватывают эту идею, когда предполагают, что биополитика – это форма власти, которая регулирует общественную жизнь изнутри, и выражается в управлении, которое распространяется по всей глубине сознания и тела населения. В условиях биополитической власти социальное тело целиком поглощается властной машиной и развивается в ее виртуальности.

Несмотря на то, что в работах Х. Арендт не используется термин «биовласть», еще задолго до М. Фуко (примерно за двадцать лет) в своей работе «*Vita activa*» она проанализировала процесс, в ходе которого «человек работающий» (*homo laborans*), а вместе с ним и биологическая жизнь, все больше оказываются в центре современной политической сцены. Политика преобразуется в административное управление, ответственное за содействие человеческому счастью путем обеспечения частных жизненно важных интересов «трудящихся животных» (*animal laborans*), чьи основные потребности связаны с непрерывно повторяющимся циклом производства и потребления. Иными словами, задача политики с появлением так называемого «социального вопроса» заключается отныне в том, чтобы обеспечивать непрерывно протекающий и не подчиненный нашему желанию и воле процесс жизнедеятельности нашего организма (Арендт, 2011, с. 75). Политическая свобода здесь оказывается тождественна биологической необходимости, которая принуждает к телесному труду, ибо труд «отвечает биологическому процессу человеческого тела, которое в своем спонтанном росте,

обмене веществ и распаде питается природными вещами, извлеченными и приготовленными трудом, чтобы предоставить их в качестве жизненных потребностей живому организму» (Арендт, 2017, с. 17). В современном «обществе потребления» все произведенное человеком и весь окружающий его природный мир становятся объектом интенсивной траты, израсходования, так что на пределе даже сам человек оказывается последним расходным материалом (трудовые лагеря и лагеря смерти). Человек безжалостно потребляет природу и сам расходует свою жизнь в процессе труда. В измерении труда, полагает Х. Арендт, человек является не свободным существом, он раб собственной нужды, своих естественных потребностей – силы, еще более принудительной, нежели любое внешнее насилие. К сожалению, эта биополитическая референция, связывающая труд (работу) с биологической «основой» человека, не получила у Х. Арендт своего эксплицитного развития в обстоятельном анализе тоталитаризма (прежде всего речь идет о работе «Истоки тоталитаризма»). Она рассматривает концлагеря, в которых человеческая жизнь сводится к чистой биологии реакций и рефлексов, как результат тоталитаризма, который претендует на абсолютную власть над человеком, но при этом упускает из виду тот факт, что тоталитарные типы господства, возникшие как движения рабочих (фашизм и коммунизм), стали возможны именно тогда, когда политика превратилась в биополитику, то есть когда человек стал «просто биологическим существом». Как подчеркивает Х. Арендт, «сам по себе биологический жизненный процесс, активный обмен веществ человека с природой, как он осуществляется в труде, смог достичь такой чудовищной интенсивности, что его растущая результативность в конечном счете угрожает самостоятельности самого мира и продуктивной способности, которой он обязан своим возникновением» (Арендт, 2017, с. 394–395). Таким образом, понятие биополитики, не встречающееся в работах Х. Арендт, является как бы тем «недостающим звеном», которое не только не противоречит духу ее работ по политике, но полностью выражает ее размышления о современных сдвигах в политическом бытии и в состояниях человеческого существования. Безусловно, здесь просматривается сильное влияние на Х. Арендт философии М. Хайдеггера, который уже в своих заметках, опубликованных под названием «Преодоление метафизики», заявил, что «забвение бытия» выражается в том, что человек как *animal rationale* становится трудящимся животным, *animal laborans*, которое является знаком тотального израсходования и бесцельного опустошения земли, а труд достигает метафизического ранга абсолютного опредмечивания всего сущего. Трудящийся человек утверждает себя в статусе господина над всем «стихийным», упорядоченное пользование которым превращает сущее в материал для производства и его роста. В этот процесс оказывается втянутым и сам человек, который уже не скрывает ту свою существенную характеристику, что он сам является важнейшим материалом для производства. «Трудящееся животное, – пишет М. Хайдеггер, – оставлено дышать угаром своих достижений, чтобы оно растерзало само себя и уничтожилось в ничтожное ничто» (Хайдеггер, 1993, с. 178). Корень этого М. Хайдеггер усматривает в господствующем представлении о человеке как рациональном животном (*animal rationale*), вследствие чего животное антропоморфизируется, а человек анимализируется. Человек же как «животное» во всех своих формах подвергается сплошному расчету и планированию. Это, собственно говоря, и есть биополитика.

Вывод

Разумеется, объем научной статьи не позволяет представить исчерпывающий охват всех теоретических исследований, внесших тот или иной вклад в разработку и содержательное наполнение концепции биополитики. Это задача обстоятельного монографического исследования. Мы вкратце рассмотрели лишь те взгляды, исследовательская перспектива которых является определяющей для современных стратегий мышления, объектом которых выступают различные вопросы биополитического функционирования общества. Можно также сделать общий вывод, что биополитика и биовласть воспринимаются и оцениваются исследователями преимущественно негативно. Концепция биополитики – это по существу своему негативный вариант социальной онтологии. В биополитике как реальной практике общественного развития существование социума связывается с «естественным состоянием» человеческой жизни и с необходимостью биологического выживания населения. В биополитическом обществе человеческая жизнь в практиках ее контроля и регуляции сводится к «правам человека», которые определяются на фундаментальном уровне через «право на жизнь». «Жизнь» здесь понимается как «голая жизнь», то есть берется в качестве до-политического и до-правового физического существования, лишённого всех специфицирующих человеческое бытие сущностных характеристик (Дж. Агамбен). Но общество, искусственным образом приведенное к «естественному состоянию», оказывается пространством «войны всех против всех», в котором правовое и политическое равенство людей оборачивается естественным равенством смертности всех индивидов (Х. Арндт). М. Фуко предупреждал, что ядерная война как самоуничтожение человечества может стать конечной точкой этого процесса управления жизнью и выживания: предавать тотальной смерти одну часть населения есть следствие гарантировать другой части сохранение ее существования. Стремительное же развитие техники лишь раздвигает невиданным доселе образом деструктивные возможности человечества в этом парадоксальном биополитическом управлении жизнью и смертью.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011a). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2011b). *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
3. Агамбен, Дж. (2014, 14 февраля). *К теории раз-учреждающей власти*. Взято с http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html
4. Арндт, Х. (2011). *О революции*. М.: Европа.
5. Арндт, Х. (2017). *Vita Activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
6. Делёз, Ж. (2015, 15 мая). *Общество контроля*. Взято с <https://econet.ru/articles/131983-zhil-delez-obshchestvo-kontrolya>
7. Жижек, С. (2002). *Добро пожаловать в пустыню Реального!* М.: Фонд «Прагматика культуры».

8. Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь.
 9. Фуко, М. (2006). *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3*. М.: Практикс.
 10. Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. СПб.: Наука.
 11. Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика.
 12. Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Практикс.
 13. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower Today. *BioSocieties*, 1, 195–217. doi: 10.1017/S1745855206040014
-

References

1. Agamben, Dzh. (2011a). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. М.: Европа.
 2. Agamben, Dzh. (2011b). *Homo sacer. Chrezvychnoye polozhenie* [Homo sacer. State of exception]. М.: Европа.
 3. Agamben, Dzh. (2014, February 14). *K teorii raz-uchrezhdayushhej vlasti* [For a Theory of Destituent Power]. Retrieved from http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html
 4. Arendt, Kh. (2011). *O revolyutsii* [On Revolution]. М.: Европа.
 5. Arendt, Kh. (2017). *Vita Activa, ili o deyatel'noj zhizni* [The Human Condition]. М.: Ad Marginem Press.
 6. Delyoz, Zh. (2015, May 15). *Obshchestvo kontrolya* [Control Society]. Retrieved from <https://econet.ru/articles/131983-zhil-delez-obschestvo-kontrolya>
 7. Фуко, М. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality. Works of different years]. М.: Касталь.
 8. Фуко, М. (2006). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 3* [The intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 3]. М.: Практикс.
 9. Фуко, М. (2010). *Rozhdenie biopolitiki* [The birth of biopolitics]. СПб.: Наука.
 10. Khajdegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. М.: Республика.
 11. Khardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [The Empire]. М.: Практикс.
 12. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower Today. *BioSocieties*, 1, 195–217. doi: 10.1017/S1745855206040014
 13. Zhizhek, S. (2002). *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo!* [Welcome to the Desert of the Real]. М.: Фонд «Pragmatika kul'tury».
-

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЗЕРКАЛЕ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ



Лифанов Степан Сергеевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
Департамент политологии и социологии,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: st.lifanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2020, принята к публикации 20.03.2020

Для цитирования: Лифанов С.С. Кризис либеральной демократии в зеркале западных политических исследований: постановка проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 60-77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10105

Аннотация

Общемировой тренд популяризации либеральной демократии обнажает старые и новые противоречия, лежащие в основе данной модели. Целью настоящей статьи является исследование проблематики кризиса либеральной демократии в зеркале западных политических исследований как многоаспектного феномена, включенного в систему глобальной нелиберальной идеологии. Основными методами исследования выступили анализ современной и классической научной литературы, исторический анализ, мир-системный анализ. В качестве основных выводов сформулированы тезисы о взаимосвязи кризиса либеральной демократии с негативным эффектом нелиберальной политики, проводимой Тριάдой государств, о негативном проявлении данного кризиса в социально-политическом и социально-экономическом пространствах. Ряд положений научной статьи содержит элементы научной новизны. Во-первых, на основе анализа научной литературы было предложено авторское определение либеральной демократии. Во-вторых, доказана многоаспектность кризиса либеральной демократии и его зависимость от проблем, с которыми сталкиваются современные нелиберальные правительства.

© Лифанов С.С., 2020



В рамках анализа авторами были выделены основные причины и факторы, способствующие развитию кризиса либеральной демократии в настоящее время. Большое внимание уделено проблематике неолиберализма. Установлено, что негативный эффект от политики, проводимой современным неолиберальным западноевропейским истеблишментом, порождает негативное отношение общества к либеральной демократии и способствует росту протестных настроений. Отдельное внимание уделено рассмотрению индикаторов кризиса либеральной демократии в средствах массовой информации и наметившемуся тренду «беззападности», который был обозначен в качестве темы прошедшей в феврале 2020 года Мюнхенской конференции по безопасности.

Обосновывается тезис о том, что кризис либеральной демократии выражается в её социально-экономических, политических и идеологически-концептуальных проблемах и противоречиях. Авторами констатируется неспособность либеральной демократии найти решение назревших социально-экономических проблем, таких как продолжающееся обнищание населения и усиливающееся социальное неравенство. Также доказывается разрыв между базовыми принципами либеральной демократии, лежащими в основе конституционного строя современных развитых государств, с политической практикой неолиберальных правительств. Социально-политический фактор кризиса выражается в росте недоверия общества к государственным институтам и росту популярности внесистемных групп интересов, аккумулирующих протестные настроения.

Ключевые слова:

кризис либеральной демократии, неолиберализм, классический либерализм, Триада.

UDC 323

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10105

THE CRISIS OF LIBERAL DEMOCRACY IN THE MIRROR OF WESTERN POLITICAL RESEARCH: STATEMENT OF THE PROBLEM

Lifanov Stepan Sergeevich,

Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ural Institute of Humanities,
Faculty of political sciences and sociology,
Master Student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: st.lifanov@mail.ru

Article received on February 20, 2020, accepted on March 20, 2020

To cite this article: Lifanov, S.S. (2020). Krizis liberal'noj demokratii v zerkale zapadnyh politicheskikh issledovanij: postanovka problemy [The crisis of liberal democracy in the mirror of Western political research: statement of the problem]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 60-77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10105

Abstract

The global trend to popularize liberal democracy reveals old and new contradictions that form the basis of this model. The purpose of this article is to study the problems of the crisis of liberal democracy in the mirror of western political research as a multi-dimensional phenomenon, which is included in the system of global neoliberal ideology. The main research methods were the analysis of modern and classical scientific literature, historical analysis, World-System analysis. As the main conclusions, there were formulated theses about the relationship between the crisis of liberal democracy and the negative effect of the neoliberal policy conducted by the Triad of States, and about the negative manifestation of this crisis in socio-political and socio-economic spaces. A number of provisions of a scientific article contain elements of scientific novelty. Firstly, on the basis of the analysis of scientific literature, the author's definition of liberal democracy was proposed. Secondly, the multidimensionality of the crisis of liberal democracy and its dependence on the problems faced by modern neoliberal governments are proved.

As part of the analysis, the authors identified the main causes and factors contributing to the development of the crisis of liberal democracy at the present time. Much attention is paid to the problems of neoliberalism. It has been established that the negative effect of the policies pursued by the modern neoliberal West European establishment gives rise to a negative attitude of society towards liberal democracy and contributes to the growth of protest moods.

The thesis that the crisis of liberal democracy is expressed in its socio-economic, political and ideological-conceptual problems and contradictions is substantiated. The authors ascertain the inability of liberal democracy to find a solution to pressing socio-economic problems, such as the continuing impoverishment of the population and increasing social inequality. It also proves the gap between the basic principles of liberal democracy, which underlie the constitutional system of modern developed states, with the political practice of neoliberal governments. The socio-political factor of the crisis is expressed in the growth of public distrust of state institutions and the popularity of off-system interest groups accumulating protest moods.

Keywords:

crisis of the liberal democracy, neoliberalism, classical liberalism, Triad.

Введение

Вопрос о демократии является одним из самых широко обсуждаемых и разрабатываемых в научных трудах политологов, социологов, ученых

в сфере государственного управления. В 1900 году практически ни в одной стране не было того, что сегодня понимается под демократией (главный признак которой – власть, образованная путем выборов с участием всего населения). Сейчас же эта система действует более чем в 120 государствах всего мира, но действует в них по-разному в зависимости от выраженности уровня свободы личности, легальности и легитимности действующей власти, порядка ее организации и других характеристик. Основываясь на исследованиях Й. Шумпетера (1976), Л. Даймонда (1999), Ф. Закарии (2004) и других авторов¹, действующую в современном мире либеральную демократию можно определить как *политическую систему организации и функционирования публичной власти, которой присущи верховенство права, разделение властей, обеспечение и защита основных прав и свобод человека с высокой степенью их индивидуализации.*

Современная реальность демонстрирует устойчивость либерально-демократических режимов в большинстве европейских и американских государств, выраженную в благоприятной социально-экономической обстановке и высоком уровне обеспеченности прав и свобод человека. Так, например, индекс свободы «Freedom in the World» 2019 года, опубликованный агентством Freedom House, демонстрирует по-прежнему высокий уровень свободы в Канаде, США, Бразилии, Аргентине, Перу, подавляющем большинстве европейских государств. Рассчитываемый индекс – это интегральный показатель (электорального процесса, политического плюрализма, функционировании государства) и обеспеченности гражданских прав и свобод (свобода самовыражения и вероисповедания, свобода ассоциаций и собраний, верховенство права, автономия личности и индивидуальные права) (Freedom in the World ..., 2019). Данные агентства Freedom House используются для исследования многообразия политических режимов и для проведения сравнительного анализа действующих демократий.

Авторитет либеральной демократии в современном мире подкреплен, тем самым, показательной эффективностью политической власти, заключающейся в ее способности решать задачи социально-экономического развития общества, обеспечивая высокий уровень свободы личности, о чем свидетельствуют данные Freedom House и других зарубежных информационно-аналитических агентств (рисунок 1).

Однако новые вызовы, стоящие перед демократией, порождают дискуссии среди политологов относительно перспектив и тенденций ее развития, что подтверждается противоречием провозглашаемой либерально-демократической повесткой и нынешней реальной политической практикой ряда государств. По мнению ряда исследователей, либеральная демократия на данный момент находится в состоянии кризиса, в основе которого лежат проблемы, связанные с концептуальным осмыслением демократии как феномена организации по-

¹ См., например: Баранов, Н. А. (2007). *Современная демократия: эволюционный подход*. СПб, Балт. гос. техн. ун-т.; Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство и др.



Рисунок 1 – Уровень свободы, зафиксированный агентством Freedom House в 2019 году (светло-серым отмечены частично свободные государства, серым – свободные, темно-серым – несвободные)

литической власти и с конкретными институтами и механизмами ее осуществления. Исследование усложняет и трудность самого понятия «либеральная демократия», которое не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, что является главным системообразующим компонентом: либеральная идея с присущими ей базовыми идеалами или собственно демократия с ее основными принципами.

Со стороны общества подвергаются сомнению основные ценности, гарантируемые либеральной демократией: конституционно закрепленные права и свободы индивида, стремление к наибольшему благу наибольшего числа людей, равные возможности индивидам для самореализации. Вместо этого критиками все чаще обращается внимание на насущные проблемы: эксплуатацию и отчуждение наёмных работников (марксизм), социальный атомизм (коммунитаризм), подчинение женщин (феминизм), маргинализацию или ассимиляцию культур (мультикультурализм) или политическую апатию (гражданский республиканизм). При этом не до конца ясным остается ряд вопросов об их решении: следует ли отказаться от либерально-демократических принципов, или пытаться лучше реализовать их на практике, возможно, дополнив их смысл под влиянием критических взглядов (Кимлика, 2010, с. 14).

На основании вышесказанного представляется актуальным проведение контекстуального анализа проявления этого кризиса с выделением причин и факторов, способствующих его обострению.

Социально-экономическое измерение кризиса либеральной демократии

Идеализированное представление о либеральной демократии, сформированное, в том числе, показателями крупных аналитических агентств, создает опасность подмены понятий в рамках политического дискурса и приводит к процветанию популизма и универсализма. Подобный тренд создает опасность формирования социальных групп и организаций радикального характера, что является реакцией общества на, отчасти, неспособность государства действовать согласно основным идеологическим постулатам. В этой связи можно говорить о социальном – или более широком – социально-экономическом аспекте кризиса либеральной демократии.

Сущность либеральной демократии в современной реальной политике остается нераскрытой до конца, а ее социально-политическая практика противоречива и требует переосмысления. Так, Й. Шапиро (2009), говоря о «хронических проблемах» либеральной демократии, утверждает, что она не в состоянии создать систему, способную решить текущие и ставшие почти вечными проблемы, к которым, например, относятся социальное неравенство, бедность и нищета (с. 51). Исследования Самира Амина (2007) это подтверждают: авторитет демократии, а следовательно и ее легитимность, подрываются ввиду ее неспособности положить конец обнищанию и ухудшающимся условиям жизни трудящихся. Хотя критика, представленная в его работе, направлена по большей части против капитализма в целом и империализма Соединенных Штатов, она напрямую касается влияния либерализма на общество вследствие его глубоких связей с экономикой. Неомарксистский взгляд на кризис либеральной демократии сконцентрирован во многом на уровне социально-экономического развития обществ и на синтезе данной модели с капитализмом. Первичность экономики является пагубной для либеральной демократии, поскольку в данном случае это означает такой тип слияния политики и экономики, который не отвечает требованиям обеспечения социального равенства, а направлен на универсализацию глобального проекта, цель которого – установление гегемонии США и их экономических партнеров над прочим миром.

Тезис Ж. Донзело и К. Годона (2008) о том, что «парадокс либерализма во всех его формах (нео-, развитой, пост...) состоит в том, что нужно предпринять множество действий, прежде чем появится возможность *laisser faire* – вплоть до действия по претворению в жизнь реальности (свободы, общества), которая нужна для *laisser faire* – «*faire société*» (с. 14), заставляет задуматься о том, что потенциальный позитивный социальный эффект либеральной демократии напрямую коррелирует с высоким уровнем обеспечения и государственных гарантий защиты классической локковской «либеральной триады» естественных прав на *жизнь*, индивидуальную *свободу* и частную *собственность*. Это обеспечение, закрепленное в основном законе государства, подвергалось нападкам с начала XX века. Я.-В. Мюллер (2014), характеризуя взгляды Макса Вебера, писал: «Вебер, в частности, был обеспокоен ослаблением либерального принципа «верховенства права» после появления социального государства и требований материальной «справедливости». Правление посредством общего для всех зако-

на – прозрачного и ограничивающего политиков – стало объединяться с мерами и указами, решавшими конкретные проблемы конкретных граждан. По мнению Вебера, такие идеалы, как справедливость, несмотря на их символическое одобрение в парламентах, не претворялись в общее и предсказуемое право, что порождало новый патримониализм или феодализм, при которых неконтролируемые управленцы превращались в господ, покровительствующих избранным группам» (с. 51). В послевоенный период переосмысление классических и либеральных идей ложится в основу западноевропейского конституционализма, которому предстояло пройти проверку на прочность в 1968 году. В ходе событий того времени проводились кампании по расширению прав граждан на участие в политике. Люди, настаивали участники событий 1968 года, желали не просто иметь своих представителей, но и участвовать в принятии решений. Налицо был кризис института представительства, который удалось преодолеть либеральным «преобразованием цивилизации» (Мюллер, 2014, с. 329). Выразителей интересов стало настолько много, что действующая тогда модель либеральной демократии не смогла обеспечить полное участие *меньшинств*, вышедших на авансцену политики, в принятии политических решений. Подобный вызов либеральной демократии можно наблюдать и в настоящее время.

Исследование Я.-В. Мюллера позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, в XX веке Европа пережила идеологическое стихийное бедствие от парламентской демократии с последующим возникновением диктатур и тоталитарных режимов до установления либеральной «конституционно ограниченной» (*highly constrained*) демократии с ныне обозначающимся трендом упадка духа свободы (Закария, 2004). Это говорит о том, что либеральная демократия не является западноевропейским универсальным продуктом обязательно правильной организации политической власти, какой ее принято считать. Во-вторых, в основу современной либеральной демократии заложены основные права и свободы классического либерализма, выражаемые в конституционных нормах развитых государств. Такого рода конституционализация стала институциональным каркасом обновленного политического режима, который предотвращал полный откат к диктатурам и тоталитаризму. Однако вместе с тем конституционное закрепление либеральных идей показало, что усилить свои позиции и адекватно реагировать на изменяющееся общественное настроение либеральная демократия может в основном за счет укрепления действующего институционального ядра. Инструментом для этого стал процесс европейской интеграции, развернувшийся в 50–60-е годы, побочным эффектом которого стало «наложение определенных ограничений на национальный суверенитет европейских демократий за счет создания наднациональных и панъевропейских неизбираемых институтов» (Дмитриев, 2014).

Конституционализация либерализма – это некий компромисс между ним и демократией, не решающий, однако, проблемы равного участия большинства и меньшинств в политике. Все чаще в настоящее время за защитой своих прав люди обращаются к внесистемным «группам» (Валлерстайн, 2003), а не к государственным институтам, что констатирует подрыв доверия общества к либеральным идеалам, заложенным в основе государственности развитых стран.

Союз либерализма с капитализмом, ставший мишенью критики С. Амина, показывает неспособность либеральной демократии решить проблемы бедно-

сти и обнищания населения. Параллельно упадку доверия к государственным институтам защиты прав человека растет количество общественных движений, иногда радикального толка, которые стремятся не только к тому, чтобы быть услышанными, но и к прямому влиянию на принятие политических решений, предлагая не всегда конструктивную и почти никогда – стратегически значимую повестку. Отчасти это может говорить об усталости общества от обещаний со стороны либерально-демократических правительств и подъем приоритета решения текущих задач. Меньшинства ждут этого «здесь и сейчас», но действующий либерально-демократический порядок не в состоянии до конца урегулировать существующие проблемы, так как демократия не предполагает активного вмешательства меньшинств в политику, ограничиваясь гарантией защиты их основных прав и свобод.

Политико-идеологический аспект кризиса либеральной демократии

Отмеченный Вебером факт того, что основные идеи либерализма не находят своего материального воплощения в практике являлся сигналом трансформации классического либерализма в совокупность обновленных идей, которые в дальнейшем стали присущи неолиберальной политике и приняты в качестве основополагающих для формирования политических программ и доктрин либеральных и либерал-демократических партий Европы. К таким партиям можно отнести Европейскую демократическую партию, Партию либеральных демократов в Великобритании (Liberal Democrats), Свободную демократическую партию Германии (Freie Demokratische Partei), Французскую партию «Вперёд, Республика!», Бельгийскую партию «Открытые фламандские либералы и демократы» и Альянс либералов и демократов за Европу – АЛДЕ, включающий в себя 52 партии либерально-демократического толка и занимающий 85 мест в Европарламенте.

С приходом к власти неолиберального истеблишмента в большинстве либерально-демократических западноевропейских обществ начинает набирать обороты внутрисистемное политико-идеологическое расхождение между классическими либеральными принципами и новым политическим курсом. Большинство претензий, выдвигаемых критиками неолиберализма в адрес проводников идей Вашингтонского консенсуса и его стратегии глобализации, связаны с упреком отхода от принципов либеральной демократии (Русакова, 2009, с. 223). Н. Хомский (2002) отмечает также, что «неолиберальный Вашингтонский консенсус представляет собой основанную на определённых рыночных принципах политику, проводимую правительством США и в значительной степени подконтрольными ему международными финансовыми учреждениями в отношении более уязвимых обществ». С одной стороны, декларируемые цели неолиберализма – обеспечение свободы рынка и предпринимательства, исключение влияния правительства на экономику – не теряют классического либерального духа, а с другой – это означает «отход от дел» демократического правительства и, следовательно, народа, представителем которого оно является. Поэтому можно констатировать, что западноевропейская либеральная демократия существует в условиях идейно-политического противоречия между обществом – носителем

идей классического либерализма и неолиберальным правительством, проводимая политика которого, как правило, пролоббирована крупнейшими экономическими агентами и замаскирована под модель, отвечающую критериям американской либеральной демократии, претендующей на универсальный и идеальный паттерн.

Продолжая рассуждение Вебера, можно задаться вопросом о причинах идеологически-концептуального разрыва между либерализмом и неолиберализмом, выражающегося на практике в разрыве между духом свободы и демократическими процессами. Пожалуй, ответом на него и главной причиной можно назвать несколько хаотичную трансформацию либерализма. После 1945 года классический либерализм потерпел крушение не только идеологическое, но и социальное. От него остались лишь некоторые институциональные схемы, закрепленные в ходе конституционализации либеральных идей, к которым относятся верховенство закона и система сдержек и противовесов, отчасти соответствующих неолиберализму и потому не подвергающихся серьезному пересмотру. С уничтожения самостоятельности классического либерализма и начинается неолиберальный проект, направленный на универсализацию мирового политического и экономического порядка, в центре которого находились либеральная демократия (как синтез наиболее благоприятно воспринимаемых обществом идей) и капитализм (якобы как способ достижения экономического благосостояния, фактически – как средство утверждения господства стран, составляющих Триаду С. Амина: Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза, Японии). В XX веке произошло, таким образом, не столько последовательная эволюция либерализма, сколько его отмирание как самостоятельной идеологии.

В целом же возникший режим можно охарактеризовать как новое соотношение демократии и некоторых либеральных принципов. Это соотношение изобилует противоречиями. Хотя Ф. Фукуяма (1990) и утверждал, что «в конечном счете, не существует никакого привлекательного альтернативного образа жизни или способа организации человеческих коллективов, способного соперничать с либеральной демократией», данная модель основана на изначально несовместимых базовых концептах, которые отчасти обуславливают ее идейно-концептуальный кризис.

Во-первых, неолибералы не так уж сильно отличаются от своих предшественников в мнениях о глобальной роли государства. И. Валлерстайн считал, что либералы не были антигосударственниками, но были явными антидемократами. Либерализм, по его мнению, «всегда был аристократическим учением», так как «он проповедовал «власть лучших» представителей меритократии. Естественно, что лучшие – это всегда меньшая группа, которая либералами противопоставляется власти всего народа. Демократия, таким образом, «была целью радикалов, а не либералов; по крайней мере она была целью тех, кто был настроен искренне радикально и искренне антисистемно. Именно для того, чтобы не дать этой группе стать преобладающей, выдвинули либерализм как идеологию». Исторический опыт европейской диктатуры и тоталитаризма показывает, что даже идейные представители фашизма апеллировали к демократическим ценностям. Так, Д. Джентиле, один из сторонников итальянского фашизма, считал, что «фашистское государство... является народным государством и, в качестве такового, демократическим государством *par excellence*» (Мюллер, 2014, с. 14).

Во-вторых, государство, по мнению либералов, должно создавать условия оптимального использования своих прав индивидами. На практике оно «продолжало укреплять свои позиции по отношению к обществу, несмотря на риторические призывы к прямо противоположному». Вместе с тем, тоталитарный режим в Германии, авторитарные режимы Латинской Америки, установившиеся в ходе «отката» второй и третьей волн демократизации, использовали вполне демократические основания для легитимации собственной власти. Это говорит о серьезных внутренних противоречиях данных идей, которые препятствуют реализации либеральной демократии в полной мере.

Противоречия между демократией и либерализмом в совокупности с внутренними расхождениями каждой из этих идей в итоге порождают зафиксированный Ф. Закарией «расцвет демократии, но упадок свободы». На практике это может привести к возвращению авторитаризма в национальных государствах. Несмотря на то, что европейцы сознательно передали власть наднациональным структурам в целях закрепления либерально-демократического порядка, современные реалии показывают, что это не является безоговорочной гарантией политической стабильности демократии. Свидетельством тому является состоявшийся недавно выход Великобритании из состава Европейского Союза, который «оказался крупным по своей значимости событием, свидетельствующим о кризисе неолиберальной политики ЕС и уязвимости брюссельского истеблишмента» и придавшим «уверенности в своих силах» новым правым (Русакова, Русаков, 2016, с. 16).

Внутреннее идейное противоречие либеральной демократии в современных условиях не позволяет данной модели выработать концепцию участия граждан в политике, которая основывается на приоритете защиты личностных прав и свобод. Проводником либеральной демократии в настоящее время являются неолиберальные правительства, которые используют ее как средство достижения корпоративных целей как на внутрисоциальном, так и на международном уровне. Все это способствует росту общественного напряжения и формированию негативных установок к данной модели демократии. Протестные настроения связаны также и с неспособностью государства защитить их от внешних угроз: радикального исламизма и терроризма, неконтролируемого потока миграции и экономического дисбаланса.

Индикаторы кризиса либеральной демократии в медианпространстве

Помимо научных исследований проблематики кризиса либеральной демократии, в которых, в зависимости от подхода, она рассматривается с политических, экономических, социальных позиций, немаловажной является повестка, формируемая средствами массовой информации. Кроме прочих, примечательным для анализа проблематики кризиса либеральной демократии является эмоциональный контекст, заложенный в информационных сообщениях.

За последние несколько лет в публикациях рейтинговых зарубежных средств массовой информации (печатных и электронных) наблюдается устойчивый тренд повышения критически-негативных публикаций по отношению к либеральной демократии. Так, на протяжении 2019 и в начале 2020 года одни-

ми из наиболее обсуждаемых тем в мировой политике стали вышеупомянутый Brexit, попытка импичмента президента Д. Трампа, политические акции в защиту экологии, интервью В.В. Путина газете «Financial Times» и Мюнхенская конференция по безопасности, проходившая в феврале 2020 года. Эти события – основные критические точки, формирующие негативное информационное поле вокруг либеральной демократии. Отметим, что стремительно набиравшие популярность климатические акции, как и Brexit, явились свидетельством неспособности европейского истеблишмента в современных политических условиях найти эффективное решение проблем, основанное на компромиссе. Выступление Греты Тунберг показало, что внесистемные группы могут влиять не только на политическую повестку дня, но и на сознание масс, используя для этого реальные политические институты. Это был некий врыв внесистемной группы в «большую политику», оставивший след в виде широкого общественного и экспертного обсуждения и давший повод обществу в очередной раз задуматься над способностью национальных правительств принимать участие в решении глобальных проблем. По данным ТАСС в марте 2019 года по призыву Греты Тунберг на улицы крупнейших городов западноевропейских государств «вышли более миллиона человек, в мае – несколько сотен тысяч, в сентябре – по разным оценкам, от шести до семи миллионов» (Миллионы за климат ..., 2019). Широта освещения происходящего в СМИ помимо привлечения внимания к движению эоактивистов сопряжено с почти полным отсутствием реакции со стороны власти, что сигнализирует и одновременно подтверждает обозначенную выше общественно-политическую уязвимость либеральной демократии.

Похожую реакцию в медийной сфере, хотя и в основном среди специалистов и экспертных групп, вызвало интервью В.В. Путина газете «Financial Times», в котором российский президент объявил о том, что «либеральная идея себя изжила» (Vladimir Putin ..., 2019). Несмотря на резкое несогласие, высказанное политическими лидерами Европейского Союза в целом и государств, входящих в его состав, в частности, нашлись и те, кто выразил частичное согласие с его позицией. Критикуя понимание либерализма российским президентом, сведенное к обеспечению вседозволенности мигрантов в противовес защите прав и свобод собственных граждан, в ряде публикаций зарубежных СМИ признается, что либерализм в настоящее время сталкивается с кризисом, причина которого находится «не там, где ее видит Владимир Путин» (Kenan, 2019). Вместе с тем главные политики Европы были единодушны во мнении о том, что либерально-демократическая система и либеральная идея «устарела» (Western leaders defend ..., 2019). Резкая критика подобной «атаки» на либерализм неолиберальным европейским истеблишментом в сочетании с неоднозначными комментариями экспертов является отражением идеологически-концептуального аспекта кризиса либеральной демократии. Политические лидеры не готовы констатировать кризис либерализма, утверждая, что основные права и свободы человека не могут быть подвергнуты сомнению, а экономический рост последних лет обусловлен эффективностью деятельности либерально-демократических правительств. Вместе с тем экспертное и научное сообщество констатирует кризис либеральной системы, вызванный проблемами капитализма (Opinion: Is the crisis of capitalism ..., 2019) и возможной необходимостью в будущем создать новую форму институциональных отношений демократических государств (Opinion: Democracies ..., 2019).

Внутренняя политическая борьба между Демократической и Республиканской партиями в США достигла апогея в ходе расследования по делу об импичменте действующего президента США Д. Трампа, закончившегося его полным оправданием в Сенате США. Западные и, в частности, американские СМИ придали широкой огласке не только процедурные аспекты импичмента, но и комментарии политиков и экспертов по поводу происходящего, в результате чего в СМИ начал набирать популярность тезис о «суде над американской демократией». Оправдание Трампа вызвало в СМИ реакцию, схожую с той, которую описали как опасность незаметного для самих американцев перехода к авторитаризму Стивен Левицкий и Дэниел Зиблатт (2018) в книге «How Democracies Die». Решение по делу импичмента отождествлялось с кризисом демократии, заключающимся в устаревании системы сдержек и противовесов и слабости в борьбе с авторитаризмом.

Освещение в средствах массовой информации проходившей в феврале 2020 года Мюнхенской конференции по безопасности стало финальным и самым явным индикатором кризиса либеральной демократии, выраженным в термине «Westlessness», который в российских СМИ был переведен как «беззападность» («Язык силы» ..., 2020). По мнению авторов одноименного доклада «еще несколько лет назад единство западного мира основывалось на либеральной демократии, правах человека, рыночной экономике и международном сотрудничестве. Но сегодня все больше стран мира, хоть и признают важность этих ценностей, не ориентируются на опыт Европы и США». Госсекретарь США Майк Помпео вместе с тем утверждает, что «мы побеждаем» (Westlessness – The Munich Security Conference ..., 2020) и западные либеральные ценности не требуют переосмысления. Возвращаясь к концепции С. Амина, можно сказать, что разногласия во мнениях являются индикатором нарастающих противоречий во взаимоотношениях Триады. И в этой связи термин «westlessness» означает констатируемый кризис западноцентричной миросистемы, который во внешней среде проявляется в трех аспектах. Во-первых, речь идет о возрастании угрозы, исходящей в понимании западных стран прежде всего от России и Китая. Под угрозой при этом следует понимать увеличение их влияния на страны Востока и затянувшийся конфликт геополитических интересов на данной территории. Во-вторых, данный феномен проявляется в увеличивающемся разрыве партнерских отношений стран Триады: «большая часть европейской аудитории молчаливо и тревожно задумалась над тем, кого конкретно Помпео подразумевает под словом «мы» («Westlessness» – is the west ..., 2020), когда говорит о победах западных ценностей. При этом рассогласованность мнений относительно устойчивости либерально-демократических ценностей может стать яблоком раздора между Западной Европой и США в условиях нарастающей социально-экономической и социально-политической нестабильности. В-третьих, серьезную угрозу авторы доклада видят в отказе от базовых ценностей и свобод, что приводит к стиранию границ между западным и противостоящими ему мирами. В последнем наиболее явно выражается «беззападность», обозначенная в качестве главной темы прошедшей конференции.

Рассмотрение публикаций в зарубежных СМИ показало, что кризис либеральной демократии и его отдельные аспекты так или иначе отмечаются авторами публикаций (журналистами и экспертами), представителями внесистемных

социально-политических групп, и вместе с тем отвергаются политическими лидерами США и западноевропейских стран. Каждое из обозначенных событий может являться предметом для проведения отдельного дискурс-анализа, но в целом все они сигнализируют о неустойчивости современной американской и западноевропейской модели либеральной демократии на данном этапе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать многогранность проблематики кризиса либеральной демократии. Кажущаяся эффективность либеральной демократии не отвечает современным задачам, стоящим перед государством, и не способна удовлетворить нарастающие по количеству и содержанию требования социальных групп. О кризисе либеральной демократии все чаще говорится в исследованиях зарубежных политологов, а проявлением его в реальности являются, например, политический кризис в Европе или растущие протестные настроения в странах Западной Европы и в США.

С точки зрения социально-экономического развития либеральная демократия не способна обеспечить равенство по нескольким причинам. Немаловажное значение при этом имеет ее приверженность капитализму со всеми вытекающими последствиями. Для реализации принципа *laissez-faire* необходимо обеспечить возможность всесторонней защиты индивидуальных прав и свобод, что ложится в основу конституционного строя ряда государств, однако крайне проблематично реализуется на практике, зачастую подменяясь принятием законов в интересах конкретных групп. Налицо неудовлетворительное социально-экономическое положение граждан, проявляющееся в росте безработицы, неконтролируемой миграции и др.

Социально-политический контекст кризиса, неразрывно связанный с будущим, выражается в противоречии между либеральной демократией и неолиберальным истеблишментом и либерально-демократическими партиями Европы, обеспечивающими ему идеологическую поддержку. Перед последним стоит задача в действующих условиях найти и сохранить баланс между предоставлением особых прав меньшинствам и соблюдением прав и свобод большинства. С устойчивым трендом появления альтернативных движений реализация этой задачи с помощью либеральной демократии все более затрудняется. Следствие этого – рост популярности радикальных движений и недоверия к государству в обществе. Так, Стивен Левицкий и Дэниел Зиблатт (2018) писали, что усилия Америки, направленные на достижение расового равенства, по мере того, как наше общество становится все более разнообразным, вызывают негативную реакцию и усиливающуюся поляризацию.

Таким образом, кризис либеральной демократии является отчасти неотъемлемой частью кризиса неолиберализма как идеологического проекта, направленного на установление политического и экономического господства стран Триады. На сегодняшний день ситуация такова, что «граждане ведущих стран Запада смотрят в будущее намного мрачнее, чем жители других государств» (Бордачев, Лукьянов, Суслов, Сушенцов, Тимофеев, 2017, с. 7), при декларируемом совершенстве либеральной демократии. Либеральная демократия в современном мире выполняет две важные роли. Во-первых, это важнейшая

составляющая неолиберального проекта, его политико-идеологический ресурс, позволяющий выстраивать коммуникацию между гражданским обществом и правительством в западных странах. Базовой константой глобального успеха данной модели и ее общественного поощрения является ориентация на ценности, основанные на таких категориях, как справедливость, равенство и свобода, выражающиеся в политической, экономической, культурной и иных сферах. Побочный эффект заключается в том, что продолжительный кризис, отсутствие реагирования на критику представителей разных политических движений и уход государства от исполнения гарантий соблюдения вышеуказанных прав и свобод порождает социальную нестабильность и ставит под угрозу незыблемость либерально-демократических основ взаимодействия государства и общества друг с другом, а также с внешней средой. Последнее может выражаться в применении военных методов и обращении к силовым способам решения проблем локального и глобального характера вместо попытки выстраивания конструктивного диалога, основанного на партнерских взаимоотношениях. Во-вторых, либерально-демократические ценности – это основа не только государственности большинства развитых стран, но и системы взаимоотношений в ряде социумов. Гражданское общество западных стран, получившее основные права и свободы несколько веков назад, стремится защитить и отстоять гарантию их реализации со стороны государства, сталкиваясь с уже известными проблемами, касающимися, в том числе, несовершенства самой либеральной демократии, и требует действий от государства по решению национальных и глобальных проблем, не ущемляющих данные права и свободы.

Помимо этого, исторический путь либеральной демократии позволяет увидеть корни внутреннего противоречия базовых составляющих данной модели – собственно либерализма и демократии. Данное противоречие заключается, по большому счету, в несовместимости этих концептов: демократия, в противовес либерализму, предполагает массовость и по существу не имеет родственных связей с капитализмом, являясь, в главной мере, процедурой принятия политических решений. Либерализм наполняет ее аксиологическим смыслом, вступая при этом в конфронтацию с базовыми ценностями и подвергая ее угрозе дискредитации.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что многогранность кризиса либеральной демократии выражается в социально-экономических, политических и идеологически-концептуальных проблемах и противоречиях, решение которых предполагает широкую мобилизацию финансовых, силовых и политических ресурсов со стороны неолиберального истеблишмента современных западно-европейских государств. В настоящее время тезис Фукуямы о незаменимости либеральной демократии, безусловно, имеет право на существование. Вопрос, скорее, заключается в возможности со стороны государства реализации ее основных принципов в ближайшей перспективе.

Список литературы

1. Амин, С. (2007). *Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира*. М.: Издательство «Европа».

2. Бордачев, Т.В., Лукьянов, Ф.А., Суслов, Д.В., Сушенцов, А.А., Тимофеев, И.Н. (2017, февраль). *Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать* [доклад]. Взято с <https://ru.valdaiclub.com/files/14649/>
3. Валлерстайн, И. (2003). *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС.
4. Даймонд, Л. (1999). Прошла ли третья волна демократизации? *Полис*, 1, 10–25.
5. Дмитриев, Т.А. (2014, 6 февраля). Оспаривая либеральную демократию: Ян-Вернер Мюллер о политическом опыте Европы XX века. *Перспективы*. Взято с http://www.perspektivy.info/book/osparivaja_liberalnuju_demokratiju_jan-verner-muller-o-politicheskom-opyte-jevropy-xx-veka_2014-02-06.htm
6. Донзело, Ж., Годон, К. (2008). Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире. *Логос*, 2, 3–20.
7. Закария, Ф.Р. (2004). *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Ладомир.
8. Кимлика, У. (2010). *Современная политическая философия. Введение*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей Школы Экономики.
9. *Миллионы за климат: Грета Тунберг выводит своих сторонников на улицы*. (2019, 29 ноября). Взято 17 февраля 2020, с <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7142179>
10. Мюллер, Я.-В. (2014). *Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века*. М.: Изд. Института Гайдара.
11. Русакова, О.Ф. (2009). Современные трактовки предметной области политической философии: методологический анализ. *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук*, 9, 203–229.
12. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016). Правый поворот в политическом дискурсе элит и кризис либерализма. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4, 13–22.
13. Фукуяма, Ф. (1990). Конец истории? *Вопросы философии*, 3, 134–148.
14. Хомский, Н. (2002). *Прибыль на людях: Неолиберализм и глобальный порядок*. М.: Праксис.
15. Шапиро, Й. (2009). «Хронические проблемы» либеральной демократии. *Международные процессы*, 7(21), 51–52.
16. «Язык силы» Евросоюза и призывы к диалогу с РФ. *О чем говорили на конференции в Мюнхене*. (2020). Взято 17 февраля 2020, с <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7773321>
17. Kenan, M. (2019, June 30). Liberalism is facing a crisis. But it's not what Vladimir Putin thinks. *The Guardian*. Retrieved February 17, 2020, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/30/liberalism-is-facing-a-crisis-but-its-not-what-vladimir-putin-thinks>
18. *Freedom in the World | Methodology*. (2019). Retrieved January 10, 2020, from <https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2019>
19. Levitsky, S., & Ziblatt, D. (2018, January 21). This is how democracies die. *The Guardian*. Retrieved February 7, 2020, from <https://www.theguardian.com/us-news/commentisfree/2018/jan/21/this-is-how-democracies-die>
20. *Opinion: Democracies unite!* (2019, December 11). Retrieved from <https://www.dw.com/en/opinion-democracies-unite/a-51622379>
21. *Opinion: Is the crisis of capitalism a crisis of democracy?* (2019, October 29).

Retrieved from <https://www.dw.com/en/opinion-is-the-crisis-of-capitalism-a-crisis-of-democracy/a-51040532>

22. Schumpeter, J.A. (1976). *Capitalism, Socialism & Democracy*. London: George Allen & Unwin Ltd.

23. *Trump's impeachment acquittal shows how democracy could really die*. (2020, February 5). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.vox.com/2020/2/5/21115539/trump-impeachment-acquittal-vote-democracy>

24. *Vladimir Putin: liberalism has 'outlived its purpose'*. (2019, September 17). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.ft.com/content/2880c762-98c2-11e9-8cfb-30c211dcd229>

25. *Western leaders defend liberal values after Putin attack*. (2019, June 28). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.ft.com/content/e106d5d2-9995-11e9-8cfb-30c211dcd229>

26. "Westlessness" – is the west really in a state of peril? (2020, February 16). Retrieved February 21, 2020, from <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/16/westlessness-is-the-west-really-in-a-state-of-peril>

27. *Westlessness – The Munich Security Conference 2020*. (2020, February 16). Retrieved February 17, 2020, from <https://securityconference.org/en/news/full/westlessness-the-munich-security-conference-2020/>

References

1. Amin, S. (2007). *Virus liberalizma: permanentnaya voyna i amerikanizatsiya mira* [The virus of liberalism: permanent war and the Americanization of the world]. Moscow: Publishing house "Europe".

2. Bordachev, T.V., Lukyanov, F.A., Suslov, D.V., Sushentsov, A.A., & Timofeev, I.N. (2017, February). *Global'nyy bunt i global'nyy poryadok. Revolyutsionnaya situatsiya v mire i chto s ney delat'* [Global rebellion and global order. The revolutionary situation in the world and what to do with it]. Retrieved February 7, 2020, from <https://en.valdaiclub.com/files/14649/>

3. Diamond, L. (1999). Proshla li tret'ya volna demokratizatsii? [Has the third wave of democratization passed?]. *Polis*, 1, 10–25.

4. Dmitriev, T.A. (2014, February 6). *Osparivaya liberal'nyuyu demokratiyu: Yan-Verner Myuller o politicheskom opyte Evropy XX veka* [Disputing liberal democracy: Jan-Werner Müller on the political experience of Europe in the 20th century]. Retrieved January 21, 2020, from http://www.perspektivy.info/book/osparivaya_liberalnuju_demokratiju_jan-verner_muller_o_politicheskom_opyte_jevropy_xx_veka_2014-02-06.htm

5. Donzelo, J., & Godon, C. (2008). Upravlenie liberal'nymi obshchestvami – effekt Fuko v angloyazychnom mire [Management of liberal societies is the Foucault effect in the English-speaking world]. *Logos*, 2, 3–20.

6. *Freedom in the World | Methodology*. (2019). Retrieved January 10, 2020, from <https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2019>

7. Fukuyama, F. (1990). Konets istorii? [The end of the story?]. *Voprosy filosofii*, 3, 134–148.

8. «Jazyk sily» Evrosojuza i prizyv k dialogu s RF. O chem govorili

na konferencii v Mjunhene [“Language of power” of the European Union and calls for dialogue with the Russian Federation. What was said at the conference in Munich] (2020). Retrieved February 17, 2020, from <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7773321>

9. Kenan, M. (2019, June 30). Liberalism is facing a crisis. But it’s not what Vladimir Putin thinks. *The Guardian*. Retrieved February 17, 2020, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/30/liberalism-is-facing-a-crisis-but-its-not-what-vladimir-putin-thinks>

10. Khomskiy, N. (2002). *Pribyl’ na lyudyakh: Neoliberalizm i global’nyy poryadok* [Profit in humans: Neoliberalism and the global order]. Moscow: Praxis.

11. Kimlika, W. (2010). *Sovremennaja politicheskaja filosofija. Vvedenie* [Modern political philosophy. Introduction] Moscow: Publishing house of State University – Higher School of Economics.

12. Levitsky, S., & Ziblatt, D. (2018, January 21). This is how democracies die. *The Guardian*. Retrieved February 7, 2020, from <https://www.theguardian.com/us-news/commentisfree/2018/jan/21/this-is-how-democracies-die>

13. *Milliony za klimat: Greta Tunberg vyvodit svoih storonnikov na ulicy* [Millions for the climate: Greta Tunberg takes her supporters to the streets]. (2019, November 29). Retrieved February 17, 2020, from <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7142179>

14. Muller, J.-V. (2014). *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka* [Disputes about democracy: Political ideas in Europe of the XX century]. Moscow: Publishing. Gaidar Institute.

15. *Opinion: Democracies unite!* (2019, December 11). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.dw.com/en/opinion-democracies-unite/a-51622379>

16. *Opinion: Is the crisis of capitalism a crisis of democracy?* (2019, October 29). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.dw.com/en/opinion-is-the-crisis-of-capitalism-a-crisis-of-democracy/a-51040532>

17. Rusakova, O.F. (2009). Sovremennye traktovki predmetnoy oblasti politicheskoy filosofii: metodologicheskii analiz [Modern interpretations of the subject area of political philosophy: methodological analysis]. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otdeleniya Ros. akad. nauk*, 9, 203–229.

18. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2016). Pravyy povорот v politicheskom diskurse elit i krizis liberalizma [Right turn in the political discourse of the elites and the crisis of liberalism]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 3–4, 13–22.

19. Shapiro, Y. (2009). “Khronicheskie problemy” liberal’noy demokratii [“Chronic problems” of liberal democracy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 7(21), 51–52.

20. Schumpeter, J.A. (1976). *Capitalism, Socialism & Democracy*. London: George Allen & Unwin Ltd.

21. *Trump’s impeachment acquittal shows how democracy could really die* (2020, February 5). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.vox.com/2020/2/5/21115539/trump-impeachment-acquittal-vote-democracy>

22. *Vladimir Putin: liberalism has ‘outlived its purpose’*. (2019, September 17). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.ft.com/content/2880c762-98c2-11e9-8cfb-30c211dcd229>

23. Wallerstein, I. (2003). *Posle liberalizma* [After liberalism]. M.: URSS

editorial.

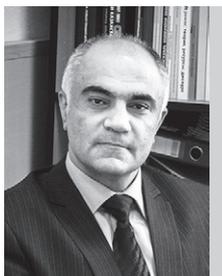
24. *Western leaders defend liberal values after Putin attack*. (2019, June 28). Retrieved February 17, 2020, from <https://www.ft.com/content/e106d5d2-9995-11e9-8cfb-30c211dcd229>

25. “*Westlessness*” – *is the west really in a state of peril?* (2020, February 16). Retrieved February 21, 2020, from <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/16/westlessness-is-the-west-really-in-a-state-of-peril>

26. *Westlessness – The Munich Security Conference 2020*. (2020, February 16). Retrieved February 17, 2020, from <https://securityconference.org/en/news/full/westlessness-the-munich-security-conference-2020/>

27. Zakaria, F.R. (2004). *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The future of freedom: illiberal democracy in the United States and beyond]. Moscow: Ladomir.

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ



Керимов Александр Алиевич,

Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б.Н. Ельцина,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-5807-9810,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2019, принята к публикации 15.03.2020

Для цитирования: Керимов А.А. Совет Федерации Федерального Собрания РФ: проблемы институционализации // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 78–86. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10106

Аннотация

На современном этапе возросший интерес к парламентаризму повышает спрос на исследования, направленные, в том числе, на выявление и изучение специфики формирования и функционирования парламентских институтов. Интерес к данной проблематике обусловлен изменениями, происходящими в современном мире под влиянием процессов перехода к антропогенному типу цивилизации, центром которой является человеческая личность. Поэтому осмысление проблем, связанных с участием граждан в управлении обществом, вызывает повышенный интерес исследователей к вопросу взаимоотношений человека и политической власти.

Данная проблема особенно актуальна для трансформирующихся обществ, к числу которых относится и современная Россия. Политические институты в таких обществах, по причине отсутствия опыта функционирования и взаимодействия в новых социально-политических условиях, носят нестабильный характер, что, в свою очередь, порождает дискуссию о том, какие условия и факторы, политические институты и практики делают систему демократичной, оказывают влияние

© Керимов А.А., 2020



на процесс легитимации политической власти. Иными словами, актуализируется и оказывается в центре политологического дискурса вопрос поиска оптимальной модели политической власти и ее взаимодействия с гражданами.

В статье рассматриваются особенности и основные проблемы институционализации Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Акцентируется внимание на проблемах легитимности Совета Федерации, необходимости изменения порядка формирования, а также расширения его полномочий. Выдвигается гипотеза, что после устранения существующих проблем верхняя палата парламента может стать дееспособным органом власти, имеющим возможность реализации на практике принципа народовластия.

Методологически данная статья опирается на теоретические разработки российских исследователей. В основу статьи легли общеполитологические и социогуманитарные методы. В работе использованы эмпирические данные, полученные из открытых источников.

Ключевые слова:

парламент, парламентаризм, народное представительство, Федеральное собрание РФ, Совет Федерации, Государственная Дума.

UDC 328

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10106

FEDERATION COUNCIL OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION

Kerimov Aleksandr Alievich,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Doctor of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-5807-9810,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Article received on October 3, 2019, accepted on March 15, 2020

To cite this article: Kerimov, A.A. (2020). Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya RF: problemy institucionalizacii [Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: problems of institutionalization]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 78-86. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10106

Abstract

At the present stage, the increased interest in parliamentarism increases the demand for research aimed, including the identification and study of the specifics of the formation and functioning of parliamentary institutions. Interest in this problem is due to the changes taking place in the modern world under the influence of the processes of transition to the anthropogenic type of civilization, the center of which is the human personality. Therefore, the understanding of the problems associated with the participation of citizens in the management of society, causes an increased interest of researchers to the question of the relationship between man and political power.

This problem is particularly relevant for transforming societies, which include modern Russia. Political institutions in such societies, due to the lack of experience of functioning and interaction in the new socio-political conditions, are unstable, which in turn generates a debate about what conditions and factors, political institutions and practices make the system democratic, influence the process of legitimization of political power. In other words, the issue of finding the optimal model of political power and its interaction with citizens is actualized and is at the center of political discourse.

The article discusses the features and main problems of institutionalization of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Attention is focused on the problems of legitimacy of the Federation Council, the need to change the order of formation, as well as the expansion of its powers. The hypothesis is put forward that after the elimination of existing problems, the upper house of Parliament can become a competent authority that can implement the principle of democracy in practice.

Methodologically, this article is based on the theoretical developments of Russian researchers. The article is based on General philosophical and socio-humanitarian methods. The paper uses empirical data obtained from open sources.

Keywords:

parliament, parliamentarism, people's representation, Federal Assembly of the Russian Federation, Federation Council, State Duma.

Практика государственного строительства многих стран наглядно показывает, что демократизация общества невозможна без вовлечения широких масс в процесс осуществления власти через различные представительные органы. Парламент как важнейший орган государственной власти в настоящее время является широко распространенным явлением. В современном мире парламенты существуют почти в 200 странах, примерно в 70 из них функционируют двухпалатные, а в остальных – однопалатные парламенты (Глобальный парламентский отчет ..., 2012, с. 9).

Конституционный статус парламентского учреждения в разных странах неодинаков. Например, «Конституция США декларирует Конгресс, состоящий из Сената и Палаты представителей как полномочного органа законодательной власти. Венгерская Конституция признает за Государственным собранием статус высшего органа законодательной власти и народного представительства. По Конституции Японии парламент признается высшим и единственным

законодательным органом государства. За болгарским Народным собранием закреплены законодательные функции и функции парламентского контроля. В Словакии Национальный совет является единственным органом, имеющим право принимать конституцию и законы» (Керимов, 2015, с. 34).

Итак, положения конституций зарубежных стран показывают, что не всегда в тексте конституции приводится определение парламента, но совокупность полномочий и прав парламента, приведенных в различных статьях, подчеркивает главенствующую роль представительного органа в иерархии властей.

В этих нормах содержатся типичные характеристики парламента, раскрывающие его двуединую природу как органа представительной и законодательной власти. Выделенные свойства взаимосвязаны, поскольку «народная воля наделяет парламент правом законодательства и уполномочивает на выполнение и других функций» (Баранова, Романов, 2009, с. 53). Следовательно, парламент в политической системе общества выступает в качестве едва ли не единственного института, представляющего социум и в целом, и в его многообразии. Главной задачей парламентского учреждения является выявление и агрегирование различных политических интересов в обществе. Кроме того, в развитых странах парламенту отводится весьма важная роль – налаживание системы коммуникаций со всеми государственными и общественными институтами. Собственно, по этой причине парламент в контексте государственности и демократизации общества должен быть рассмотрен в качестве системообразующего фактора.

Наличие развитого парламентаризма в политической системе государства свидетельствует о демократичности общества, высоком уровне развития и соблюдении гражданских прав и свобод. На эволюции парламентаризма отражаются особенности процесса формирования общества на каждом конкретном историческом этапе его развития, определяемые в том числе, влиянием таких факторов как национальные традиции, правовая культура государства, политическая воля народа.

Начиная с конца XIX столетия, парламентаризм становится повсеместно распространенным явлением и начинает играть важную роль в политической жизни многих государств. Тем не менее, было бы некорректным считать, что его эволюция была линейной, не знающей на своем пути преград. Сложная история парламентаризма свидетельствует о победах и поражениях данного института, в результате которых появились его различные формы и разновидности.

Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна, ее субъекты, характеризующиеся различным уровнем развития демократических институтов, обладают неодинаковым социально-экономическим и научно-техническим потенциалом. Федерализация России после развала СССР основывалась на децентрализации, которая ускорила процессы суверенизации и стала причиной усиления центробежных тенденций. Процесс федерализации, происходивший на фоне тяжелого экономического кризиса, сложностей бюджетного федерализма, проявления национализма и политических амбиций местных элит, породил массу проблем и серьезную угрозу для целостности страны. Очевидно, что в таких случаях политическая элита для сохранения территориальной целостности страны не ограничивается только демократическими методами, но зачастую обращается и к авторитарным способам воздействия на ситуацию, идет на усиление централизации власти. Это тот самый социально-политический и экономический

фон, который сопровождает российский парламентаризм на пути его развития на современном этапе. Российский парламент вынужден приспосабливаться к условиям действительности и в своем функционировании представлять общество как единое целое с учетом всего многообразия социально-экономических, политических, национальных и других интересов.

Конституция РФ определяет Федеральное Собрание РФ как представительный и законодательный орган власти, состоящий из Совета Федерации и Государственной Думы. В двухпалатной системе Государственная Дума воспринимается как орган, претендующий на роль выразителя воли и интересов всего народа, а наличие Совета Федерации, на первый взгляд, может показаться не соответствующим принципам как народного представительства, так и обеспечения эффективности парламентской деятельности.

Наличие верхней палаты в парламенте федеративных государств продиктовано не историческими традициями, а необходимостью упрочения каналов контроля над властью со стороны гражданского общества. Таким образом, с увеличением количества инстанций власти у граждан появляется больше возможностей для обращения в государственные органы, кроме того, появляется возможность и для избрания в них. В данном контексте существование Совета Федерации в России приобретает особый смысл, поскольку он выполняет важные функции и располагает огромным потенциалом для дальнейшего совершенствования и превращения его в орган, способный выступить в качестве полноправного института власти с представительными и законодательными полномочиями.

Рассуждая о значении верхней палаты, Дж. Мэдисон отмечал, что она «способна уравновесить политические страсти, поскольку однопалатный парламент имеет склонность к внезапным порывам, может легко поддаться уговорам и попасть под влияние политических группировок, которые более заинтересованы в удовлетворении собственных интересов, нежели общегосударственных и общенациональных» (Федералист ..., 1994, с. 78–86).

Применительно к России верхняя палата парламента – Совет Федерации, во-первых, выступает в роли контролера за качеством нормативно-правовых актов, принимаемых нижней палатой, во-вторых, двухпалатная система позволяет субъектам федерации принимать участие в законотворческой деятельности, что позволяет им выражать волю и защищать интересы своих территорий и тем самым реализовать на практике один из принципов федерализма.

Механизм формирования Совета Федерации за весь период его существования в условиях централизованного федерализма претерпевал частые изменения. Ельцинский период управления негативно отразился на общей ситуации в стране и привел к серьезным проблемам, в том числе в сфере федеративных отношений. Эти проблемы наиболее остро проявились в ослаблении системы управления политическими и социально-экономическими процессами, как на региональном уровне, так и в целом в стране.

Новая пост-ельцинская элита для устранения негативных явлений взяла курс на реформирование федеративных отношений. На этом этапе инициативы главы государства были направлены на «усиление контроля федерального центра над властными структурами территорий; разграничение членства в верхней палате Федерального Собрания и пребывания в должности региональных руко-

водителей; определение условий и порядка устранения от власти лидеров субъектов федерации, избираемых населением» (Грибанова, 2007, с. 197). И в целом политическому классу на этом этапе удалось устранить те элементы, которые вызвали кризис в управлении, однако дальнейшие шаги по укреплению вертикали власти в обществе вызвали неоднозначную реакцию. Речь, прежде всего, идет о введении нового порядка избрания главы субъекта, предусматривающего наделение законодательной власти региона правом избирать/утверждать главу из числа кандидатур, представленных президентом. Здесь права президента простираются еще дальше, вплоть до снятия с должности главы региона. Исходя из этого, возникает вопрос о легитимности Совета Федерации, поскольку назначение глав регионов главой государства актуализирует необходимость решения проблемы реформирования системы выборов в Совет Федерации.

Конституция предусматривает формирование Совета Федерации путем делегирования в его состав по два представителя от каждого субъекта: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти (Конституция ..., 2016), следовательно, Совет Федерации формируется не путем избрания, а делегированием полномочий «сенатора» представителям законодательной и исполнительной ветвей власти субъекта федерации. В таком случае неправомерно рассматривать верхнюю палату парламента как орган народного представительства, поскольку член Совета в своей деятельности руководствуется не интересами определенных социальных групп, а установками, получаемыми им от руководства региона. Таким образом, подобное представительство более правомерно называть административным.

Народное представительство может быть реализовано только в ходе прямых выборов, в итоге которых формируется орган, призванный для принятия коллективных решений в форме законов в интересах всего народа. В этом отношении только Государственная Дума по формальным признакам может быть признана органом народного представительства, а Совет Федерации – органом административного представительства субъектов федерации. Опыт многих федеративных государств показывает, что страны, ранее имевшие в структуре парламента делегируемую верхнюю палату, со временем отказались от этой практики и перешли к формированию сената на основе прямых выборов.

В современной научной литературе все чаще предлагаются альтернативные способы формирования Совета Федерации. Можно согласиться с мнением Г.И. Грибановой, что необходимо вернуться к практике начала 1990-х гг., когда Совет Федерации формировался прямым голосованием жителей региона в рамках двухмандатных округов или прямым голосованием из числа тех кандидатур, которые будут предложены главой исполнительной власти субъекта (Грибанова, 2007, с. 198). Считаем, что с позиции интересов развития парламентаризма и повышения его легитимности предпочтительным является первый способ, предусматривающий избрание членов верхней палаты посредством прямых выборов. Представляется, что реализация этого сценария может создать условия для более полного представительства интересов каждого региона в верхней палате парламента. Прямые выборы вкупе с внедрением практики отзыва депутата будут стимулировать активность оппозиции, оптимизировать законодательный процесс, выводить его из-под влияния текущей политической конъюнктуры, дисциплинировать депутатов, повышать их ответственность. Такой порядок

формирования Совета Федерации Федерального собрания РФ «будет способствовать становлению стабильно функционирующего двухпалатного парламента, имеющего возможность для выработки государственных решений с учетом интересов населения всей страны, реализации принципа народовластия в своей деятельности, оптимизации функционирования системы государственной власти в России» (Тлумач, 2010, с. 158). Однако могут возникнуть возражения против избрания членов Совета Федерации через систему прямых выборов. Например, можно предположить, что в таком случае минимальные различия между верхней и нижней палатами окончательно исчезнут. На наш взгляд, такое возражение не представляется слишком серьезным и аргументированным. Например, «в США принцип выборности сенаторов работает, при этом сенат не рассматривается здесь как палата штатов, а является еще одним компонентом в системе сдержек и противовесов, реализующей разделение властей» (Ясин, 2012, с. 236).

В составе сегодняшнего Совета Федерации условно можно выделить следующие группы:

1) группа, состоящая из депутатов, которые реально являются выходцами из представляемых ими субъектов;

2) группа, состоящая из бывших высокопоставленных чиновников как федерального, так и регионального уровня;

3) группа москвичей, представителей крупного бизнеса (по разным оценкам Совет Федерации состоит практически на 80% из москвичей) (Нужен ли Совет Федерации? 2019). В итоге «деформация социальной сущности Совета Федерации превратила его из представительства регионов в палату, полностью сформированную представителями политической и финансово-промышленной элиты (преимущественно московской)» (Закс, 2002, с. 70), которую сложно назвать парламентским учреждением.

Нарушение принципа представительства нередко приводит к подмене парламентаризма, в результате чего в массовом сознании создается устойчивый негативный стереотип о парламентаризме со всеми институтами и практиками, которые связаны с ним. В том виде, в каком сегодня существует верхняя палата парламента, она будет работать на дальнейшее снижение своего политического веса, потерю легитимности, ослабление влияния регионов на общедофедеральные процессы, что в конечном итоге приведет к еще большему дисбалансу в федеративных отношениях. Совет Федерации, стремящийся к сохранению своего достаточно комфортного положения, во избежание коллизий во взаимоотношениях с исполнительной властью в недостаточной степени реализует свое конституционное право на нормотворчество, что в результате превращает его в комитет, орган, канцелярию по одобрению законопроектов, принятых Государственной Думой, контролируемой исполнительной властью.

В качестве положительного примера можно привести опыт верхней палаты германского парламента – Бундесрата. Как известно, в Германии подавляющее большинство законопроектов исходит от федерального правительства. Согласно парламентской процедуре, законопроект, прежде чем он попадет в Бундестаг, сначала подлежит предварительному рассмотрению в Бундесрате, только после этого он попадает в нижнюю палату парламента. Таким образом, Бундесрат получает законопроект дважды: до рассмотрения Бундестагом и после его при-

нения для окончательного утверждения. Такая практика позволяет Бундесрату быть активным участником законодательного процесса.

Подобную практику можно было бы распространить и на Совет Федерации. Считаем, что «такая мера приведет к укреплению авторитета Совета Федерации, повышению его влияния на политические процессы в стране, превращению его из статиста в активного участника законотворческой деятельности и к укреплению позиций и влияния регионов на федеральном уровне» (Керимов, 2018, с. 111).

Предложение распространить германскую практику на деятельность верхней палаты российского парламента, конечно, противоречит положениям Конституции РФ, которые могут быть пересмотрены, но наделение верхней палаты правом корректировки действующего законодательства представляется более чем реальным. Данное предложение на фоне несовершенства российского законодательства не кажется необоснованным. Действительно, взаимоотношения и взаимодействие между палатами должны быть построены на принципах невмешательства в компетенции друг друга, избегания дублирования и ненужной конкуренции. С другой стороны, эффективность функционирования палат может быть достигнута путем составления согласованного плана законопроектных работ, предварительного обсуждения законопроектов на совместных заседаниях профильных комитетов, что, в конечном счете, приведет в целом к повышению эффективности законотворческой деятельности и качества принимаемых законов.

Список литературы

1. Баранова, Н.П., Романов, Р.М. (2009). *Парламентаризм в России: история и современность*. М.: Современная экономика и право.
2. *Глобальный парламентский отчет: Изменяющийся характер парламентского представительства*. (2012). Ташкент: Vaktria press.
3. Грибанова, Г.И. (2007). Федерализм и демократия в современной России. В *Демократия и федерализм в России* (с. 193–203). М.: РАПН; РОССПЭН.
4. Закс, В.А. (2002). Российский парламент как орган сословного представительства: О нарушении принципа демократии при формировании Совета Федерации: критический обзор законодательства. *Свободная мысль – XXI*, 4, 69–71.
5. Керимов, А.А. (2015). *Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России*. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та.
6. Керимов, А.А. (2018). *Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы*. [Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Екатеринбург.
7. *Конституция Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями*. (2016). Екатеринбург: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».
8. *Нужен ли Совет Федерации?* (2019, 30 августа). Взято с <http://www.newkalininingrad.ru/news/politics/9406>
9. Тлумач, М.В. (2010). Совет Федерации Федерального Собрания РФ:

к проблеме порядка формирования. *Известия ИГЭА*, 5(73), 155–158.

10. *Federalist. Politicheskie esse A. Gamil'tona, Dzh. Mjedisona i Dzh. Džeя.* (1994). М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера».

11. Ясин, Е.Г. (2012). *Приживется ли демократия в России*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение.

References

1. Baranova, N.P., & Romanov, R.M. (2009). *Parlamentarizm v Rossii: istorija i sovremennost* [Parliamentarism in Russia: history and modernity]. Moscow: Modern economy and law.

2. *Federalist. Politicheskie e'sse A. Gamil'tona, Dzh. Mjedisona i Dzh. Džeя.* (1994). [Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison, and J. Jay's.]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Litera».

3. *Global'nyj parlamentskij otchet: Izmenjajushhijshja harakter parlamentskogo predstavitel'stva* [Global parliamentary report: The changing nature of parliamentary representation]. (2012). Tashkent: Baktria press.

4. Gribanova, G.I. (2007). Federalizm i demokratiya v sovremennoj Rossii. In *Demokratiya i federalizm v Rossii* (pp. 193–203). М.: RAPN; ROSSPE'N.

5. Ясин, Е.Г. (2012). *Приживется ли демократия в России* [Whether democracy will take root in Russia]. Moscow: Liberal mission Foundation; New literary review.

6. Kerimov, A. A. (2015). *Parlamentarizm kak factor legitimnosti politicheskoy vlasti v sovremennoj Rossii* [Parliamentarism as a factor of legitimacy of political power in modern Russia]. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University.

7. Kerimov, A. A. (2018). *Institut parlamentarizma v legitimacii politicheskoy vlasti v sovremennoj Rossii: aktory, strategii, resursy* [Institute of parliamentarism in the legitimation of political power in modern Russia: actors, strategies, resources] [Doctoral dissertation, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin]. Ekaterinburg.

8. *Konstitucija Rossijskoj Federacii: tekst s izmenenijami i dopolnenijami* [The Constitution of the Russian Federation: text with amendments and additions]. (2016). Ekaterinburg: B. N. Yeltsin Presidential center Foundation.

9. *Nuzhen li Sovet Federacii?* [Does anyone need a Federation Council?]. (2019). Retrieved August 30, 2019, from <http://www.newkalininingrad.ru/news/politics/9406>

10. Tlumach, M. V. (2010). *Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija RF: k probleme porjadka formirovaniya* [Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: on the problem of formation procedure]. *Izvestiya IGE'A*, 5(73), 155–158.

11. Zaks, V. A. (2002). *Rossijskij parlament kak organ soslovnogo predstavitel'stva: O narushenii principa demokratii pri formirovanii Soveta Federacii: kriticheskij obzor zakonodatel'stva* [The Russian Parliament as a body of estate representation: On the violation of the principle of democracy in the formation of the Federation Council: a critical review of legislation]. *Svobodnaja mysl – XXI*, 4, 69–71.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СССР В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939 – ИЮНЬ 1941 ГГ.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ



Фельдман Михаил Аркадьевич,

Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
доктор исторических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-9825-6650,
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2020, принята к публикации 23.03.2020

Для цитирования: Фельдман М.А. Централизация и децентрализация управления в экономике СССР в предвоенный период (1939 – июнь 1941 гг.): проблемы истории и историографии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 87-101. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10107

Аннотация

Изучение реального соотношения централизации и децентрализации в советской экономике представляет не только чисто исторический интерес. Проблема роли и масштаба присутствия государства в экономической жизни современной России не утратила своей актуальности. Сочетание административно-командных методов и экономических регуляторов, горизонтальных и вертикальных связей между советскими регионами, учреждениями, предприятиями; выяснение роли нелегальных механизмов перераспределения ресурсов и наполнения рынка остаются в числе важнейших направлений исторических исследований.

В предлагаемой статье впервые в исторической литературе выявлены существенные различия во взглядах исследователей на характер и сущность советской системы управления, в том числе в предвоенные и военные годы. На основе метода

© Фельдман М.А., 2020



сравнительного анализа сделан вывод о недостоверности оценки управленческого механизма, как абсолютно централизованного, основанного на безмерной концентрации власти в центре и авторитарного стиля руководства. Исследование осуществлено в рамках мобилизационной модели власти и социально-экономического устройства, утвердившейся в СССР в 1920–1950-е гг.

Подтвержден вывод о том, что плановые задания наркоматам, точно так же, как задания всем другим агентам советской экономики, могли изменяться даже в процессе их выполнения. Эти изменения носили как добровольный, так и вынужденный характер, были как легальными, так и нелегальными. Задания наркоматам могли быть скорректированы в результате изменений намерений и приоритетов правительства.

Отмечено, что в результате практика контроля дополнительно санкционировала нарушения правил и «теневую» экономику. В промышленности вознаграждались управленцы, отличавшиеся готовностью к риску и находчивостью в обращении с государственными предписаниями. Руководители, не умевшие выполнять план с помощью незаконных средств, напротив, устранились. Практически все споры хозяйственников различных уровней обычно разрешались неформальными способами, хотя в распоряжении имелись также административные и судебные средства. Аналогичное суждение можно вынести и при оценке характера связей горизонтального уровня по линии партийных органов предприятия; формальные связи между хозяйственными наркоматами, местными органами власти и производственными организациями фактически отсутствовали.

Ключевые слова:

централизация, децентрализация, командно-административные методы, экономика, формальные и неформальные.

UDC 93-94

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10107

CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION OF MANAGEMENT IN THE ECONOMY OF THE USSR IN THE PREWAR PERIOD (1939 – JUNE 1941): PROBLEMS OF HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Feldman Mikhail Arkadievich,

Ural Institute Of Management,
Branch Of RANEP,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-9825-6650,
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Article received on February 20, 2020, accepted on March 23, 2020

To cite this article: Feldman, M.A. (2020). Centralizaciya i decentralizacii upravleniya v ekonomike SSSR v predvoennyj period (1939 – iyun' 1941 gg.): problemy istorii i istoriografii [Centralization and decentralization of management in the economy of the USSR in the prewar period (1939 – June 1941): problems of history and historiography]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 87–101. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10107

Abstract

The study of the real relationship between centralization and decentralization in the Soviet economy is not only of historical interest. The problem of the role and scope of the state's presence in the economic life of modern Russia has not lost its relevance. The combination of administrative and command methods and economic regulators, horizontal and vertical links between Soviet regions, institutions, and enterprises, and the role of illegal mechanisms for redistributing resources and filling the market remain among the most important areas of historical research.

For the first time in the historical literature, this article reveals significant differences in researchers' views on the nature and essence of the Soviet system of government, including in the pre-war and war years. Based on the method of comparative analysis, the conclusion is made that the assessment of the management mechanism as absolutely centralized, based on an immense concentration of power in the center and an authoritarian style of leadership is unreliable. The study was carried out in the framework of the mobilization model of power and socio-economic structure, established in the USSR in the 1920s and 1950s.

The conclusion is confirmed that the planned tasks of the people's Commissariat, just like all other agents of the Soviet economy, could change even in the course of their implementation. These changes were both voluntary and forced, and were both legal and illegal. Tasks for people's Commissars could be adjusted as a result of changes in the government's intentions and priorities.

It is noted that as a result, the control practice additionally sanctioned violations of the rules and the "shadow" economy. In industry, managers who were risk-averse and resourceful in handling government regulations were rewarded. Managers who could not execute the plan using illegal means, on the contrary, were eliminated. Almost all disputes between business owners at various levels were usually resolved in informal ways, although administrative and judicial means were also available. A similar judgment can be made when assessing the nature of horizontal relations between party bodies and enterprises; there were virtually no formal links between economic commissariats, local authorities, and production organizations.

Keywords:

centralization, decentralization, command and administrative methods, economy, formal and informal.

Введение

Изучение практик планового управления, сочетания административно-командных методов и экономических регуляторов, горизонтальных и вертикальных связей между советскими регионами, учреждениями, предприятиями; выяснение роли нелегальных механизмов перераспределения ресурсов и наполнения рынка; подлинная история социальных лифтов в СССР остаются в числе актуальных направлений исторических исследований.

Историография проблемы

У современных исследователей советского периода присутствуют существенные различия во взглядах на характер и сущность советской системы управления, в том числе в предвоенные и военные годы. Как обоснованно указывает А.Ю. Ермилов, некоторые историки склонны видеть в советской системе только «жесткую вертикаль власти с четким исполнением идущих сверху приказов» (Ермолов, 2014, с. 390). Показателен пример монографии В.В. Черепанова, посвященной советской системе управления в 1941–1945 гг., где формулируются следующие особенности функционирования механизма государственного управления военной поры: «централизация управления и усиление общесоюзного начала в системе власти, безмерная концентрация власти в центре, ужесточение административно-командных методов и авторитарного стиля руководства» (Черепанов, 2006, с. 491).

Однако спустя почти тридцать лет после распада СССР такой взгляд в определенной мере может рассматриваться как продолжение исторической традиции советской эпохи, для которой было характерно всяческое подчеркивание огромной роли партийного руководства, часто без конкретных указаний на персоналии и должности (Ермолов, 2014, с. 391), основанное на одномерном (как правило, на основе учета только выборочного круга количественных индикаторов) видении объекта исследования.

Очевидно, что история не знает сослагательного наклонения, но историк, изучающий этот процесс, обязан знать все возможные варианты развития, если только он не следует методу простой фиксации случившегося. Отмечу, что изучение возможных вариантов развития не принадлежало к сильным сторонам исторической науки в СССР, по крайней мере с конца 1920-х г.

Между тем любое оценочное суждение невозможно вне сравнений, сравнительного анализа, а, следовательно, вне моделирования вариантов развития тех или иных событий. Однако выработала ли современная отечественная историческая наука инструменты исследования вариантности в советскую эпоху, прежде всего в 1930-е гг. – период наиболее полярных оценок историков? Следует согласиться с мнением О.В. Хлевнюка: ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным, поскольку весьма поверхностно изучаются переломные этапы развития советской истории, когда изменения в экономике и в обществе могли пойти по самым различным путям (Хлевнюк, 2017, с. 76).

Например, вопрос о возможности развития советского общества на основе «новой экономической политики» в исторической литературе первых десятилетий XXI века приобрел преимущественно отрицательный ответ: по мнению

многих авторов альтернативы «сталинской модернизации», связанной с сверхцентрализацией управления, в СССР в конце 1920-х гг. не существовало. (Есиков, 2010).

Действительно, мобилизационная модель власти и социально-экономического устройства, утвердившаяся в СССР в 1930-е гг., в работах последнего десятилетия предстает как централизованная структура, главными опорами которой были значительный партийно-государственный аппарат, террор и мощное идеологическое влияние. Однако было бы ошибочным полагать, подчеркивает О.В. Хлевнюк, наиболее глубокий знаток архивных материалов указанного периода, автор монографий, ставших классикой жанра (см. Хлевнюк, 1996, 2010, 2015), что уровень централизации был одинаковым во всех сферах политического и социально-экономического развития на протяжении советской истории до 1953 г. (Хлевнюк, 2017, с. 75).

Следует помнить, что в годы НЭПа советское руководство понимало необходимость сочетания централизации и децентрализации. Например, представители партийной и советской элиты Уральской области неоднократно цитировали слова А.Н. Рыкова, на XII съезде правящей партии в мае 1923 г. (на тот момент, в условиях длительной болезни Ленина, А.Н. Рыков был фактическим руководителем правительства СССР – Совета Народных Комиссаров): «управлять огромной страной на основе бюрократического централизма невозможно. Нам нужны мощные областные центры с правами, далеко превышающими права и полномочия бывших губисполкомов» (Фельдман, 2016, с. 31).

Самостоятельность и новаторство отличали и подготовленный многочисленным коллективом авторов «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)», рассматриваемый и как первый этап краевого планирования, и как база для «монографической проработки ряда основных проблем». Можно выделить два отступления от безусловного выполнения директивы центра: Генеральный план хозяйства Урала охватывал период не на одно пятилетие, а на три пятилетки. Кроме того, Уральский Генеральный план был опубликован до окончательного рассмотрения утверждения его центром, правда, под прикрытием неоднократных оговорок о *предварительном характере* текста документа (Фельдман, 2017).

Необходимость элементов самостоятельного управления регионов постоянно подчеркивали предвоенные пятилетние планы, прежде всего Первый пятилетний план (Проблемы реконструкции народного хозяйства ..., 1929). Конечно, реализация подобных планов и постановлений преломлялась созданием командно-административной системы.

Степень централизации управления экономикой в предвоенные годы: декларация и реальность

В силу сохранения множества факторов товарно-денежных отношений, уровня квалификации работников, противоречий регионального и отраслевого характера, гражданского и военного производства, запросов потребителей и возможностей производителей более низкий уровень централизации был характерен для управления экономикой.

В отрыве от финансового, материального, кадрового обеспечения планы форсированного наращивания производства промышленной и сельскохозяйственной продукции в отрасли или в регионе трудно было осуществить даже по решению Политбюро ЦК ВКП(б). Например, вопреки всем планам сдвига промышленности на Восток, к июню 1941 г. в Московской и Ленинградской областях располагались *до половины предприятий союзной военной промышленности*, традиционно, обладавших передовыми технологиями (Симонов, 1996, с. 98). Следствием такой ситуации, оборотной стороной концентрации капиталовложений, ведущих ученых, конструкторов, наиболее опытных инженеров и массива квалифицированных рабочих в двух столицах стал срыв задания руководства партии и правительства (принятого летом 1940 г.), нацеленного на серийное производство танков KB на Челябинском тракторном заводе вплоть до прибытия из Ленинграда коллектива Кировского завода в октябре 1941 г. (Самуэльсон, 2010, с. 177, 190).

В литературе советской эпохи настойчиво прослеживалась мысль о существовании плановой экономики, предполагавшей гармоничное распределение ресурсов и установление кооперативных связей между предприятиями из единого центра. В реальности, как об этом свидетельствуют архивные источники о переписке руководителей предприятий, материалы судебных органов, мемуарная литература, на самом деле действовали квазирыночные взаимосвязи, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения (Хлевнюк, 2017, с. 75). Как в 1930-е гг. (Осокина, 2008), так и в годы войны (Федеров, 2016) большое значение имели неформальные связи.

Массовая поддержка режима обеспечивалась не только при помощи репрессий и уголовно-административных мер воздействия. «Чистки» и дискриминация дополнялись действием «социальных лифтов», периодическими попытками относительного смягчения репрессий и восстановления в правах части «чуждых» слоев населения, поворотом идеологических канонов к некоторым традиционным историческим ценностям (Хлевнюк, 2017).

Представления о том, что централизация, доведённая до значительных пределов, способна сама по себе гарантировать действенность военной экономики, не подтверждается конкретно-историческими исследованиями, подталкивая историков вновь ставить вопрос о взаимодействии централизации и децентрализации как необходимом условии успешной мобилизации.

В общем виде такая модель балансов может быть представлена следующим образом. Повышение централизации сверх определённого уровня вело к управленческому ступору, поскольку детальные согласования действий многочисленных агентов системы в оптимальные сроки были невозможны. Легальная и нелегальная децентрализация управления в экономике, напротив, позволяла оперативно маневрировать ресурсами в условиях ежедневно менявшейся обстановки (Хлевнюк, 2018, с. 59).

Ведомственные и региональные интересы постоянно вступали в конфронтацию с усиленным тенденций к сверхцентрализации. В результате в пограничных межведомственных и межрегиональных зонах нарастало напряжение, вызывая потребность в возникновении новых форм децентрализации, стимулирующих гибкость управления.

По мысли немецкого историка-советолога Ш. Мерля, развитие децентрализации, несомненно, стимулировалось негативными эффектами централизации, породившей многочисленные бюрократические препоны (Мерль, 2017, с. 307). Если к этому добавить, что волонтаристские решения, соединенные с жестким централизмом, приводили к кризисным ситуациям в экономике, очевидно, что советское руководство постоянно нуждалось в антикризисных решениях. Все попытки формировать экономику в соответствии с коммунистической доктриной на практике терпели столь серьезные поражения, что вызывали угрожавшие власти кризисы, преодолеть которые можно было лишь отказавшись от идеологических принципов и обратившись к прагматическим подходам.

Мерль ссылается на позицию, высказанную видным исследователем советской экономики английским историком Д. Р. Дэвисом, обратившим внимание на то, что драматический опыт кризисных событий в годы первой пятилетки вызвал определенную «деидеологизацию» экономической политики, подтолкнув советское руководство к более прагматическому пониманию принципов функционирования. Задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала управленческое поведение, в сущности, противоречившее ей. Например, предприятия в случае выполнения плана могли рассчитывать на «снихождение» в случае выпуска некачественной продукции (Мерль, 2017, с. 314).

Что же касается приведенной Мерлем мысли Дэвиса о том, что примерно с 1932 г. командная экономика начала сливаться с «теневой» (Мерль, 2017, с. 314), перед нами только частный случай, сегмент широчайшего пространства действия неформальной рыночной экономики. За стенами Кремля проходила та жизнь, которая явно не укладывалась в догмы марксистской теории. Внедрение сверху, принудительно, командной экономики уродовало рынок, но не могло истребить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он выполнял важнейшие социально-экономические функции, не только паразитируя на плановом государственном хозяйстве, но и помогая плановой экономике выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы (Осокина, 2008, с. 13).

Исследование Ш. Мерля выделяет и систематизирует «директорские стратегии управления», варианты поведения представителей директорского корпуса и способы приспособления к зачастую нереальным планам, поступающим сверху. *Директорские стратегии управления* были весьма различны: манипулирование докладывавшейся «наверх» информацией, чтобы получить «выполнимые плановые задания»; накопление предприятием необходимых ресурсов без передачи информации об этом «наверх» как реакция на несвоевременные поставки необходимых для производства материалов и комплектующих; использование «черного» рынка, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», получая часть товаров «в обмен» или после специального заказа на их изготовление; манипулирование суммарными данными о выполнении. Однако их объединяло одно: *все они находились в противоречии с официальным описанием системы*, являясь однозначным нарушением правил, ведущим к наказанию (Мерль, 2017, с. 316–317).

В результате практика контроля дополнительно санкционировала нарушения правил и «теневую» экономику. В промышленности вознаграждались

управленцы, отличавшиеся готовностью к риску и находчивостью в обращении с государственными предписаниями. Руководители, не умевшие выполнять план с помощью незаконных средств, напротив, устранились. Этот, без сомнения, жестокий «отбор лучших» во многом объясняет экономический успех, достигнутый СССР (Мерль, 2017, с. 318).

А.В. Маркевич, изучивший протоколы коллегий наркомата тяжелой промышленности за 1930–1939 гг., пришел, на первый взгляд, к парадоксальному выводу. Из протоколов коллегий наркоматов следовало, что коллегии не утверждали и даже не рассматривали «общие» годовые планы наркоматов. Процесс годового планирования в коллегии наркомата заканчивался одобрением плановых заданий главкам. Максимум, что рассматривала коллегия, это итоговые варианты годовых планов наркомата по труду и себестоимости, финпланы, планы распределения.

Работа по согласованию плановых заданий главкам по производству полностью *перепоручалась функциональным подразделениям наркомата*, и прежде всего плановому сектору. Последний на основании указаний, полученных от коллегии, должен был готовить новый вариант общих «годовых контрольных цифр» наркомата. Из-за отсутствия времени эти изменения вносились плановым сектором наркомата самостоятельно и не проходили обсуждение коллегии (Маркевич, 2004).

Таким образом, по утверждению А.В. Маркевича, в 1930-е гг. «общие» наркоматовские планы не только официально не утверждались, но и в процессе выполнения постоянно корректировались. Отсутствие официально утвержденных планов облегчало внесение в них коррективов. Новые варианты планов в большинстве случаев также не утверждались официально. Отсутствие утвержденных «общих» наркоматовских планов только облегчало достижение этих целей (Маркевич, 2004, с. 39, 41, 42). Как видно, внешняя парадоксальность вывода Маркевича о стремительной переменчивости утверждаемых и неутверждаемых планов хорошо вписывается в определение «управляемая экономика», и достаточно далека от категории «плановая».

Американский специалист по досоветской и советской России П. Грегори и британский историк М. Харрисон полагают, что подобная ситуация экономической жизни в СССР, как видимая (строго централизованная), так и закулисная (квазирыночная, теневая), вполне устраивала всех субъектов, участвовавших в производстве, включая властные структуры. Плановики не могли эффективным образом конкретизировать планы и, вместо того чтобы брать на себя ответственность за конкретизацию и привлечение субподрядчиков, предпочитали лгать на уровне хозяйственных ведомств и ниже.

Хозяйственным ведомствам также импонировала эта ситуация, поскольку они имели возможность свободно решать, как лучше достичь намеченных плановых показателей, выраженных в рублях. В этот момент процесс распределения в административно-командной экономике по форме начинал напоминать рыночные отношения (Грегори, Харрисон, 2014, с. 296).

Поддержав высказанную выше позицию, не могу не отметить, что приближение войны заставило советское руководство более жестко предъявлять требования к качеству выпускаемой оборонной продукции (Мельников, 2017, с. 61, 64). Были повышены требования к точности и строгому выполнению

норм технологического процесса и чертежей. Началось массовое применение на заводах современных контрольно-измерительных приборов, расширено число измерительных приборов, были сделаны первые шаги по автоматизации станков (Шахурин, 1984, с. 81–84).

Но в чем бесспорно правы П. Грегори и М. Харрисон споры хозяйственников различных уровней обычно разрешались неформальными способами, хотя в распоряжении имелись также административные и судебные средства. Аналогичное суждение можно вынести и при оценке характера связей горизонтального уровня по линии партийных органов предприятия; формальные связи между хозяйственными наркоматами, местными органами власти и производственными организациями фактически отсутствовали, несмотря на то что горизонтальное взаимодействие во всех экономиках является основой специализации и обмена.

Единственным выходом могло стать развитие несанкционированных горизонтальных связей, способных уменьшить риски постоянно возрастающих заданий и частых ошибок планирования (Грегори, Харрисон, 2014, с. 261).

П. Грегори и М. Харрисон подчеркивают: считалось нормой экономической жизни всего советского периода получение предприятием в середине планового периода меняющихся заданий по объему и ассортименту выпускаемой продукции, а качественные индикаторы (показатели себестоимости, производительности труда и т.п.) устанавливались задним числом при составлении отчетности (Грегори, Харрисон, 2014, с. 264).

Мысль о преобладании *хаотичности* в реальном планировании, имеющей пагубные последствия для экономики, действительно прослеживается сквозь все исследование П. Грегори и М. Харрисона. Но авторы вместе с тем отмечают: «не все решения, принятые на высшем уровне, были неэффективными и нерациональными. Если бы это было так, экономика едва ли смогла бы вырасти, пережить натиск Германии во время Второй мировой войны и создать современную ядерную и аэрокосмическую промышленность. По ряду аспектов процесс принятия экономических решений при Сталине шел лучше, чем предсказывали те, кто считал социалистическое планирование нежизнеспособным» (Грегори, Харрисон, 2014, с. 305).

В этой связи критика публикации П. Грегори и М. Харрисона как *заведомо идеологизированной* (Шалак, 2015) выглядит необоснованной. Указанные авторы обвиняются в представлении директивной экономики как «однозначно деструктивной и губительной». «Невозможно найти ни одного позитивного момента в их изложении», – восклицает иркутский историк А. В. Шалак (Шалак, 2015, с. 798).

Однако куда более неубедительно выглядит тезис самого критика об «отношении Сталина к процессу планирования... как к процессу творческому, живому, корректируемому по ходу его выполнения...», в рамках которого «центральные органы власти постоянно поддерживали контакты с местными и вникали во многие детали, поправляли и отработывали в ходе реализации различные подходы, искали и находили прорывные решения, поощряли думающих и подстегивали нерадивых, анализировали допущенные ошибки» (Шалак, 2015, с. 799). С учетом того, что в 1936–1938 гг. в ходе массовых репрессий против номенклатурных кадров произошла замена примерно половины хозяйственных руководителей,

входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б) – от наркомов до руководителей крупных предприятий (Хлевнюк, 2018, с. 60) (выделено мною – М. Ф.), приведенный выше пассаж Шалака выглядит голосом из прошедшей эпохи.

Уничтожение в 1936–1938 гг. значительной части специалистов вызвало, по мнению подавляющего большинства специалистов, серьёзные экономические трудности. Многие новые работники не справлялись со своими обязанностями, так как не обладали необходимыми знаниями и опытом. Это вызывало дальнейшее перемещение кадров.

Однако внешнеполитический фактор – Мюнхенский сговор в октябре 1938 г. – стал серьёзным предупреждением Сталину о грядущей агрессии против СССР. В силу этого диктатор вынужден был принимать более рациональные решения, не меняющие, впрочем, тоталитарного характера политического режима. Наши исследования (Постников, Фельдман, 2008) подтверждают, что взаимодействие централизации и децентрализации прослеживается и в предвоенный период.

Шаги по усилению централизации хорошо известны – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., удлинивший рабочий день и рабочую неделю, вводивший уголовные наказания за опоздания и самовольный уход с предприятий. По Указу от 26 июня до начала войны, т.е. всего за год, были осуждены более трех миллионов человек, из которых 480 тыс. попали в тюрьму (Хлевнюк, 2015, с. 256).

Вместе с тем характерный для 1939–1941 гг. высокий уровень стабильности в руководстве наркоматов обеспечивал относительную безопасность директорам предприятий. Хотя в целом кадровая ротация на уровне предприятий была заметной, в том числе в связи с невыполнением производственных планов, она не имела характера сплошных чисток. Директорский корпус, представленный, как правило, молодыми выдвиженцами, получил в рамках правительственного задания определенную самостоятельность (Богуненко, 2005, с. 52–57).

Все попытки наведения порядка на производстве в предвоенный период были связаны со стремлением упорядочения технологической дисциплины. В наиболее «чистом виде» это происходило в авиационной промышленности, где проведенное детальное сравнение с германскими аналогичными предприятиями привело к осознанию Сталиным и его окружением глубины отставания по всему спектру конструирования и производственных работ (Мухин, 2006, с. 291–299). Определенное расширение прав (и ответственности!) руководства Наркомата авиапромышленности (Шахурин, 1984, с. 79–89) позволяло оперативно решать вопросы перемещения персонала и оплаты труда. По наблюдению историка авиации М. Ю. Мухина, чем более восточнее находился авиазавод, тем активнее наркомат мог регулировать вопросы закрепления кадров (Мухин, 2006, с. 239, 241).

Подобное, весьма ограниченное, расширение прав наркоматов на основании директив высших органов власти было попыткой централизованного регулирования децентрализации. основополагающие принципы административно-плановой системы предполагали, что все нарушения её правил должны быть прописаны и ограничены чёткими рамками. Вместе с тем следование этому принципу на практике оказалось проблематичным.

Бюрократический стиль руководства в лихорадочной, и даже авральной обстановке последних предвоенных месяцев (Соколов, 2012, с. 459) превращался в помеху реализации принятых решений. Так, в справке комиссии Г.М. Маленкова на имя Сталина (январь 1940 г.) *бюрократический стиль* руководства Наркомата авиапромышленности в 1938–1939 гг., базирующийся на «внешних эффектах и количественных показателях», назывался недопустимым, «основанным на штурмовщине и погоней за количеством в ущерб качеству» (Соколов, 2012, с. 456, 457). Однако, как показывают современные исследования (Соколов, 2012, с. 459, 485), штурмовщиной и непоследовательностью отличались действия и высшего советского руководства в 1940 – июне 1941 гг.

Сама же бюрократическая логика действий аппарата управления, как правило, вела к превращению разрешённых эпизодических отступлений от инструкций в постоянно действующие. Выход за санкционированные границы децентрализации, самовольное превращение временных и ситуативных разрешений в постоянные диктовались потребностями преодоления многочисленных проблем и узких мест, которые возникали в предвоенный период практически каждый день.

Наиболее частые случаи таких нарушений касались самостоятельной корректировки объёмов и сроков выполнения заданий и планов, установленных правительством. Широко применялась несанкционированная переброска материальных ресурсов и рабочей силы. В ряде случаев наркоматы и предприятия стремились установить прямые хозяйственные связи с контрагентами, минуя сложную систему планового регулирования таких обменов (Мухин, 2006, с. 217–226).

Третий пятилетний план подразделял территорию РСФСР на девять экономических районов. Среди них особое место (в связи с удаленностью от западных границ) занимал район Урала и Западной Сибири.

Координация действий в экономической сфере областей, трестов и предприятий во многом ложилась на партийные органы – обкомы ВКП(б). Например, летом 1940 г. секретарям обкомов ВКП(б) постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была вменена обязанность «взять под личное наблюдение выполнение заказов Наркомата авиапромышленности» (Соколов, 2012, с. 458). Деятельность секретарей горкомов и обкомов партии оценивалась во многом по тому, вспоминает нарком авиапромышленности А.И. Шахурин, «насколько они хорошо помогали авиационной промышленности» (Шахурин, 1984, с. 79).

Обкомы ВКП(б) Урала в предвоенный период активно занимались обеспечением оборонных предприятий кадрами, жильем, недостающим оборудованием, перераспределяли ресурсы для обеспечения выпуска военной продукции, нередко изменяя рамки ранее принятых программ.

Выводы

Регулярное принятие подобных ограничивающих директив свидетельствовало как о стремлении Сталина и его окружения держать под контролем процесс децентрализации, так и о том, что самостоятельные действия наркоматов, обкомов и предприятий в предвоенный период получили достаточно широкое

распространение. Корректируя централизацию, партийные структуры и наркоматы, с одной стороны, опирались на разрешающие решения высших органов власти, с другой – сами, действуя автономно, расширяли рамки дозволенного.

Практика жесточайших наказаний за малейшее нарушение ограничивала пределы самостоятельности, сдерживая инициативу и скорость выполнения государственных заданий. Необходимость выполнения сложнейших производственных заданий оборонного характера в условиях приближения войны сдерживала размах и суровость самого наказания за отклонения от безусловного выполнения поручений Центра (Шахурин, 1984, с. 89). Сталинская управленческая система и ее руководитель в последние предвоенные месяцы натолкнулись на барьеры объективного характера.

Судьба режима теперь напрямую зависела от качества и быстроты действий «полководцев экономики» – хозяйственников различных уровней, и, осознавая такую зависимость, Сталин мог в первые месяцы 1941 г. ошеломить собранных на совещание наркомов словами о том, что он извлекает «определенную пользу от встреч с молодым наркомом авиапромышленности А.И. Шахуриным (Шахурин, 1984, с. 92). Уже приближение войны позволило куда более четко увидеть пределы «абсолютной» диктатуры.

Расправа с «молодым наркомом» произойдет уже после войны: самостоятельность в тоталитарном обществе рано или поздно наказуема. Труднее было расправиться с децентрализацией: объективная реальность трудно наказуема, даже для лиц с неограниченной властью.

Дальнейшее изучение указанной проблемы возможно на основе изучения документов более широкого круга отраслевых наркоматов, прежде всего в период первого полугодия 1941 г. Практически неизученным является процесс подготовки и проведения Восемнадцатой всесоюзной партийной конференции в феврале 1941 г., давшей критическую оценку состоянию экономики СССР.

Список литературы

1. Богуненко, Н.Н. (2005). *Б. Музруков*. М.: Молодая гвардия.
2. Грегори, П., Харрисон, М. (2014). Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи. *Экономическая история. Ежегодник* (с. 351–330).
3. Ермолов, А.Ю. (2014). За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств на конверсию и реконверсию в СССР в середине 1940-х гг. *Экономическая история. Ежегодник* (с. 390–402).
4. Есиков, С.А. (2010). *Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья)*. М.: РОССПЭН.
5. Маркевич, А.В. (2004). Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. *Экономическая история: Ежегодник. 2003* (с. 20–54).
6. Мельников, Н.Н. (2017). *Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны*. Екатеринбург: Сократ.

7. Мерль, Ш. (2017). Советская экономика: современные оценки. *Экономическая история. Ежегодник* (с. 303–349).
8. Мухин, М.Ю. (2006). *Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг.* М.: Наука.
9. Осокина, Е.А. (2008). *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941* (2-изд. доп.). М.: РОССПЭН.
10. Постников, С.П., Фельдман, М.А. (2008). *Социокультурный облик рабочих России и СССР. 1900–1941 гг.* М.: РОССПЭН.
11. *Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов).* (1929). М.: Плановое хозяйство.
12. Самуэльсон, Л. (2010). *Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953.* М.: РОССПЭН.
13. Симонов, Н.С. (1996). *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление.* М.: РОССПЭН.
14. Соколов, А.К. (2012). *От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг.* М.: Новый хронограф.
15. Федоров, А.Н. (2016). «Танковый король» и «опальный генерал»: рождение легенды об Исааке Зальцмане. *Новейшая история России*, 1(15), 109–133.
16. Фельдман, М.А. (2016). Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. *Вопросы истории*, 12, 29–40.
17. Фельдман, М.А. (2017). Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.: между мифом и реальностью. *Международная научная конференция «Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований». 8–10 сентября 2017* (с. 154–171). Екатеринбург, Изд-во УРФУ.
18. Хлевнюк, О.В. (1996). *Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы.* М.: РОССПЭН.
19. Хлевнюк, О.В. (2010). *Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры.* М.: РОССПЭН.
20. Хлевнюк, О.В. (2015). *Сталин. Жизнь одного вождя.* М.: АСТ.
21. Хлевнюк, О.В. (2017). Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы. *Уральский исторический вестник*, 56(3), 71–80.
22. Хлевнюк, О.В. (2018). Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны. *Российская история*, 4, 58–72.
23. Черепанов, В.В. (2006). *Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне.* М.: Известия.
24. Шалак, А.В. (2015). Идеология вместо фактов, или Как интерпретируют нашу экономическую историю. *Историко-экономические исследования*, 16(4), 791–809. Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та. doi: 10.17150/2308-2588.2015.16(4).791-809

25. Шахурин, А.И. (1984). *Крылья победы*. М.: Политиздат.

References

1. Bogunenko, N.N. (2005). *B. Muzrukov*. Moscow: Molodaya gvardiya.
2. Cherepanov, V. V. (2006) *Vlast i voina: Stalinskii mekhanizm gosudarstvennogo upravleniia v Velikoi Otechestvennoi voine* [Power and war: Stalin's mechanism of state administration in the Great Patriotic War]. Moscow: Izvestia.
3. Ermolov, A. Yu. (2014). *Za fasadom sverhcentralizacii: vliyanie bor'by vedomstv na konversiyu i rekonversiyu v SSSR v seredine 1940-h gg.* [Behind the facade of over-centralization: the impact of departmental struggles on conversion and reconversion in the USSR in the mid-1940s.]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* (pp. 390–402).
4. Esikov, S. A. (2010). *Rossijskaya derevnya v gody ne'pa: K voprosu ob al'ternativnosti stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ya)*. [Russian village in the years of NEP: to the question of alternatives to Stalin's collectivization (based on the materials of the Central black earth region)]. Moscow: ROSSPEN.
5. Fedorov, A.N. "Tankovyj korol'" i "opal'nyj general": rozhdenie legendy ob Isaake Zal'cmane [The "tank king" and the "disgraced general": the birth of the legend of Isaac Saltzman]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 1(15), 109–133.
6. Feldman, M.A. (2016). *Vospriyatie ne'pa regional'noj elitoy v konce 1923 g.* [The perception of NEP by the regional elite at the end of 1923], *Voprosy istorii*, 12, 29–40.
7. Feldman, M.A. (2017). *Generalnyi plan razvitiia Uralskoj oblasti na 1926–1941 gg mezhdu mifom i realnostiu* [The General plan of development of the Ural region: for 1926–1941: between myth and reality]. *International scientific conference "Era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations". 8–10 September 2017* (pp. 154–171). Ekaterinburg, Publishing house of the Ural Federal University.
8. Gregory, P., & Harrison, M. (2014). *Raspredelenie v usloviyah diktatury: issledovanie na baze arhivnogo materiala stalinskoj epohi* [Distribution under dictatorship: a study based on archival material of the Stalin era]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* (pp. 351–330).
9. Khlevnyuk, O.V. (1996). *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 1930-e gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s.]. Moscow: ROSSPEN.
10. Khlevnyuk, O.V. (2010). *Hozyain: Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Host: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN.
11. Khlevnyuk, O.V. (2015). *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia*. [Stalin. The life of one leader]. Moscow: AST.
12. Khlevnyuk, O.V. (2017). *Stalinskii period sovetskoj istorii Istoricheskie tendentsii i nereshennye problemy* [The Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unresolved issues]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 56(3), 71–80.

13. Khlevnyuk, O.V. (2018). Sovetskie narkomaty i detsentralizatsiia upravleniia ekonomikoi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Soviet people's Commissariat and decentralization of economic management during the Great Patriotic War]. *Rossijskaya istoriya*, 4, 58–72.

14. Markevich, A.V. (2004). Byla li sovetskaya ekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. [Was the Soviet economy planned? Planning in the people's Commissariat in the 1930s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* (pp. 20–54).

15. Mel'nikov, N.N. (2017). *Modernizatsiya tankovoj promyshlennosti SSSR v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny* [Modernization of the tank industry of the USSR in the conditions of the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: Socrates.

16. Merle, Sh. (2017). Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [The Soviet economy: a modern assessment]. *E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2016–2017* (pp. 303–349).

17. Mukhin, M. Yu. (2006). *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* [Aircraft industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow: Science.

18. Osokina, E.A. (2008). *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin's abundance”: Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941] (2nd ed., add.). Moscow: ROSSPEN.

19. Postnikov, S.P., & Feldman, M.A. (2008). *Sociokul'turnyj oblik rabochih Rossii i SSSR. 1900–1941 gg.* [Socio-cultural image of the workers of Russia and the USSR. 1900–1941 gg.]. Moscow: ROSSPEN.

20. *Problemy rekonstrukcii narodnogo hozyajstva na pyatiletie (pyatiletnij plan na pyatom s"ezde sovetov gosplanov)* [Problems of reconstruction of the national economy for five years (five-year plan at the fifth Congress of Soviets of state plans)]. (1929). Moscow: Planovoe xozyajstvo.

21. Samuelson, L. (2010). *Tankograd: sekrety russkogo tyla, 1917–1953* [Tankograd: secrets of the Russian rear, 1917–1953]. Moscow: ROSSPEN.

22. Shakhurin, A.I. (1984). *Kryl'ya pobedy* [Wings of victory]. Moscow: Politizdat.

23. Shalak, A.V. (2015). Ideologiya vmesto faktov ili kak interpretiruiut nashu ekonomicheskuiu istoriiu [Ideology instead of facts, or how our economic history is interpreted]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 16(4), 791–809. Irkutsk: Izdvo Bajkal'skogo gos. un-ta. doi: 10.17150/2308-2588.2015.16(4).791-809

24. Simonov, N.S. (1996). *Voенно-promyshlennyj kompleks SSSR v 1920–1950-e gg.: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920–1950s: the rate of economic growth, structure, organization of production and management]. Moscow: ROSSPEN.

25. Sokolov, A.K. (2012). *Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 gg.* [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941]. Moscow: Novyj xronograf.

СПОСОБЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ



Галицкая Кристина Александровна,

Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
аспирант 3 курса, очной формы обучения,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: kristin585@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2020, принята к публикации 18.03.2020

Для цитирования: Галицкая К.А. Способы легитимации власти Президента Российской Федерации В.В. Путина, используемые в документальных фильмах // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 102-125. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10108

Аннотация

Цель. Проанализировать, каким образом в документальных фильмах про Президента РФ В.В. Путина используются различные способы легитимации. Соотнести их использование с внешнеполитическими процессами и внутренней социально-экономической и общественно-политической ситуацией, в том числе с предвыборным процессом. На основе проведенного анализа оценить эффективность использования различных способов легитимации применительно к конкретным событиям и процессам, выявить ключевые способы легитимации, используемые в документальных фильмах.

Методы исследования. На основе классификации способов легитимации власти, предложенной современным ученым Л. Холмсом, проводится анализ такого инструмента легитимации власти, как документальное кино. Определяется контекст выхода фильма и его основная цель с точки зрения процесса легитимации. В статье предлагается авторская система идентификации способов легитимации, на основе

© Галицкая К.А., 2020



которой анализируются восемь документальных фильмов, участие в которых принимал лично Президент РФ В.В. Путин.

Результаты. Определены ключевые способы легитимации, используемые в документальных фильмах. В соответствии с основными целями сформированы три группы фильмов:

- направленные на легитимацию внешней политики РФ;
- направленные на легитимацию внутренней политики РФ и раскрытие образа и биографии В.В. Путина;
- направленные на легитимацию власти В.В. Путина в предвыборный период 2018 года.

Сделаны выводы относительно привлекаемых к комментариям референтных лиц и повторяющихся в разных фильмах кадрах хроники. Определены комбинации способов легитимации, позволяющие поддерживать высокий уровень легитимности власти Главы государства в сложных внешнеполитических и внутренних социально-экономических условиях. Документальные фильмы оценены как эффективный инструмент легитимации власти, позволяющий задействовать различные каналы восприятия информации и привлечь аудиторию, игнорирующую иные инструменты легитимации (например, новостные программы).

Научная новизна. Разработана система идентификации способов легитимации власти Президента РФ в документальных фильмах. Определены наиболее эффективные сочетания способов легитимации власти Президента РФ, позволяющие задействовать как эмоциональные, так и рациональные мотивы.

Ключевые слова:

легитимность, способы легитимации, инструменты легитимации, технологии легитимации, легитимация власти Президента.

UDC 323.2

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10108

WAYS OF LEGITIMATION THE POWER OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. PUTIN USED IN DOCUMENTARIES

Galitskaya Kristina Aleksandrovna,

Ural Institute of Management,
Branch of RANEPA
Postgraduate Student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: kristin585@mail.ru

Article received on February 10, 2020, accepted on March 18, 2020

To cite this article: Galitskaya K. A. (2020). Sposoby legitimacii vlasti Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina, ispol'zuemye v dokumental'nyh fil'mah [Ways of legitimation the power of the President of the Russian Federation V.V. Putin used in documentaries]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 102-125. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10108

Abstract

Purpose. Analyze how documentaries about Russian President Vladimir Putin use various ways of legitimation. Correlate their use with foreign policy processes and the internal socio-economic and socio-political situation, including the election process. Based on the analysis, we can evaluate the effectiveness of using various ways of legitimation in relation to specific events and processes, and identify key ways of legitimation used in documentaries.

Methods. Based on the classification of ways of legitimation the power proposed by the modern scientist L. Holmes, the analysis of such a tool of legitimation power as documentary cinema is carried out. The context of the film's release and its main purpose in terms of legitimation process are determined. The article offers the author's system of identification of ways of legitimation, based on which eight documentaries are analyzed, in which the President of the Russian Federation Vladimir Putin personally took part.

Results. The key ways of legitimation used in documentaries are defined. Three groups of films were formed in accordance with the main goals:

- aimed at legitimation the foreign policy of the Russian Federation;
- aimed at legitimation the internal policy of the Russian Federation and revealing the image and biography of Vladimir Putin;
- aimed at legitimation the power of Vladimir Putin in the pre-election period of 2018.

Conclusions are drawn about the reference persons involved in comments and the chronicle frames repeated in different films. Combinations of ways of legitimation that allow maintaining a high level of legitimacy of the power of the Head of state in difficult foreign policy and internal socio-economic conditions are determined. Documentaries have been evaluated as an effective tool of legitimation the power, allowing to use various channels of information perception and attract an audience that ignores other tools of legitimation (for example, news programs).

The scientific novelty. A system for identifying ways of legitimation the power of the President of the Russian Federation in documentaries has been developed. The most effective combinations of ways of legitimation the power of the President of the Russian Federation, allowing to use both emotional and rational motives, are determined.

Keywords:

legitimacy, ways of legitimation, tools of legitimation, the legitimation of the technology, legitimation of the power of the President.

Введение

В целях повышения уровня своей легитимности государственная власть использует различные способы легитимации за счет использования определенных технологий легитимации. Каким образом соотносятся данные понятия? *Способы легитимации* государственной власти представляют собой систему смыслов, используемых для повышения уровня легитимности государственной власти. Другими словами, способы – это смысловое содержание, которое может быть выражено с помощью технологий легитимации. То есть способы легитимации наполняют технологии легитимации смыслами. В свою очередь, технологии легитимации придают способам легитимации форму.

Технологии легитимации власти условно разделим на две группы: *легитимация посредством действия* и *информационно-коммуникационная легитимация*. Тогда в первую группу будут входить конкретные действия политика, способствующие повышению уровня его легитимности (решение конкретных задач, проводимая политика, успешные проекты и т. д.), а во вторую группу – проводимая в целях легитимации информационная политика, в том числе и ее важная составляющая в виде коммуникационного аспекта, то есть наличие обратной связи и непосредственного взаимодействия с населением.

Для каждой группы используются определенные *инструменты легитимации*, то есть конкретные действия, позволяющие повысить уровень легитимности власти.

Одним из наиболее эффективных инструментов легитимации власти является документальное кино, в котором политик, его образ и происходящие события представлены под определенным углом зрения. Документальные фильмы имеют ряд преимуществ по сравнению с другими инструментами легитимации. Во-первых, они позволяют задействовать и визуальные, и аудиальные типы восприятия информация. Во-вторых, они предоставляют возможность сочетания отрывков хроники и актуальных комментариев о прошедших событиях. В-третьих, они в доступной и в некоторых случаях развлекательной форме преподносят информацию, что позволяет задействовать аудиторию, игнорирующую новостные программы.

Само по себе документальное кино про президента представляет собой эффективный инструмент информационно-коммуникационных технологий легитимации. При этом документальные фильмы в основном строятся на легитимации посредством действия. То есть содержанием данных фильмов выступает освещение политики, проводимой Главой государства, и его конкретные действия.

Стоит еще раз отметить что, документальные фильмы, легитимирующие власть, строятся вокруг первоначально заложенных в них смыслов (способах легитимации). К примеру, если за основу берется харизматический способ легитимации, то в рамках такого инструмента легитимации, как документальное кино, конструируется образ сильного, харизматичного лидера, используется эмоциональная риторика, приводятся героические поступки и т. д. Однако те же самые исторические события можно изложить иначе при изменении способа

легитимации. При этом необходимо обратить внимание на то, что для успешного результата требуется сочетание нескольких способов легитимации.

Результаты исследования

Для характеристики процесса легитимации посредством документальных фильмов о Главе государства предлагается применить следующую методику. Определить общую цель фильма, охарактеризовать контекст его выхода (общественно-политическая и социально-экономическая ситуация). Зафиксировать принадлежность референтных лиц, предоставляющих свои комментарии, к определенным социальным группам (государственные деятели, предприниматели и т. д.) и по степени приближенности к первому лицу (родственники, коллеги, третьи лица). Выявить используемые способы легитимации власти и отдельные нетипичные приемы.

Одна из наиболее подробных классификаций способов легитимации принадлежит профессору политологии австралийского университета Мельбурн – Лесли Холмсу (Holmes, 2016, с. 223–245.). Данная классификация была нами использована в ходе анализа выступлений Президента РФ в рамках ежегодной «Прямой линии» и Послания Президента Федеральному Собранию (Галицкая, 2018, с. 27–37). Л. Холмс выделяет *одинадцать способов легитимации*. Из них восемь являются внутренними: старый традиционный, харизматический, целерациональный, эвдемонический, официально-националистический, новый традиционный, отличный от прошлого, легально-рациональный. И три внешних способа легитимации: официальное признание, неформальная поддержка, зависимость от внешней модели для подражания.

Способы легитимации власти идентифицируем на основе использования в фильмах определенных сюжетов, которые соотносятся с их основными характеристиками и ценностями. Иными словами, в основе каждого способа легитимации лежит определенный набор ценностей. Эти ценности позволяют подразделять способы легитимации на эмоциональные и рациональные, а также определять смежные способы легитимации, взаимно дополняющие друг друга.

Так, к *эмоциональным способам легитимации* относятся такие способы, которые подразумевают наличие крепкой эмоциональной связи граждан с властью. Такого рода связь может возникать на основе представления правителя как «отца нации», «защитника» и т. д. Тогда основными ценностями будут выступать традиционность, консерватизм, религиозность. На этом фундаменте основываются два смежных способа легитимации – старый и новый традиционный способы. Наличие в фильмах религиозных сюжетов, сакральности, позиционирование главы государства в качестве защитника народа, комментарии религиозных деятелей о его деятельности, сюжет о передаче власти В. В. Путину от Б. Н. Ельцина свидетельствуют об использовании *старого традиционного* способа. *Новый традиционный* способ проявляется в комментариях по вопросу защиты традиционных ценностей, основывается на консерватизме.

Также эмоциональная связь с правителем может возникнуть на фоне патриотических чувств, гордости за свою страну, уважения к лидеру государства. Основными ценностями в данном случае выступают патриотизм, сила, решительность, независимость, личные волевые и харизматические качества

главы государства. Эти ценности присущи харизматическому, официально-националистическому и отчасти «отличному от прошлого» способам легитимации власти. В документальных фильмах *харизматический* способ проявляется в комментариях референтных лиц относительно личностных качеств В.В. Путина, в его эмоциональных высказываниях и поступках, ярких речевых оборотах, чаще всего интегрируется в фильмы в виде фрагментов хроники. *Официально-националистический* способ легитимации используется в сюжетах, касающихся внешней политики, в частности, это сюжеты о военных действиях, а также об обороноспособности страны. Способ легитимации «*отличный от прошлого*» содержится в сопоставлениях текущего социально-экономического положения страны с ситуацией, сложившейся в девяностые годы.

Эмоциональным способом легитимации также является способ, называемый «*зависимость от внешней модели для подражания*». Однако его особенность заключается в том, что он основан на внешней эмоциональной связи, и в его основе находятся ценности, пропагандируемые другим государством. В фильмах может проявляться в оправдании своих действий за счет подражания авторитетному государству.

В основе *рациональных способов легитимации* лежит определенная логическая обоснованность права власти осуществлять управление обществом, которая, однако, не сводится к легальности, а имеет более сложную структуру.

Наиболее близким к понятию легальности является легально-рациональный способ. Основные ценности, находящиеся в его основе, – законность всех действий власти, правопреemptственность, соблюдение прав граждан, авторитет закона. *Легально-рациональный* способ используется в сюжетах, где объясняется законность тех или иных действий и процедур.

Основными ценностями в рамках эвдемонического способа легитимации выступают материальное благополучие, рост доходов, социальная защищенность. Использование *эвдемонического* способа предполагает сюжеты с позитивной социально-экономической статистикой, демонстрирующие рост экономики и повышение уровня жизни населения, либо сюжеты с отдельными крупными достижениями.

Планы развития, нацеленность на результат и позитивные изменения в будущем – ценности, лежащие в основе целерационального способа легитимации. В сюжетах *целерациональный способ* проявляется в постановке общих для народа целей, которые необходимо достигать совместными усилиями.

Смежными являются такие способы легитимации, как «официальное признание» и «неформальная поддержка». В их основе находятся ценности союзничества, объединения, добрососедства, внешней поддержки. Способ легитимации «*официальное признание*» проявляется в сюжетах о совместной деятельности с зарубежными партнерами, участия Главы государства в различных международных мероприятиях. Способ легитимации «*неформальная поддержка*» используется в комментариях иностранных референтных лиц.

На основе предложенной методики и классификации способов легитимации Лесли Холмса проанализируем процесс легитимации власти Президента РФ в документальных фильмах, а также попробуем сопоставить изменения процесса легитимации в связи с прошедшими общественно-политическими событиями.

Для анализа произведем отбор документальных фильмов по следующим критериям. Во-первых, нас интересуют фильмы, которые создавались с целью легитимации действующей власти. Во-вторых, ограничим перечень теми фильмами, в которых принимал непосредственное участие сам В.В. Путин, так как его комментарии, оценки и поведение определяют превалирование тех или иных способов легитимации (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Документальные фильмы, направленные на легитимацию власти Президента РФ В.В. Путина

№	Дата выхода	Название	Автор фильма	Хронометраж	Жанр
1.	2012	«Мост над бездной»		53 минуты	1. мультипликация 2. кадры хроники 3. интервью 4. комментарии
2.	26 апреля 2015	«Президент. История новой России»	В.Р. Соловьев	02 часа 31 минута	1. интервью 2. хроника 3. комментарии
3.	15 марта 2015	«Крым. Путь на Родину»	А.О. Кондрашов	02 часа 25 минут	1. реконструкция событий 2. интервью 3. комментарии
4.	Декабрь 2015	«Миропорядок»	В.Р. Соловьев	01 час 49 минут	1. интервью 2. хроника 3. комментарии
5.	12 июня 2017	«Интервью с Путиным»	О. Стоун	4 серии по 55 минут	1. интервью 2. хроника
6.	14 января 2018	«Валаам»	А.О. Кондрашов	51 минута	1. комментарии 2. хроника 3. интервью
7.	07 марта 2018	«Миропорядок-2018»	В.Р. Соловьев	01 час 32 минуты	1. интервью 2. хроника 3. комментарии
8.	21 марта 2018	«Путин. Фильм Андрея Кондрашова»	А.О. Кондрашов	1 часть –02 часа 07 минут. 2 часть –01 час 52 минуты	1. интервью 2. хроника 3. комментарии

1. Фильм «**Мост над бездной**» (Иванкин, Арнштейн, 2012) вышел 2 февраля 2012 года, в то время, когда В.В. Путин занимал должность Председателя Правительства РФ. В фильме предпринимается попытка проанализировать влияние на историю страны трех руководителей государства: М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина.

В фильме активно используется мультипликация политических событий, кадры хроники. Объяснения ориентированы на аудиторию, которая ничего не знает и ничего не понимает ни в истории, ни в политических процессах.

Не ясен критерий, по которому подбирались лица, комментирующие события. Среди них – Б.Б. Гребенщиков, Б.А. Березовский, С.А. Карганов, М.М. Касьянов и др.

Основной способ легитимации – «отличный от прошлого»: политика В.В. Путина противопоставляется действиям М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Также используется эвдемонический способ легитимации в виде статистических показателей по итогам десяти лет нахождения у власти В.В. Путина.

В фильме присутствует и альтернативная, оппозиционная точка зрения по вопросу построения вертикали власти, отмены выборов глав регионов и т. д.

2. Фильм В.Р. Соловьева **«Президент. История новой России»** (Соловьёв, 2015) приурочен к 15-летию пребывания у власти В.В. Путина и выходит в середине третьего срока правления В.В. Путина, спустя год после крымских событий. Социально-экономическая обстановка в целом оценивается как стабильная, рейтинги Президента находятся на высоком уровне, подготовка к следующим выборам еще не проводится. Однако присутствует негативный фактор, оказывающий влияние на социально-экономическую ситуацию, в виде санкций, который отчасти нивелируется патриотическими настроениями.

Фильм не нацелен на решение конкретной проблемы легитимации власти, а представляет собой подведение итогов за 15 лет. Логика сюжета основана на сравнительном анализе социально-экономического состояния России в момент прихода к власти В.В. Путина (2000 г.) и спустя 15 лет. Основная цель картины заключается в том, чтобы продемонстрировать системное преобразование России, произошедшее за относительно небольшой промежуток времени, благодаря эффективным действиям Главы государства. Соответственно, *ключевым способом легитимации выступает способ «отличный от прошлого», дополняемый эвдемоническим способом как иллюстрацией произошедших перемен.* Такая комбинация раскрывается в следующих показательных сюжетах:

1) Пресечение сепаратизма.

Комментируя события 2000 года, Г.С. Полтавченко следующим образом оценивает ситуацию: «Шла война на Кавказе. Да она не только на Кавказе велась, она велась по всей стране. Совсем недавно было, 14 лет назад». Затем, через определенный промежуток времени, «отличный от прошлого» способ дополняется эвдемоническим, за счет комментариев Р.А. Кадырова о процветании Чечни.

2) Стабилизация социально-экономической ситуации.

Высказывание Г.О. Грефа относительно анализа социально-экономической ситуации после 90-х годов: «Похоже, что у нас везде Чечня. Чечня была не географическая, а Чечня была по факту во всех сферах деятельности». Далее социально-экономическое положение России по состоянию на 2015 год раскрывается с помощью статистических показателей.

Харизматический способ легитимации используется на протяжении всего фильма, и идет в качестве фона в виде вставок хроники с выступлениями В.В. Путина, а также проявляется в его эмоциональных высказываниях и поступках. Один из самых ярких сюжетов – его героический полет в Гудермес в новогоднюю ночь, когда вертолет Президента РФ подвергся обстрелу. Также ярким сюжетом является невыпитая в Ботлихе рюмка водки. К харизматическому

способу легитимации относятся и знаменитые фразы В.В. Путина, такие как, например, фраза «мочить в сортире».

Большой блок комментариев относительно личных качеств В.В. Путина также является харизматическим способом легитимации: мало спит, много работает, постоянно осваивает что-то новое (английский, хоккей), способен концентрироваться на разных темах, умеет слушать и понимать людей и т. д. С помощью такого рода описаний создается портрет эффективного и харизматичного руководителя, который, однако, остается близким к народу и понимает его: «из рабочей семьи, точно так же как миллионы остальных»; «воспитывался в коммунальной квартире» и т. д.

Старый традиционный способ также регулярно используется на протяжении всего фильма:

1) Представлен подробный сюжет о передаче власти от Б.Н. Ельцина В.В. Путину с кадрами хроники и комментариями-воспоминаниями участников произошедших событий. Это является наглядным примером использования данного способа легитимации.

2) Несколько раз на протяжении фильма раскрываются сюжеты религиозного характера, в первую очередь связанные с православием, однако подчеркивается и уважительное отношение В.В. Путина к другим религиям. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл дает следующий комментарий: «Президент, будучи человеком православным, одновременно как к своим братьям относится к представителям других религий. Он приветствует их с праздниками, он содействует, чтобы оказывать поддержку». Эффективным приемом легитимации является речь В.В. Путина на татарском языке на празднике в честь 1000-летия Казани.

Традиционная легитимация посредством религии затрагивает мифическое начало – сюжет с мулом, который сопровождал В.В. Путина по дороге в Иверский монастырь на Афоне. Этот случай преподносится как определенный божественный знак.

3) Третий блок, раскрывающий старую традиционную легитимацию, связан с позиционированием В.В. Путина как защитника народа. Это проявляется в решении конкретных проблем, с которыми к нему обращаются люди посредством записок при личном общении: В.В. Путин относится к ним с особым вниманием и дает персональные поручения для решения этих проблем.

Официально-националистический способ на протяжении фильма используется довольно часто. В первую очередь это сюжет, посвященный присоединению Крыма. Кроме того, к официально-националистическому способу легитимации относятся сюжеты, связанные с борьбой за право проведения Зимних олимпийских игр в городе Сочи, а также последующими победами российских спортсменов. Сюжеты об обороноспособности страны, текущем состоянии вооруженных сил, о способности Российской Федерации вести на равных переговоры с западными странами и влиянии на мировую политику – все это относится к официально-националистическому способу.

Наряду с официально-националистическим способом применяется и способ *официального признания*. Демонстрируются дружеские отношения В.В. Путина с Президентом США Дж. Бушем, подчеркивается, что на протяжении семи лет они встречались 18 раз. Примером использования способа официального признания является интервью Президента Казахстана Н. А. Назарбаева.

Легально-рациональный способ легитимации не является ключевым способом, однако успешно дополняет проанализированные ранее эмоциональные способы легитимации. Проявляется данный способ в рамках сюжетов о подготовке и проведении выборов Президента РФ и в отдельных комментариях В.В. Путина. Например, о его принципиальности в вопросе следования законам: «У меня не было соблазна остаться на третий срок ни-ког-да. С первого дня работы в качестве президента РФ я для себя сразу решил, что я не буду нарушать действующую Конституцию. Я считаю, что это очень важный сигнал для общества вообще: все должны соблюдать действующее законодательство, начиная с главы государства».

Заканчивается фильм *эвдемоническим способом легитимации*. Сначала В.В. Путин говорит о социально-экономическом прогрессе, подтверждая это убедительными статистическими данными: «Мы страну сохранили, ВВП вырастили в два раза. У нас расходы федерального бюджета по сравнению с 1999 годом к 2014 выросли в 22 раза. Реальные доходы населения выросли в три раза. У нас количество людей, живущих за чертой бедности, было почти 42 миллиона человек. А сейчас у нас почти в три раза, в 2,8 раза, меньше людей, живущих за чертой бедности. Все это в комплексе позволило нам решить еще одну очень важную задачу. Смотрите, в 1999 году, да и в 2000, у нас естественная убыль населения составила 929 тысяч человек, то есть это почти миллион. На миллион человек уходило из жизни больше, чем рождалось. Но если бы мы по миллиону теряли в год, Россия, это просто катастрофа. Россия бы постепенно перестала существовать. Мы не только стабилизировали, не только переломили ситуацию, но и два года подряд у нас теперь естественный прирост». Затем используется подборка достижений в разных сферах: промышленности, спорте, образовании, медицине и т. д.

Целерациональный способ легитимации власти на протяжении фильма практически не используется, что объясняется главной целью – произвести анализ произошедшего, а не строить планы на будущее.

События, освещаемые в фильме, сопровождаются комментариями и оценками разных групп лиц. Наибольшую группу представляют государственные деятели, которые принимал участие в освещаемых событиях, в первую очередь пресс-секретарь Президента РФ Д.С. Песков. Свою точку зрения относительно войны в Чечне и террористических актов, произошедших в России, высказывают Н.П. Патрушев, С.К. Шойгу, Р.А. Кадыров. Ситуацию в сфере экономики оценивают Г.О. Греф, А.Л. Кудрин.

Кроме того, используются комментарии предпринимателей (В.О. Потанин), представителей спорта (А. Сотникова, Ясухиро Ямасита), духовенства (Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Иеродиакон Евстафий), деятелей культуры (Н.С. Михалков, Н.В. Расторгуев, Захар Прилепин), журналистов (А.И. Колесников). Присутствуют комментарии и оценки отдельных граждан (пенсионеры, сельские жители и т. д.).

3. Фильм А.О. Кондрашова «**Крым. Путь на Родину**» (Кондрашов, 2015) выходит спустя год после присоединения Крыма к России. В это время начинают действовать первые пакеты санкций, и патриотический подъем населения постепенно идет на убыль. Основная цель фильма заключается во внешней

легитимации присоединения Крымского полуострова и в поддержании уровня патриотизма путем внутренней эмоциональной легитимации.

Основу фильма составляет реконструкция произошедших событий и интервью В.В. Путина. Комментарии дают только непосредственные участники событий: С.К. Шойгу, С.В. Аксенов, А.М. Чалый, жители Крыма.

В фильме присутствуют две отдельные линии легитимации. *Первая внешняя – рациональная* – нацелена на то, чтобы обосновать законность и корректность действий по организации референдума перед другими государствами. *Вторая внутренняя – эмоциональная* – ориентирована на то, чтобы продемонстрировать гражданам России справедливость принятых решений и их безальтернативность.

В рамках *первой линии* преимущественно используется *легально-рациональный* способ легитимации через интервью В.В. Путина, в котором он объясняет механику проведенного процесса: законно избранный парламент Крыма принял единогласное решение о назначении референдума о статусе Крыма и избрал нового председателя правительства Крыма С.В. Аксенова, которого, в соответствии с Конституцией Украины, утвердил действующий Президент – В.Ф. Янукович. Также в фильме акцентируется внимание на том, что от легитимного Президента Украины В.Ф. Януковича в адрес В.В. Путина поступила «просьба спасти его жизнь». Данная просьба используется в качестве легитимации последующих действий российских спецслужб.

Действия России преподносятся как ответ на события, организаторами которых выступили американцы. В.В. Путин в своем комментарии отмечает, что действия российских властей были логичным следствием происходящих событий: «Ситуация развернулась таким образом на Украине, что мы вынуждены начать работу по возврату Крыма в состав России. Потому что мы не можем бросить эту территорию и людей, которые там проживают, на произвол судьбы, под каток националистов».

Возврат Крыма в состав РФ объясняется исторической справедливостью и защитой русских людей, проживающих там. Этот вид легитимация является *легально-рациональной*, однако за счет того, каким образом это преподносится, возникает и эмоциональный аспект, свойственный второй линии легитимации. В.В. Путин дает следующий комментарий: «Я разговаривал с коллегами и говорил прямо так же, как и вам сейчас говорю, открыто, что это наша историческая территория, и там проживают русские люди, они оказались в опасности, и мы не можем их бросить. Не мы совершили госпереворот, а это сделали националисты и люди с крайними убеждениями. Вы их поддержали. Вы где находитесь? За тысячи километров? А мы здесь, и это наша земля. Вы за что хотите там бороться? Не знаете? А мы знаем, и мы на это готовы». Такого рода обоснования включают как *харизматический*, так и *официально-националистический* способы легитимации.

Вторая линия легитимации главным образом обеспечивается сюжетами реконструированных событий, ориентированными на эмоциональные переживания и на чувство справедливости. Основной способ легитимации – *официально-националистический*. С одной стороны, демонстрируется жестокость и несправедливость происходящих событий, особенно по отношению к русскому населению, с другой стороны, показывается профессиональное управление

ситуацией Президентом РФ и четкая, слаженная работа российских спецслужб в ходе выполнения поставленных задач. Такое сочетание обеспечивает патриотический подъем и вызывает чувство гордости. Среди основных реконструированных сюжетов выделим следующие:

- операция по спасению В.Ф. Януковича;
- «Корсунский погром» – нападение националистов на автобусы с крымчанами, возвращающимся с антимайдана;
- встреча народным ополчением Крыма «поезда дружбы», оказавшегося пустым;
- спасение российскими спецслужбами крымчан, захвативших аэропорт Симферополя в целях недопуска военных самолетов («вежливые зеленые человечки»);
- организация контроля на границе с Украиной и последующая оборона Крыма.

В фильме описывается инцидент с эсминцем УРО «Дональд Кук» ВМС США. Корабль вошел в Черное море для патрулирования и приблизился к берегам Крыма. Расчетами берегового ракетного комплекса «Бастион» проводилось сопровождение корабля. На перехват был поднят самолет Су-24, который осуществлял имитацию атаки на корабль. Акцентируется внимание на том, что после таких действий ВКС России «Дональд Кук» поспешно покинул воды Крыма, а некоторые члены экипажа написали заявление об увольнении.

Эффективным приемом легитимации в рамках официально-националистического способа выступает сюжет, в котором маленькая девочка подходит к российскому солдату и обнимает его.

Следует отметить, что в рамках второй линии легитимации в фильме активно используются такие устоявшиеся бренды, как «Крымская весна», «Вежливые зеленые человечки», популярный на момент выхода фильма образ Натальи Поклонской и т. д.

Главный легитимирующий сюжет, как с точки зрения рациональной, так и с точки зрения эмоциональной легитимации, – итоги референдума за вхождение Крыма в состав России (96,7%).

Завершается фильм комментарием В.В. Путина о планах развития Крыма и его интеграции в состав Российской Федерации.

4. Фильм В.Р. Соловьёва «**Миропорядок**» (Соловьёв, 2015) выходит на экраны в конце декабря 2015 года, когда российские ВКС уже более двух месяцев участвовали в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики. Следует отметить, что в конце ноября в результате запуска ракеты самолетом ВВС Турецкой Республики был сбит российский бомбардировщик. Инцидент привел к резкому обострению российско-турецких отношений, что отразилось как на ситуации в военной сфере, так и в части экономического сотрудничества.

Таким образом, появление данного фильма в определенной степени можно связывать с необходимостью подготовки граждан страны к осознанию новых геополитических реалий, в которых страна оказалась после Крымских событий.

Повествование в фильме строится вокруг внешнеполитических проблем, возникающих в первую очередь из-за вмешательства США во внутренние дела

других государств. Концепция «мирового жандарма», в роли которого оказываются американцы, трансформируется в образ «мирового диктатора», стремящегося перековать весь мир по своему вкусу.

Фильм, в целом, направлен на легитимацию внешней политики России и, в частности, на легитимацию участия российских ВКС в боевых действиях на территории Сирии. При этом подчеркивается, что такой шаг, как привлечение российских военных к операциям на территории другого государства, в определенной степени является вынужденным и в конечном итоге связан с необходимостью обеспечения безопасности граждан страны.

Таким образом, в фильме «Миропорядок», по аналогии с фильмом «Крым. Путь на Родину», мы можем выделить две линии легитимации. Основной является *внутренняя – эмоциональная линия*. Она нацелена на то, чтобы продемонстрировать гражданам России несправедливость существующего миропорядка, которая приводит к возникновению террористических угроз и к необходимости активных действий России по обеспечению безопасности и защите интересов страны. Основным способом легитимации в рамках данной линии выступает *официально-националистический способ*. Также используется сочетание официально-националистического способа с *харизматическим способом*. Яркий пример такого сочетания – высказывание В.В. Путина относительно террористического акта над Синаем: «Убийство наших людей на Синае – в числе наиболее кровавых по числу жертв преступлений. И мы не будем вытирать слез с нашей души и сердца. Это останется с нами навсегда. Но это не помешает нам найти и наказать преступников. <...> Мы их найдем в любой точке планеты и покараем».

Внешняя – рациональная линия направлена на то, чтобы обосновать законность участия российских ВКС в боевых действиях на территории другого государства. В рамках второй линии легитимации используется *легально-рациональный способ* (в комментариях про соответствие действий России международному праву), а также *«отличный от прошлого» способ легитимации*, который заключается в акцентировании внимания на том, что Россия не является СССР и их внешняя политика несопоставима.

Следует отметить преобладание в данном фильме комментариев иностранных граждан – политиков, журналистов, деятелей культуры и т. д. Среди ключевых – Д. Ассанж, А. Вучич, Э. Кустурица, П. Мушарраф, Д. Оуэн и другие. Это является применением внешнего способа легитимации – *«неформальная поддержка»*. Помимо этого, присутствуют комментарии должностных лиц, непосредственно занимающихся вопросами международных отношений, – С.В. Лаврова, В.И. Чуркина, Д.С. Пескова.

Заканчивается фильм подробным двадцатиминутным интервью с В.В. Путиным относительно существующих международных политических проблем.

5. Фильм О. Стоуна **«Интервью с Путиным»** (Стоун, 2017) был показан на американском телевидении с 12 по 15 июня 2017 года, спустя полгода после выборов Президента США Д. Трампа (8 ноября 2016 года). Однако работа над фильмом началась намного раньше – в 2015 году (фильм основан на интервью с В.В. Путиным, записанных с июля 2015 года по февраль 2017 года). Таким обра-

зом, цель фильма в некотором роде заключается в том, чтобы показать американцам альтернативную точку зрения на Россию, Президента России В.В. Путина и взаимоотношения США и России, существенно ухудшившиеся после 2014 года, создать условия для новой «перезагрузки».

Фильм состоит из четырех серий. В первой подробно освещается биография В.В. Путина, его детство, история жизни его родителей, учеба, занятия спортом, служба в КГБ, победа на выборах Президента и последующее решение политических проблем, в том числе Чеченская война. В данных сюжетах В.В. Путин предстает простым, но в то же время обладающим особыми личностными качествами, человеком. Среди таких качеств – целеустремленность, честность, трудолюбие и работоспособность, вера в справедливость, мудрость и т.д. Таким образом, создается портрет сильного, харизматичного лидера и используется *харизматический способ легитимации*. К данному способу легитимации относятся и фрагменты из Мюнхенской речи В.В. Путина. В ответах В.В. Путина на вопросы относительно социально-экономического развития России, которые формулирует О. Стоун, используется *эвдемонический способ легитимации*.

В первой части фильма демонстрируются сложные отношения России и США, в том числе акцентируется внимание на поддержке американцами террористов во время Чеченской войны. Вместе с тем, применяется способ легитимации *«официальное признание»* при демонстрации отношений В.В. Путина с Президентом США Дж. Бушем.

Во второй части фильма продолжает раскрываться тема проблемных взаимоотношений России и США. В частности, речь идет о выходе США из договора об ограничении систем противоракетной обороны, угрозе ядерной войны, начале новой гонки вооружений, поддержке со стороны США действий Грузии в 2008 году и т.д. В рамках данных сюжетов используется *официально-националистический способ легитимации*.

О. Стоун в фильме поднимает проблему однополых браков. В.В. Путин комментирует эту тему с точки зрения традиционных ценностей – применяется *новый традиционный способ легитимации*. *Старый традиционный способ* используется в сюжете о возрождении православия и межконфессиональных отношениях. К *харизматической легитимации* следует отнести сюжеты о занятии В.В. Путина спортом, в том числе об участии в Ночной хоккейной лиге.

В третьей части фильма речь идет о двух внешнеполитических кризисах: об украинском кризисе 2013–2014 годов, влиянии США на данную ситуацию, присоединении Крыма к России, и о сирийском кризисе. Основной способ легитимации, используемый в третьей части фильма, – *официально-националистический*.

Диалог в четвертой части фильма строится вокруг проблемы вмешательства России в выборы США, информационных и кибер-войн. Основной способ легитимации – *официально-националистический*.

Комментарии референтных лиц в фильме полностью отсутствуют, его основой является интервью с В.В. Путиным.

6. Фильм А.О. Кондрашова *«Валаам»* (Кондрашов, 2018) является первым из трех фильмов, связанных с выборами Президента РФ 2018 года, он выходит

на экран 14 января 2018 года. Хотя, на первый взгляд, кажется, что цель фильма заключается в рассказе о Валааме, а интервью В.В. Путина используются в качестве художественного приема, на самом деле данный фильм представляет собой *эффективную традиционную легитимацию с элементами мифологизации*.

Соответственно, одним из ключевых способов легитимации является *старый традиционный способ в его религиозном аспекте*. В фильме неоднократно подчеркивается глубокая религиозность В.В. Путина, а сам Валаам преподносится как символ России. Фильм начинается со слов А.О. Кондрашова «Самый древний монастырь на севере Руси, самый первый. Отсюда начинается дорога России к Богу. Валаам – это северный Афон. А еще это зеркало России. Судьба Валаама – это всегда судьба страны». А сам В.В. Путин подчеркивает «Валаам связан, по сути, со становлением национального российского государства». Определенную таинственность и мифологизацию старому традиционному способу легитимации придает сюжет о внезапном появлении В.В. Путина на катере в бухте под названием «У Христа за пазухой».

Комментарии в фильме дают преимущественно религиозные деятели. Один из них, Епископ Панкратий, отмечает, что отцы с Афона, когда посещают Валаам, всегда говорят о В.В. Путине: «Как нам повезло, как они нам завидуют. Для них Путин – это просто герой, образец для подражания. Верующий президент, да такой еще сильный». Таким образом, используется *внешний способ легитимации* со стороны религиозных деятелей (а не политиков, как это бывает чаще всего).

В фильме также применяется *способ «отличный от прошлого»* – в сюжетах о восстановлении религиозных сооружений, подключении острова к электрическим сетям, возрождении хозяйства (монастырская ферма). Подчеркивается ключевая роль В.В. Путина в данных процессах. Противопоставления производятся, в первую очередь, с советским периодом, когда происходило разрушение Валаама, но также и с 90-ми годами XX века, когда на восстановление не было средств.

В картине отмечается, что войны, которые вела Россия, всегда отражались на Валааме. А.О. Кондрашов говорит, что в июле 2016 года в Храме воинской памяти звучала неусыпаемая псалтирь – молитва о летчиках, погибших в Сирии. В таких сюжетах мы можем зафиксировать специфическое *сочетание старого традиционного и официально-националистического способов легитимации*.

В конце фильма подчеркивается единство всех религий, В.В. Путин говорит следующее: «У нас многоконфессиональное государство. Но вот эти нравственные основы многонационального российского народа, они общие, и они нас объединяют».

7. Фильм В.Р. Соловьёва «**Миропорядок-2018**» (Соловьёв, 2018) выходит 7 марта 2018 года, за 11 дней до выборов Президента РФ. Цель картины заключается в повышении уровня легитимности власти в предвыборный период, являющийся кризисным для любой политической системы. Если предвыборный «Валаам» ориентирован на эмоциональную легитимацию власти, то «Миропорядок-2018», напротив, задействует рациональные аспекты легитимации.

Повествование, как и в фильме «Миропорядок», строится вокруг внешне-политических проблем. Среди основных тем – ситуация в Сирии, Крым и последующие санкции, проблемы взаимоотношений с Украиной. Подчеркивается наличие комплексных европейских проблем (миграция, терроризм, намерение выхода отдельных стран из Евросоюза). И в рамках данных сюжетов используется такой прием, как *легитимация посредством сравнения*. То есть с помощью противопоставления и акцентирования внимания на европейских проблемах у аудитории формируется понимание, что социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в России является стабильной и менее проблемной. Данный прием следует отнести к *эвдемоническому способу* легитимации власти.

Однако в отличие от фильма «Миропорядок», в «Миропорядке-2018» акцент смещен на внутреннюю линию легитимации, что объясняется предвыборным периодом. При этом особенностью данного фильма является то, что внутренняя линия в большей степени является *рациональной*. То есть в фильме предпринимается попытка объяснить действия власти, а не вызвать эмоциональную поддержку. Такого рода акцент объясняется тем, что эмоциональные аспекты раскрыты в других фильмах выборного цикла.

Так, например, действия вооруженных сил в Сирии легитимируются *легально-рациональным способом*. Необходимость таких действий объясняется:

- защитой границ и территориальной целостности государства;
- опасностью создания крупнейшего террористического анклава, угрожающего России, в случае развала сирийской государственности.

Таким образом, цель данного фильма заключается в том, чтобы объяснить причины тех или иных действий власти на международной арене. Смещение акцента в сторону рациональности объясняется также тем, что данный фильм ориентирован на более критичную и образованную аудиторию.

Однако *эмоциональные способы* легитимации также присутствуют в фильме. Нетипичным является сюжет, связанный с Меланией Трамп, в сопровождении лиричной музыки. Образ В.В. Путина раскрывается с человеческой стороны, когда он комментирует, как рассказывал Д. Трамп о России, природе, животных и рыбалке: «Когда о рыбалке рассказывают, разве можно не приврать?». Таким образом, применяется *харизматический способ* легитимации в его особом аспекте, формирующем образ не столько харизматичного политика, сколько харизматичного мужчины.

Также следует отметить использование *официально-националистического способа*, особенно в контексте вопросов по обеспечению ядерной безопасности: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?».

В фильме преобладают комментарии иностранных граждан, в первую очередь политиков – Б. Нетаньяху, С. Абэ, К. Мангольда, Д. Стросс-Кана и др., что говорит об использовании внешнего способа легитимации – «*неформальная поддержка*».

Картина заканчивается фрагментом из Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2018 года относительно взаимоотношений России и США и конструктивном поведении России по вопросу соблюдения стратегического баланса. Сюжет представляет собой подведение итога рациональной легитимации данного фильма.

8. Фильм А. О. Кондрашова «Путин. Фильм Андрея Кондрашова» (Кондрашов, 2018) завершает цикл из трех фильмов, связанных с выборами Президента РФ 2018 года. Он выходит 21 марта 2018 года, спустя три дня после выборов. Таким образом, его основная цель заключается в том, чтобы закрепить и легитимировать результаты выборного процесса.

С точки зрения выстраивания линии легитимации картина является схожим с фильмом В. Р. Соловьева «Президент. История новой России». Оба фильма охватывают весь период правления В. В. Путина, а не сосредотачиваются на отдельных событиях, что позволяет использовать большое количество способов легитимации. Похожим является и способ построения фильма – вокруг интервью В. В. Путина строится хроника ключевых событий, приводятся комментарии референтных лиц. Среди них – Д. А. Медведев, Н. П. Патрушев, С. К. Шойгу, А. В. Бортников, С. Б. Иванов, Г. Шредер, С. Берлускони; друзья и знакомые детства – С. П. Ролдугин, классный руководитель В. В. Путина – В. Гуревич, одноклассник – В. Борисенко, преподаватель – Ю. Толстой. Представители сферы культуры и спорта – Н. Михалков, спортсменка Н. Рагозина и др.

Данный фильм является более биографичным, чем предыдущие. Внимание в большей степени акцентируется на *личной истории В. В. Путина*, в том числе истории его семьи, родителей, дедушек и бабушек. Картина ориентирована на эмоциональную легитимацию, поэтому основными способами легитимации выступают *харизматический, старый традиционный, официально-националистический, «отличный от прошлого»*. В рамках рациональной легитимации преимущественно используется *эвдемонический* способ легитимации, дополняющий «отличный от прошлого» способ.

Старый традиционный способ используется, в первую очередь, в религиозных сюжетах. В фильме акценты расставляются на личной судьбе В. В. Путина как простого русского человека. Рассказывается история знакомства его родителей, влияния Великой Отечественной войны на их жизненный путь. Автор фильма показывает храм, в котором «крестились, венчались и отпевались как минимум 12 поколений рода Путиных, с начала XVII века, 400 лет». В. В. Путин произносит в храме следующие слова: «Любовь – это прежде всего доброе отношение к людям, ощущение, что каждый из нас является частью другого». Таким образом, предпринимается попытка показать Президента как человека, близкого к народу, но в то же время особенного.

В фильме присутствует большое количество комментариев отдельных граждан. Так, на примере личных историй двух людей (Ярослава Ожерельева – курсанта морского колледжа, Анастасии Юлаевой – выпускницы кадетского училища), родившихся 31 декабря 1999 года, демонстрируется, как изменилась социально-экономическая обстановка в России. В результате осуществляется легитимация посредством способа *«отличный от прошлого»*. Еще один показательный сюжет связан с гибелью атомной подводной лодки «Курск». В фильме фиксируется, что основной причиной катастрофы стало общее состояние вооруженных сил, а затем – на контрасте – демонстрируется их текущее положение.

Харизматический способ легитимации наиболее ярко проявляется в следующих сюжетах:

1) Демонстративный уход В.В. Путина с семинара Евросоюза в 1994 году в Гамбурге, во время провокационного выступления Президента Эстонии Леннарта Мери.

2) Выход В.В. Путина к родственникам моряков с «Курска», разговор с ними, продолжавшийся почти три часа, и обещание поднять лодку со дна Баренцева моря.

3) Посещение авиабазы Хмеймим в Сирии в декабре 2017 года и выступление перед российскими военнослужащими.

4) Характеристики В.В. Путина со стороны близких людей и коллег. Особенно ярким примером харизматической легитимации является рассказ классного руководителя В.Д. Гуревич о том, как В.В. Путин заступился за нее перед одноклассниками: «Ну хватит же мычать, не стадо же коров, в конце концов». Такой комментарий подчеркивает, что В.В. Путин обладает авторитетом и харизмой с самого детства.

5) Выступление в Ночной хоккейной лиге.

Официально-националистический способ легитимации используется в первую очередь при рассказе о внешней политике России, в частности, об успешных военных операциях в Сирии. Также к официально-националистическому способу легитимации относятся фрагменты из Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2018 года, где В.В. Путин описывает передовые разработки российского ВПК.

Заключение

На основе проведенного анализа восьми документальных фильмов составим таблицу используемых способов легитимации (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Способы легитимации, используемые в документальных фильмах про Президента РФ В.В. Путина

№	Название фильма	Ключевые способы легитимации	Цели легитимации
1.	«Мост над бездной»	1. «отличный от прошлого» 2. эвдемонический	1. Четкая цель отсутствует
2.	«Президент. История новой России»	1. «отличный от прошлого», дополняемый эвдемоническим способом 2. харизматический 3. старый традиционный 4. официально-националистический 5. официальное признание 6. легально-рациональный	1. Легитимация внутренней политики России, раскрытие образа и биографии В.В. Путина

3.	«Крым. Путь на Родину»	<p>Две линии легитимации:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. внешняя – рациональная (легально-рациональный способ) 2. внутренняя – эмоциональная (официально-националистический способ) 	1. Легитимация внешней политики России
4.	«Миропорядок»	<p>Две линии легитимации:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. внутренняя – эмоциональная (официально-националистический и харизматический способы) 2. внешняя – рациональная (легально-рациональный неформальная поддержка, «отличный от прошлого» способы) 	1. Легитимация внешней политики России
5.	«Интервью с Путиным»	<ol style="list-style-type: none"> 1. официально-националистический 2. харизматический 3. эвдемонический 4. старый традиционный 5. новый традиционный 6. официальное признание 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Легитимация внешней политики России 2. Легитимация внутренней политики России, раскрытие образа и биографии В.В. Путина
6.	«Валаам»	<p>Традиционная легитимация с элементами мифологизации</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. старый традиционный способ в его религиозном аспекте 2. «отличный от прошлого» способ 3. сочетание старого традиционного и официально-националистического способов 	1. Легитимация в период выборов Президента РФ 2018 года
7.	«Миропорядок-2018»	<p>Две линии легитимации:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. внутренняя – рациональная линия легитимации (легально-рациональный, неформальная поддержка, эвдемонический способы) 2. внутренняя – эмоциональная линия (официально-националистический и харизматический способы) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Легитимация внешней политики России 2. Легитимация в период выборов Президента РФ 2018 года
8.	«Путин. Фильм Андрея Кондрашова»	<ol style="list-style-type: none"> 1. харизматический 2. официально-националистический 3. старый традиционный 4. «отличный от прошлого» способ 5. эвдемонический 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Легитимация в период выборов Президента РФ 2018 года 2. Легитимация внутренней политики России, раскрытие образа и биографии В.В. Путина

1. Исходя из полученных данных, сгруппируем проанализированные нами фильмы. Первую группу представляют фильмы, направленные на *легитимацию внешней политики России*. К этой группе относятся фильмы «Крым. Путь на Родину» и «Миропорядок». В них присутствуют две линии легитимации: внутренняя – эмоциональная и внешняя – рациональная. Фильм «Миропорядок-2018» также следует отнести к первой группе. В картине обе линии легитимации – и рациональная, и эмоциональная – являются внутренними, основная цель – легитимировать внешнюю политику России в предвыборный период. Фильм О. Стоуна «Интервью с Путиным» ориентирован на западную аудиторию, но также был показан и в России. Поэтому внутреннюю и внешнюю линии легитимации в данном фильме выделить невозможно, однако, исходя из его содержания, он, безусловно, направлен на легитимацию внешней политики России как за рубежом, так и среди российской аудитории.

В данной группе фильмов имеется и две линии визуализации. Эмоциональная линия представлена в первую очередь кадрами хроники и реконструкции событий. Так как ключевым способом легитимации здесь выступает официально-националистический способ, визуализация в фильме выстраивается с учетом основных ценностей, на которых он основывается. Используются кадры с мест проведения военных действий, демонстрация новейшего вооружения российской армии. В фильме «Крым. Путь на Родину» особое место занимают сюжеты с личными историями крымчан, с их готовностью к самопожертвованию.

В соответствии с ценностями, лежащими в основе рациональных способов легитимации, их визуализация обеспечивается с помощью интервью В.В. Путина, в ходе которого он объясняет причины тех или иных событий, логику их развития, фиксирует цели развития и т.д., а также комментарии референтных лиц. Таким образом, эмоциональная линия легитимации визуализируется более образно и разнопланово.

Вторая группа фильмов нацелена на *легитимацию внутренней политики России и раскрытие образа и биографии В.В. Путина*. К данной группе относятся следующие фильмы: «Президент. История новой России», «Интервью с Путиным», «Путин. Фильм Андрея Кондрашова». В этих картинах осуществляется комплексная легитимация – присутствует большое количество способов легитимации (от пяти и более). Их основу составляют эмоциональные способы легитимации, такие как харизматический, официально-националистический и старый традиционный. В этих фильмах подробно освещается биография В.В. Путина как до, так и после его вступления в должность Президента РФ. Акцент делается на сравнении текущего социально-экономического положения с положением России в момент прихода к власти В.В. Путина в 2000 году. Таким образом, происходит легитимация внутренней политики.

Так как в данных фильмах освещается биография В.В. Путина, визуализация происходит главным образом за счет кадров хроники, дополняющихся комментариями Главы государства. Ряд знаковых отрывков хроники событий повторяются в нескольких фильмах. Среди них отметим следующие сюжеты: невыпитая В.В. Путиным в Ботлихе рюмка водки, Мюнхенская речь, участие в играх Ночной хоккейной лиги. Такие сюжеты используют ценности, присущие харизматическому и официально-националистическому способам легитимации.

И третья группа – это *фильмы, связанные с периодом выборов Президента РФ 2018 года*: «Валаам», «Миропорядок-2018», «Путин. Фильм Андрея Кондрашова». Эти картины существенно различаются между собой с точки зрения используемых способов легитимации, но при этом имеют одну цель – обеспечение стабильно высокого уровня легитимности власти в кризисный для политической системы период – до выборов и после них. Таким образом, каждый из фильмов работает на достижение цели в рамках определенной целевой группы. «Валаам» задействует эмоциональную легитимацию, и ориентирован в первую очередь на религиозную аудиторию. «Миропорядок-2018» ориентирован на рациональную и критически мыслящую аудиторию. Поэтому в данном фильме, в отличие от всех других проанализированных фильмов, преобладают рациональные способы легитимации власти. Фильм Андрея Кондрашова «Путин. Фильм Андрея Кондрашова» представляется объединяющим рациональную и эмоциональную легитимацию и фиксирующим итоги выборов Президента РФ.

Отличительной и особенной является визуализация, используемая в фильме «Валаам». Сочетание живописных мест острова с религиозными сооружениями и святынями настраивает зрителя на особый лад и позволяет несколько отойти от жанра документального кино и сделать фильм более эмоциональным и проникновенным. Отличается от других фильмов и интервью В.В. Путина, которое проходит не как обычно в кабинете, а в динамике, при перемещении по территории острова.

Из общего подхода к легитимации власти В.В. Путина посредством документального кино отличается фильм «**Мост над бездной**». Фильм выдержан в традициях западной легитимации, когда восприятие политических лидеров происходит через карикатуру на них. Однако такие приемы легитимации не соответствуют запросу российской аудитории, ориентированному на сильного, авторитетного лидера. Вместе с тем, карикатурность фильма не позволяет серьезно воспринимать транслируемую информацию. Поэтому в последующих фильмах подобный подход не применяется. Таким образом, визуализация в форме мультипликации не способствует эффективному использованию способов легитимации, имеющихся в данном фильме.

2. Следует отметить существенное *преобладание эмоциональных способов легитимации власти* во всех проанализированных фильмах, кроме фильма «Миропорядок-2018». Ключевыми способами легитимации выступают официально-националистический и харизматический способы. Использование данных способов легитимации обусловлено активной внешней политикой и сильными лидерскими качествами В.В. Путина. При этом рациональная легитимация, в основном, обеспечивается с помощью эвдемонического и легально-рационального способов легитимации.

3. Использование внешних способов легитимации во всех проанализированных фильмах является минимальным. Из трех внешних способов легитимации Л. Холмса (официальное признание, неформальная поддержка, зависимость от внешней модели для подражания) в фильмах удалось обнаружить два способа. Способ «официальное признание» присутствует в основном в контексте выстраивания диалога с другими государствами. Способ легитимации «неформальная поддержка» представляет собой внешнюю поддержку. Таким образом, его наличие возможно отследить в тех фильмах, где присутствуют комментарии

зарубежных референтных лиц, это в первую очередь фильмы «Миропорядок» и «Миропорядок-2018». Способ легитимации «зависимость от внешней модели для подражания» предполагает наличие такой модели. Применительно к текущему положению РФ данная модель не подходит.

4. Из восьми проанализированных фильмов три отличаются тем, что в основе сюжета находится не интервью с В.В. Путиным. Так, в случае с фильмом «Мост над бездной» – это мультипликация, в фильме «Крым. Путь на Родину» большая часть времени посвящена реконструкции событий, основу фильма «Валаам» составляют комментарии, в первую очередь это комментарии представителей церкви. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из ключевых приемов легитимации является интервью В.В. Путина.

5. Фиксируется стабильный пул привлекаемых референтных лиц, комментирующих события. Среди них – Д.А. Медведев, Д.С. Песков, Н.П. Патрушев, С.К. Шойгу, А.В. Бортников, С.Б. Иванов, Р.А. Кадыров, Г. Шредер и др. Следует отметить преобладание комментариев иностранных граждан в фильмах «Миропорядок» и «Миропорядок-2018», что объясняется целью фильмов (легитимация внешней политики). В фильме О. Стоуна «Интервью с Путиным» комментарии референтных лиц отсутствуют.

6. Таким образом, документальные фильмы являются эффективным инструментом легитимации, рассчитанным на широкую аудиторию. Подбор способов легитимации, используемых в документальных фильмах, позволяет с помощью воздействия на эмоциональные или рациональные мотивы добиваться необходимых целей – легитимировать внутреннюю или внешнюю политику, повышать уровень легитимности Президента, обеспечивать стабильность легитимности власти в кризисные периоды.

Список литературы

1. Галицкая, К.А. (2018). Изменение способов легитимации власти Президента Российской Федерации в период с 2012 по 2018 годы. *Вопросы управления*, 5(54). Взято 21 сентября 2019, с <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2018/05/03/>

2. Иванкин, А., Арнштейн, Т. (Режиссеры). (2012). *Мост над бездной* [Фильм]. «Первый канал». Взято 19 сентября 2019, с <https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/most-nad-bezдноy>

3. Кондрашов, А.О. (Автор и ведущий), Кильчевская, В. (Режиссер). (2015). *Валаам* [Фильм]. «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Взято 10 октября 2019, с https://russia.tv/brand/show/brand_id/62507

4. Кондрашов, А.О. (Автор и ведущий), Краус, С. (Режиссер). (2015). *Крым. Путь на Родину* [Фильм]. «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Взято 06 октября 2019, с https://russia.tv/brand/show/brand_id/59195

5. Кондрашов, А.О. (Автор и ведущий), Чаурс, О. (Режиссер). (2018). *Путин. Фильм Андрея Кондрашова* [Фильм]. «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Взято 21 октября 2019, с <https://>

russia.tv/video/show/brand_id/62624/episode_id/1729508/video_id/1828986/

6. Соловьёв, В.Р. (Интервью), Медведева, С. (Режиссер). (2015). *Президент. История новой России* [Фильм]. «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Взято 21 сентября 2019, с https://russia.tv/video/show/brand_id/59329/episode_id/1193264/video_id/1165983/

7. Соловьёв, В.Р. (Интервью), Медведева, С., Попова, А., Сергеева, В., Черноштан, В., Горянин, А. (Режиссеры). (2015). *Миропорядок* [Фильм]. «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Взято 07 октября 2019, с https://russia.tv/brand/show/brand_id/60032/

8. Соловьёв, В.Р. (Интервью, автор сценария), Медведева, С., Черваков, М. (Режиссеры). (2018). *Миропорядок-2018* [Фильм]. «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Взято 17 октября 2019, с https://russia.tv/brand/show/brand_id/62720

9. Стоун, О. (Режиссер). (2017). *Интервью с Путиным* [Фильм]. «Первый канал». Взято 07 октября 2019, с <https://www.1tv.ru/projects/putin/serii/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-pervaya-smotret-onlayn>

10. Holmes, L. (2016) Comparative Conclusions: Legitimacy and Legitimation in Eurasian Post-Communist States. *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* (pp. 223–245).

References

1. Galickaya, K. A. (2018). *Izmenenie sposobov legitimacii vlasti Prezidenta Rossijskoj Federacii v period s 2012 po 2018 gody* [Changing ways of legitimization the power of the President of the Russian Federation in the period from 2012 to 2018]. *Voprosy upravleniya*, 5(54). Retrieved September 21, 2019, from vestnik.uapa.ru/ru/issue/2018/05/03/

2. Ivankin, A., & Arnshtejn, T. (Directors). (2012). *Most nad bezdnoj* [Bridge over the abyss] [Film]. «First channel». Retrieved September 19, 2019, from <https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/most-nad-bezdnoy>

3. Kondrashov, A.O. (Author and presenter), Chaur, O. (Director). (2018). *Putin. Fil'm Andrey Konrasha* [Putin. The film by Andrei Kondrashov] [Film]. All-Russian state television and radio broadcasting company. Retrieved October 21, 2019, from https://russia.tv/video/show/brand_id/62624/episode_id/1729508/video_id/1828986/

4. Kondrashov, A.O. (Author and presenter), Kil'chevskaya, V. (Director). (2015). *Valaam* [Film]. All-Russian state television and radio broadcasting company. Retrieved October 10, 2019, from https://russia.tv/brand/show/brand_id/62507

5. Kondrashov, A.O. (Author and presenter), Kraus, S. (Director). (2015). *Krym. Put' na Rodinu* [Crimea. Way home] [Film]. All-Russian state television and radio broadcasting company. Retrieved October 06, 2019, from https://russia.tv/brand/show/brand_id/59195

6. Solovyov, V.R. (Interview), Medvedeva, S. (Director). (2015). *Prezident. Istoriya novej Rossii* [The President. History of the new Russia] [Film]. All-Russian state television and radio broadcasting company. Retrieved September 21, 2019, from https://russia.tv/video/show/brand_id/59329/episode_id/1193264/video_id/1165983/

7. Solovyov, V.R. (Interview), Medvedeva, S., Popova, A., Sergeeva, V., Chernoshtan, V., & Garyanin, A. (Directors). (2015). *Mioporyadok* [World order] [Film]. All-Russian state television and radio broadcasting company. Retrieved October 07, 2019, from https://russia.tv/brand/show/brand_id/60032/

8. Solovyov, V. R. (Interview & script writer), Medvedeva, S., & Chervakov, M. (Directors). (2018). *Mioporyadok-2018* [World order – 2018] [Film]. All-Russian state television and radio broadcasting company. Retrieved October 17, 2019, from https://russia.tv/brand/show/brand_id/62720

9. Stoun, O. (Director). (2017). *Interv'yu s Putinyim* [Interview with Putin] [Film]. «First channel». Retrieved October 07, 2019, from <https://www.1tv.ru/projects/putin/serii/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-pervaya-smotret-onlayn>

10. Holmes, L. (2016) Comparative Conclusions: Legitimacy and Legitimation in Eurasian Post-Communist States. *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* (pp. 223–245).

СИРИЙСКАЯ ВОЙНА 2014–2019: ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ



Осколова Татьяна Леонидовна,

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И.Прошлякова,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Тюмень, Россия,
ORCID: 0000-0002-5794-3101,
E-mail: oskolova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.01.2020, принята к публикации 16.03.2020

Для цитирования: Осколова Т. Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 126–139. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10109

Аннотация

В статье рассматривается подача новостей о военном конфликте в Сирии в англоязычных электронных СМИ за период 2014–2019 гг. Объектом исследования послужила виртуальная коммуникация на тему войны на электронных порталах BBC news, CNN news, Washington Post.

Автор преследует цель изучить стратегии и приемы формирования и распространения образов общественного сознания и воздействия на массовую аудиторию англоязычными электронными СМИ.

Вслед за Т. ван Дейком дискурс трактуется через текстовые составляющие – заголовки и основные единицы, объединенные лексической, грамматической, логической и стилистической связями, и внетекстовые – прагматические, социокультурные, исторические факторы, событийный контекст и предшествующие события. Военный медийный дискурс представлен как гибрид военно-профессионального и массово-информационного видов институционального дискурса.

В свете социокогнитивного подхода исследуются составляющие военного медийного дискурса: композиция, аргументативность, достоверность, детализация, стереотипизация и другие стратегии и приемы выстраивания военного медийного дискурса.

© Осколова Т. Л., 2020



Анализ базируется на следующих макроструктурах дискурса: топик/топики, значения дискурса, пропозиции, пресуппозиции, когеренция, или связность дискурса.

На материале новостных обзоров объемом 5000 слов автор доказывает связь медийного содержания дискурса (структуры и когерентности всех элементов дискурса, стилистических приемов, невербального оформления) с политическим и социальным контекстом событий.

Выявлены стратегии диффамации, персонификации, деперсонификации, натурализации, используемые в военном медийном дискурсе.

Ключевые слова:

военный дискурс, медийный дискурс, дискурс-анализ, манипуляция, диффамация, персонификация, когеренция дискурса, CNN, новости BBC.

UDC 81.42

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10109

SYRIAN WAR 2014–2019: ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Oskolova Tatyana Leonidovna,

Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A.I.Proshlyakova,
PhD (Edu), Associate Professor of Foreign Languages Department,
Tyumen, Russia,
ORCID: 0000-0002-5794-3101,
E-mail: oskolova@gmail.com

Article received on January 30, 2020, accepted on March 16, 2020

To cite this article: Oskolova, T.L. (2020). Sirijskaya vojna 2014-2019: diskurs angloyazychnyh SMI [Syrian war 2014-2019: English media discourse]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 126-139. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10109

Abstract

The article discusses the news of the military conflict in Syria in the English-language electronic media resources for the period 2014-2016. The object of the study is virtual communication on the topic of war at the electronic platforms of BBC news, CNN news, Washington Post.

The author aims to analyze the strategies and techniques for the development and distribution of images of public consciousness and the impact of the English electronic media on the mass audience.

According to T. van Dijk, discourse is interpreted through textual components – the heading and global units, combined by lexical, grammatical, logical and stylistic connections and non-textual – pragmatic, sociocultural, historical factors, event context and previous events. Military media discourse is presented as a hybrid of military-professional and mass-information types of institutional discourse.

The components of military media discourse are analyzed through the lenses of socio-cognitive methodology: composition, argumentativeness, reliability, details, stereotypes and other strategies and techniques used to develop military media discourse.

The analysis is based on the following macrostructures of discourse: topic / topics, values of discourse, proposition, presupposition, coherence, or discourse integrity.

Based on 5000-word news articles, the author proves the connection between the media content of the discourse (structure and coherence of all elements of the discourse, stylistic techniques, non-verbal design) with the political and social context of events.

The study revealed strategies of defamation, personification, depersonification and naturalization used in military media discourse.

Keywords:

military discourse, media discourse, discourse analysis, manipulation, defamation, personification, coherence of discourse, CNN, BBC News.

Введение

Обзор происходящих в мире военных событий международными СМИ в открытом масс-медийном интернет-пространстве служит особым средством формирования общественного мнения и воздействия на глобальную аудиторию в силу доступности и всеохватности информационной сети. В условиях геополитической борьбы за власть, ведения странами военных действий, наличия вооруженных конфликтов позиция СМИ может оказать критическое действие на взаимодействие людей и их сознание.

Явление психологических и информационных войн, разворачивающихся на новостных порталах интернет-ресурсов, принимается как данность, представление событиями СМИ носит зачастую перформативный характер, когда «эффект от действий, производимых высказываниями (словами), ничем не отличается от эффекта реальных событий» (Dijk, 2008, p. 10–13). Поскольку отражение и трансляция милитаристского опыта СМИ охватывает массовую аудиторию, военный язык, проникая из профессионально-военной и политической сфер жизнедеятельности в информационно-новостную и общественно-бытийную сферы, затрагивает вопрос взаимного влияния человеческого познания, опыта как практической основы познания и среды, в которой существует человек.

Изучение порождения и распространения военного дискурса, способного оказывать влияние на массовую международную аудиторию, обоснованно вызывает исследовательский интерес и представляет собой перспективную область для изучения.

Результаты исследования

Традиционно военный дискурс включает в себя высказывания на тему вооруженных конфликтов и проведения боевых операций из уст профессиональных военных или политиков (Карасик, 2002, с. 481). Однако сегодня данный вид дискурса вышел за рамки своего профессионального поля благодаря активному участию СМИ в освещении происходящих событий. Принято считать, что новости о военных событиях являются наиболее оперативным, лаконичным и точным способом подачи информации. Однако жанр новостных обзоров, по сути – аналитических статей о происходящем за определённые периоды времени, нацелен не только на информирование аудитории, но и обладает эмотивной и регулятивной функциями.

Обзоры военных событий приобретают все элементы медийной композиции: игру шрифтов, фотографии с эмоциональными подписями, сложные графики и диаграммы, элементы интерактивных Google-карт.

Полагаем, что дискурс о войне, излагаемый в СМИ репортерами и медийными аналитиками, представляет собой самостоятельный жанр институционального дискурса с низкой степенью ригидности, относительно нежесткой структурой, в которой, однако, присутствуют обязательные повторяющиеся элементы.

В качестве матрицы переменных дискурса в целях практического анализа придерживаемся классификации переменных дискурса, разработанной М.Л. Макаровым. В нее входит «анализ рода или жанра общения (естественный, вымышленный, инсценированный); пространственно-временные отношения участников общения; состав участников разговора; степень официальности разговора (от непринужденного и фамильярного до полуофициального и официального); социальные отношения собеседников (асимметричные в нашем случае – по возрасту, полу, статусу, отношениям к разным социальным институтам, уровню компетенции); направленности коммуникативных действий в разговоре (информативности, перформативности, эмотивности); степень знакомства собеседников (от категории «близкие люди» до категории «незнакомцы»); степень подготовленности коммуникантов (в случае военного медийного дискурса сложность для восприятия может вызвать наличие профессиональных терминов или армейских сокращений, названий военных организаций, аббревиатур, неизвестных обывателю); степень фиксированности темы и отношение общения к практической деятельности» (Макаров, 2003, с. 200–205).

Методология проведения анализа военного медийного дискурса

Соглашаясь с Е.В. Кубряковой (см. Кубрякова, 1996, с. 11) в том, что языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только на перекрестке когниции и коммуникации, полагаем, что процесс воздействия информации, транслируемой СМИ, требует анализа как непосредственно медийных текстов (в электронном или печатном виде), так и всех сопровождающих их экстралингвистических факторов.

К экстралингвистическим факторам, входящим в дискурс-анализ, европейские лингвисты причисляют исторический и социальный бэкграунд рассматриваемого фрагмента событий. Так, исследование дискурса фашизма неотделимо от исследования самого явления фашизма в историческом и современном контекстах. Анализ дискурса футбольных хроник будет неполным без погружения в тему «фабрики футбола» – истории клуба, событий вокруг описываемых матчей, социально-культурной ситуации фанатов данных клубов, и даже политической ситуации в текущий период времени (Wodak, 1999, p. 481–483).

Наряду с традиционными военными темами в СМИ возросло внимание к освещению темы гуманитаризации военного поля и нарушению гуманитарного права: тема беженцев, переселенцев, малых этносов, страдающих в результате военных конфликтов. Эта проблематика определяет применение социокогнитивного подхода к дискурс-анализу, основоположником которого является Т. ван Дейк (Dijk, 1983, 2008). Суть данного подхода – в учете множественной совокупности экстралингвистических факторов, выходящих за рамки исследуемого фрагмента дискурса. Несмотря на то что единой стандартной схемы дискурс-анализа не существует, ван Дейк выделяет базовые глобальные структуры дискурса, которые служат основой анализа для данного исследования. К ним относятся: топики, значения дискурса, пресуппозиции, когеренции. Общая тема (главный топик) дискурса складывается из суммы макропропозиций (заголовка и вводного предложения или нескольких предложений) и их соответствия каждому из выделяемых подтопиков (абзацев). Анализ когерентности дискурса проводится на уровне текста и уровне отдельных абзацев, заголовка и заключения. Выявление нарушения когерентности дискурса может свидетельствовать о скрытой манипуляции сознанием реципиента и о наличии в тексте скрытых намерений автора.

Существенно значимым остается анализ макроструктуры текста военного дискурса – размещения ключевых элементов структуры сообщения (заголовка, иллюстрации, непосредственно текста, подписи к иллюстрации), использования визуальных средств привлечения внимания читателя (возможности применения различных шрифтов, цветные выделения, средства анимации в электронных СМИ), анализ повторяемости визуальных элементов одними и теми же источниками (Макаров, 2003, с. 191–196).

Экстралингвистические факторы дискурса, такие как макетирование, размер и цвет шрифта, оформление заголовков, различные выделения, расположение текстовых блоков на странице, разрыв статьи на несколько страниц, видеоряд, иллюстрации, фотографии, графики, карты, карикатуры – присущи военному медийному дискурсу и в совокупности с лингвистическими средствами подчинены единой цели. Анализ на текстуальном уровне включает в себя структурный, лексико-семантический, риторический, стилистический и графический подвиды анализа.

Полагаем, что возможность сочетания различных современных лингвистических подходов к анализу фрагментов дискурса – историко-социального с включением исторического и социального бэкграунда, с опорой на базовый социокогнитивный подход, позволяет изучить и описать различные стратегии, технологии, алгоритмы, приемы и методы создания и трансляции новостного

военного дискурса международными СМИ в связи новостного контента с политическим, социальным и историческим контекстом.

Практический анализ медийных композиций

В целях исследования были отобраны полнотекстовые обзорные аналитические статьи, посвященные началу и развитию войны в Сирии в период с 2014 по 2019 годы. Данные тексты взяты из англоязычных электронных медиа, находящихся в открытом доступе в глобальной сети Интернет.

Исследование проводилось согласно общенаучному принципу «от общего к частному», учитывалось расположение статьи, ее структура, общая характеристика новостного портала, сведения об авторе или организации, инициирующей дискурс, техническое качество исполнения. Подготовительный этап для критического анализа дискурса включал в себя детальный языковой анализ текста каждой статьи. Основной этап анализа представляет собой обобщающее комплексное исследование военного медийного дискурса на примере четырех статей выборки общим объемом 5000 слов.

Структура и композиция военного медийного дискурса

Дискурс-композиции, принадлежащие источнику BBC News, имеют приблизительно одинаковый объем и схожую структуру. Композиция под названием «Syria: The story of the conflict» опубликована 11 марта 2016 года, состоит из 1520 слов, 6 фотографий, трех репрезентаций геополитических и географических карт местности и одного графика (см. Syria: the story of the conflict, 2016). Композиция «Why is there a war in Syria?» опубликована 25 февраля 2019 года, включает в себя 1375 слов, 7 фотографий, два фрагмента интерактивной карты с видом местности сверху, один фрагмент геополитической карты, 7 графиков и диаграмм (см. Why is there a war in Syria? 2019).

Структура аналитических обзоров типична: имеют место небольшие главы (chapters), каждая со своим подзаголовком, фотографией с поясняющей подписью и необходимыми ссылками. Примеры подзаголовков одной из композиций: 1. Uprising turns violent (1. Восстание становится жестоким); 2. Decent into civil war (2. Переход в гражданскую войну); 3. War crimes (3. Военные преступления); 4. Chemical weapons (4. Химическое оружие); 5. Humanitarian crisis (5. Гуманитарный кризис); 6. Rebels and the rise of the jihadists (6. Мятежники и восстание джихадистов); 7. Peace efforts (7. Мирные усилия); 8. Proxwar... (8. Война чужими руками) (см. Syria: the story of the conflict, 2016).

Количество подзаголовков у типичной композиции варьируется незначительно – от 7 до 8. У композиции более раннего периода (2014–2016 гг.) все подзаголовки представлены утвердительными предложениями; материал позднего периода Сирийской войны (2016–2019 гг.) оформлен риторическими вопросами. Утвердительные предложения констатируют факты, в то время как прием риторического вопроса создает эффект прямого обращения к реципиенту, как бы спрашивая читателя о причинах и следствиях войны, кто в ней виноват и когда она закончится. Подзаголовки выполняют информативную и регулятив-

ную функции, называя и выстраивая события в линейную последовательность таким образом, что у реципиента складывается понимание об их возникновении и развитии:

Uprising – civil war – war crimes – rise of the jihadists – prohuwar (восстание – гражданская война – военные преступления – восстание маджахедов – война чужими руками). Подзаголовок «Война чужими руками» несет провокационный контекст.

Композиционно-стилистической особенностью военного медийного дискурса является то, что отдельные абзацы, или главы (chapters), выражающие отдельные события, выстраиваются в дискурсивную последовательность, объединенную темпоральными и причинно-следственными связями: 1) Militants from Syria overran a Lebanese border town; 2) Islamic extremists from Syria raised fears; 3) Majority of the fighters had withdrawn; 4) People were fighting for the bread; 5) 42 wounded people evacuated; 6) Militants from Syria overran Aarsal; 7) 17 soldiers have been killed; 8) Twelve more soldiers are still missing; 9) 38 people had been killed by Wednesday; 10) Militants from the Islamic State group overran one of the last remaining army bases; 11) The militants seized the Brigad 93; 12) dozens of Syrian soldiers were killed; 13) A video showed heavily armed men with thick beards; 14) The Islamic State group, an al-Qaida break away, has seized wide swaths of Syria and Iraq.

Преобладание глаголов движения в каждом абзаце передает динамику развития военного конфликта, подготавливая реципиента к кульминативной точке. Ожидание начинается с первого абзаца, в котором говорится «The seizure of Aarsal... marked the first time that Islamic extremists... carried out a large-scale incursion into Lebanon... raised fears of a further spillover of the conflict [Захват Арсала... первый случай, когда исламские экстремисты... осуществили широко-масштабное вторжение в Ливан... и вызвали страх дальнейшего распространения конфликта]» (Why is there a war in Syria? 2019).

Апексом статьи является последний абзац, в котором говорится «The Islamic State group, an al-Qaida break away, has seized wide swaths of Syria and Iraq, where it is imposing an ultraconservative version of Muslim law, including killing people seen as apostates, and beheading and crucifying rivals [Группировка «Исламское государство»¹, отколовшаяся от «Аль-Каиды»², захватила широкие массивы Сирии и Ирака, где она навязывает ультраконсервативную версию мусульманского закона, в том числе убивает людей, которых считают отступниками, и обезглавливает и распинает соперников]. Первый и последний абзацы статьи замыкают всю композицию данного дискурса в «кольцо страха», используя при этом такие слова как «захват», «страх», «убийство людей», «пытки», «обезглавливание», «убийство детей».

Специфическая структура деления статьи на параграфы, абзацы, «chapters», каждый со своим содержанием, позволяет отобрать и подать факты и события за довольно длительный период времени таким образом, чтобы сформировать определенную версию событий и подвести к определенным выводам.

¹ Запрещена в России.

² Запрещена в России.

Стилистика военного медийного дискурса

Стиль медийных композиций отличается простотой: преобладают простые предложения и выражения общеупотребительного регистра языка: «Fighting reached the capital Damascus and second city of Aleppo in 2012 [Боевые действия достигли столицы Дамаска и второго города Алеппо в 2012 году]», «The conflict is now more than just a battle between those for or against Mr. Assad [Конфликт теперь больше, чем просто битва между теми, кто за или против мистера Асада]» (Why is there a war in Syria? 2019).

Однако имеются и сложные синтаксические структуры, и официальные обороты речи: «The UN Security Council has called for the implementation of the 2012 Geneva Communique, which envisages a transitional governing body with full executive powers “formed on the basis of mutual consent” [Совет Безопасности ООН призвал к выполнению Женевского коммюнике 2012 года, предусматривающего переходный руководящий орган с полными исполнительными полномочиями, «сформированными на основе взаимного согласия»]» (Why is there a war in Syria? 2019).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что военный медийный дискурс нацелен на широкую аудиторию и различные социальные группы реципиентов с различным образовательным уровнем.

Авторская позиция и лицо автора

Одна из исследуемых композиций написана международным журналистом Суад Мехеннет (Mekhennet, 2014) женщиной турецкого происхождения, чьи аналитические материалы на темы военных конфликтов, национальной безопасности и проблемы терроризма публикуют такие авторитетные международные издания, как Нью-Йорк Таймс, Геральд Трибьюн и NPR (Национальное Общественное Радио, крупнейшая некоммерческая организация, которая собирает и распространяет новости с 797 радиостанций США). Статья опубликована в Washington Post, заявляющей о своих демократических принципах освещения событий. Дата публикации – 18 августа 2014 года, соответствует периоду начала сирийской войны.

Медийная композиция открывается фотографией автора и информацией о нем, что, на наш взгляд, является манифестацией открытой и независимой позиции автора и издания.

Действительно, авторская позиция явно выражена: автор критикует представителей американской власти, высокопоставленных чиновников, бессильных повлиять на ситуацию распространения Исламского государства на Востоке, критикует американский подход к внешней политике: «The problem is that it is completely unreliable – and often far worse than other strategies; this approach backfires; most glaring and famous failure was in Afghanistan».

Отметим, что в данной дискурс-композиции успешно достигнуты аналитическая, информативная, эмотивная цели. Благодаря авторской подаче материала дискурс звучит как честная информация о событиях, негодование действиями США, обвинение высших прозападных элит, боль за судьбы обычных граждан, втянутых в идеологию Исламского государства.

Когеренция

Необходимо отметить высокую степень когеренции дискурса в исследуемых материалах. Ключевой элемент всей композиции статьи – заголовок, представляющий собой риторический вопрос «The terrorists are fighting us now? We just finished training them [Террористы воюют с нами? Мы только что закончили их подготовку]», ответ на который «No, the enemy of our enemy is not our friend [Нет, враг моего врага не мой друг]», приводится непосредственно перед началом статьи и одновременно выполняет несколько функций. Информирова о выраженном неприятии терроризма в любом ключе, риторический вопрос и ответ заявляют об осуждении и обвинении автором тех сил, кто сотрудничает с террористами. Кроме того, такой явно выраженный открытый протест вносит сильный эмоциональный накал и настраивает аудиторию на соответствующий тон статьи.

На семантико-лексическом уровне текст объединен лексемами геополитики, военных реалий, конкретных событий, предшествовавших войне в Сирии: «radical groups, used the vacuum of the Arab Spring, to fight for “democracy” in Libya and Syria, a jihadist agenda, joined al Nusra [радикальные группы, использовавшие вакуум «арабской весны», чтобы бороться за «демократию» в Ливии и Сирии по джихадистской программе, присоединились к аль-Нусра³]».

Высокая когеренция дискурса достигается использованием ключевых фраз, обобщающих сказанное: «Every year there are more cases in which this approach backfires / Washington and its allies empowered groups whose members had either begun with anti-American or anti-Western views or found themselves lured to those ideas in the process of fighting / Yet instead of learning from its mistakes, the United States keeps making them / thank you, Mr. President [С каждым годом появляется все больше случаев, когда такой подход приводит к обратным последствиям; Вашингтон и его союзники наделили полномочиями группы, члены которых либо начинали с антиамериканских или антизападных взглядов, либо оказывались привлеченными к этим идеям в процессе войны; тем не менее, вместо того чтобы учиться на своих ошибках, Соединенные Штаты продолжают их совершать; спасибо, господин президент]».

Аргументативность дискурса

Аргументативность материалов СМИ достигается за счет использования цитат и ссылок на такие авторитетные источники информации, как генерал Ливанской армии (Lebanon's army chief), Генерал Жан Кахваджи (Gen. Jean Kahwaji), Шейх Хуссам аль-Гали из Ассоциации мусульманских священнослужителей (Sheikh Hussam al-Ghali of the Association of Muslim Clerics), Сотрудник Красного Креста Абдулла Зогейб (Red Cross official Abdullah Zogheib).

Цитирование авторитетных источников повышает аргументативность представленной информации и компетентность мнения редакции в глазах читателей. При этом используются ссылки на неопределенного официального представите-

³ Запрещена в России.

ля: «A senior Lebanese security official said that... [Как сказал высокопоставленный сотрудник ливанской службы безопасности...]» (Syrian Islamist rebels ..., 2014).

В этом случае истинность или ложность утверждения, цитируемого изданием, не может быть подтверждена или проверена, однако она приводится в последовательном ряду цитирований с точным указанием источника, подкрепленных прямой речью, и, скорее всего, будет воспринята как еще один убедительный аргумент в материале авторитетного издания.

Усилению аргументативности служит использование **невербальных элементов дискурса** – графиков, диаграмм, интерактивных фрагментов Google-карт местности, выполненных на высоком техническом уровне.

Фотография вооруженных людей восточной внешности в военной полевой форме, идущих по всей ширине городской улицы с черными флагами и полотнищами с надписями на арабском, поясняет заголовок и сопровождается подписью «Fighters from Al Nusra Front, the al-Qaida group in the Levant, near Damascus. Their banner says, “We fight in Syria... and our eyes are on Jerusalem” [Бойцы фронта Аль-Нусра, группировки «Аль-Каида» в Леванте, недалеко от Дамаска. Их знамя гласит: «Мы сражаемся в Сирии... и наши глаза смотрят на Иерусалим»].»

Стратегии и приемы военного медийного дискурса

Наряду с высокой доказательностью, аргументативностью и когеренцией дискурса, в прессе можно обнаружить применение манипулятивных стратегий и приемов, таких как *уравнивание всех сторон конфликта, при котором подразумевается и равное право на использование военной силы, или легитимизация использования военной силы*. Подраздел статьи от 2016 г. «Descent into Civil war» (Переход к гражданской войне) перечисляет силы, присутствующие в регионе как равнозначные, игнорируя при этом значимость миротворческой миссии России: «Regime control, Rebel control, Hezbollah presence, Islamic State control, Kurdish, IS / Rebel contested / Russian control [Контроль режима, контроль повстанцев, присутствие Хезболла, контроль Исламского государства, курды, ИГИЛ⁴ / повстанцы / присутствие России]» (Syria: the story of the conflict, 2016).

На графике, сопровождающем текст, районы контроля территории Российскими войсками выделены черным цветом, что приводит к негативному восприятию информации, связанной с российскими войсками.

В подразделе «Rebels and the rise of jihad» лишь 2 абзаца из 4-х коррелируют с заявленным подзаголовком. Последние два абзаца противопоставляют действия американских и российских сил, описывая действия американских сил как нацеленные на уничтожение исключительно ИГИЛ: «In September 2014, a US-led coalition launched air strikes inside Syria in an effort to “degrade and ultimately destroy” IS. But the coalition has avoided attacks that might benefit Mr. Assad’s forces [В сентябре 2014 года возглавляемая США коалиция нанесла воздушные удары по Сирии, пытаясь «разложить и в конечном итоге уничтожить» ИГИЛ. Но коалиция избежала нападений, которые могли бы принести пользу г-ну Асаду]» (Syria: the story of the conflict, 2016).

⁴ Запрещена в России.

Российские войска обвиняются в гибели повстанцев и гражданских лиц под прикрытием борьбы с «террористами»: «Russia began an air campaign targeting “terrorists” in Syria a year later, but opposition activists say its strikes have mostly killed Western-backed rebels and civilians [Россия начала воздушную кампанию, направленную против «террористов» в Сирии год спустя, но активисты оппозиции говорят, что ее удары в основном убили поддерживаемых Западом повстанцев и мирных жителей]» (Syria: the story of the conflict, 2016).

Таким образом, выявленное нарушение когеренции дискурса между подзаголовком и текстом (уровень топика и пропозиции) позволяет обнаружить включение информации, порочащей одну из сторон-участников военных событий, или применение стратегии диффамации противника.

Стратегия персонификации

В медийном материале приводится история простого человека по имени Абу Салех, родом из города, близкого к Бенгази, который как и группа других ливийцев проходил обучение и получал поддержку в своей стране от французских, британских и американских военнослужащих и разведчиков, и впоследствии присоединился к Фронту Аль-Нусра. Мы наблюдаем здесь переход от уровня международных или национальных структур к уровню конкретного человека, такого же, как все, молодого и работоспособного – «28-year-old», жизнь которого навсегда изменили события, инициируемые американскими силами: «He had been injured during a battle with the Syrian Army, he said, and was brought to Turkey with false documents [По его словам, он был ранен во время сражения с сирийской армией и доставлен в Турцию с поддельными документами]» (см. Mekhennet, 2014). Уместная в данном случае персонификация дискурса приводит к высокоэмоциональному воздействию на реципиентов. Аудитория словно встречается лицом к лицу с человеком, обреченным на возможную скорую смерть и самому готовым нести смерть и разрушение: «First I fought under what people call the “Free Syrian Army” but then switched to Al Nusra. And I have already decided I will join the Islamic State when my wounds are healed [Сначала я сражался под тем, что люди называют «Свободной сирийской армией», но затем перешел в Аль-Нусра. И я уже решил, что присоединюсь к Исламскому государству, когда мои раны заживут]» (Mekhennet, 2014).

Обвинение в адрес США звучит рефреном на персональном уровне: «Sometimes I joke around and say that I am a fighter made by America [Иногда я шушу и говорю, что я боец, сделанный Америкой]» (Mekhennet, 2014).

Прием натурализма

Дискурс-композиции включают фотографии раненых, предположительно погибших, плачущих мирных жителей, пожилых людей, детей, детей у родителей на руках и младенцев, что не может не вызвать эмоции сопереживания, негодования, печали у аудитории.

Фотография военных вооруженных людей неопределенной принадлежности без знаков отличия используется в тексте одного из материалов с подзаго-

ловком «Who`s involved?» («Кто замешан?»), где российские войска обвиняются в гибели гражданских лиц (Why is there a war in Syria? 2019).

Достоверность и убедительность

Обращает на себя внимание использование данных о потерях убитыми и ранеными, которые очень важны в военном дискурсе.

– «At least 17 soldiers have been killed in the clashes, while 10 are still missing, along with an unknown number of policemen [По меньшей мере 17 солдат были убиты в столкновениях, в то время как 10 пропали без вести вместе с неизвестным количеством полицейских];

– The fighting trapped tens of thousands of Lebanese civilians and Syrian refugees in Aarsal... some 20 ambulances of the Lebanese Red Cross rushed into the town to evacuate 34 wounded people [В результате боевых действий в Аарсале погибли десятки тысяч ливанских гражданских лиц и сирийских беженцев... около 20 машин скорой помощи Ливанского Красного Креста ворвались в город, чтобы эвакуировать 34 раненых];

– A field hospital in Aarsal said 38 people had been killed in the fighting by Wednesday [По информации полевого госпиталя в Аарсале, в среду в ходе боев погибли 38 человек] » (Syrian Islamist rebels ..., 2014).

Такие потери военных и гражданских лиц за три дня нельзя назвать незначительными. Эти данные говорят о начале серьезной войны и обосновывают легитимность возможного стороннего вмешательства в конфликт с использованием вооруженных сил.

Заключение

Военный медийный дискурс о войне в Сирии нацелен на отражение сложных военно-политических реалий и взаимоотношений участников и наблюдателей военного конфликта. Применение социокогнитивного подхода позволило выявить, помимо информативной и аналитической функций, присутствие перформативной и манипулятивной функций.

Степень объективности военного медийного дискурса различается в зависимости не только от новостного портала, но и от личности автора материала или организации, которую он представляет.

Стиль медийных композиций отличается простотой: преобладают простые предложения и выражения общеупотребительного регистра языка, однако имеются и сложные синтаксические структуры, и официальные обороты речи, что обеспечивает доступность материала для людей разного уровня образования и социального статуса, и в то же время несет эстетический элемент.

Обзорная аналитическая медийная композиция представляет собой последовательное изложение событий, для которого характерна высокая степень когерентности, достигаемая благодаря тщательному выстраиванию дискурсов-композиции и отбору вербальных и невербальных языковых средств.

Нарушение когерентности – в большинстве случаев показатель наличия встроенных манипулятивных стратегий и приемов в композиции дискурса.

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно сказать, что англоязычный военный медийный дискурс охватывает многомиллионную глобальную аудиторию интернет-пользователей, для которых он служит основным источником знаний о военных событиях в мире. При этом, будучи выполненным на высоком техническом уровне с включением мультимедийных и интерактивных средств, он убедителен, обладает значительным потенциалом воздействия на международную аудиторию, следовательно, нуждается в критическом анализе своего содержания.

Список литературы

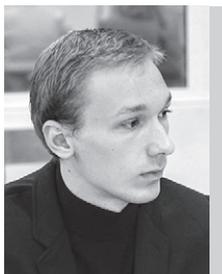
1. Карасик, В.И. (2002). *Язык социального статуса*. М.: Гнозис.
2. Кубрякова, Е.С. (1999). *Номинативный аспект речевой деятельности*. М.: Наука.
3. Макаров, М.Л. (2003). *Основы теории дискурса*. М.: ИТДГК «Гнозис».
4. Dijk, Teun A. van. (1983). *Kintsch Walter Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
5. Dijk, Teun A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge University Press.
6. Mekhennet, Souad. (2014, August 18) *The terrorists are fighting us now? We just finished training them*. Retrieved January 1, 2020, from <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2014/08/18/the-terrorists-fighting-us-now-we-just-finished-training-them/>
7. *Syria: the story of the conflict*. (2016, March 11). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26116868>
8. *Syrian Islamist rebels 'withdraw from Lebanese town after truce'*. (2014, August, 7). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-28693530>
9. *Why is there a war in Syria?* (2019, February 25). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229>
10. Wodak, R. (1999). Critical discourse analysis at the end of the 20th century. *Research on language and social interaction*, 32(1), 185–194.

References

1. Dijk, Teun A. van. (1983). *Kintsch Walter Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
2. Dijk, Teun A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge University Press.
3. Karasik, V.I. (2002). *Yazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow: Gnozis.
4. Kubryakova, E. S. (1996). *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. Moscow: Nauka.
5. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Discourse Theory] Moscow: ITDGK «Gnozis».

6. Mekhennet, Souad. (2014, August 18) *The terrorists are fighting us now? We just finished training them*. Retrieved January 1, 2020, from <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2014/08/18/the-terrorists-fighting-us-now-we-just-finished-training-them/>
7. *Syria: the story of the conflict*. (2016, March 11). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26116868>
8. *Syrian Islamist rebels 'withdraw from Lebanese town after truce'*. (2014, August, 7). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-28693530>
9. *Why is there a war in Syria?* (2019, February 25). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229>
10. Wodak, R. (1999). Critical discourse analysis at the end of the 20th century. *Research on language and social interaction*, 32(1), 185–194.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНСПОНИРОВАНИЯ КАК СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ФРЕЙМАМИ



Лопатин Святослав Вячеславович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
магистр политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: svyatoslav.vyacheslavovich@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2020, принята к публикации 16.03.2020

Для цитирования: Лопатин С.В. Специфика политического транспонирования как стратегия манипулирования политическими фреймами // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 140–152. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10110

Аннотация

Политические фреймы оказывают влияние на то, как мы определяем события и как конструируем свое последующее поведение в соответствии с этим определением. Исследование политических фреймов через призму манипулирования политическим сознанием индивида имеет огромный научный потенциал, поскольку открывает новые возможности для совершенствования технологий управления людьми. Однако потенциал этого инструмента недостаточно оценен. Несмотря на то, что манипулирование фреймами применяется во многих сферах общественной жизни, такие его механизмы, как преодоление инертности первичной системы фреймов, транспонирование значений из одной тональности в другую, подмена значений и замена прежних значений другими используются без технологически грамотной последовательности действий, а порой применяются без какой-либо стратегии. Следовательно, проведение исследований, в результате которых будут открываться все новые возможности манипулирования фреймами, является приоритетной задачей не только в зарубежной, но и в отечественной политической науке. На основании

© Лопатин С.В., 2020



этого в статье предлагается рассмотрение политического транспонирования (транспозиции) как одного из инструментов манипулирования политическими фреймами. Поскольку политическое транспонирование нацелено на проникновение в закрытую область политического сознания индивида с целью манипулирования его рамками восприятия, его первичной системой фреймов, автор исследует основные виды и механизмы данного воздействия. Исследуются следующие формы политического транспонирования: выдумка (игровое пространство, фантазия (политическое воображение), политический миф), состязание, церемониал и техническая переналадка (демонстрация, репликация и инсценировка). Особое внимание автором уделяется исследованию отличительных особенностей между политическим транспонированием и фабрикацией. В заключении статьи дан вывод о том, что субъект манипулирования при правильном использовании политического транспонирования способен организовывать реальность по собственному усмотрению.

Ключевые слова:

политическое транспонирование, манипулирование, фабрикация, фрейм, политическое сознание, политический церемониал, политическая борьба, политический миф, политическая игра.

UDC 32.019.51

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10110

THE SPECIFICS OF POLITICAL TRANSPOSITION AS A STRATEGY FOR MANIPULATING OF POLITICAL FRAMES

Lopatin Svyatoslav Vyacheslavovich,

Ural Federal University,
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
The Ural Humanitarian Institute,
Master of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: svyatoslav.vyacheslavovich@mail.ru

Article received on February 5, 2020, accepted on March 16, 2020

To cite this article: Lopatin, S.V. (2020). Specifika politicheskogo transponirovaniya kak strategiya manipulirovaniya politicheskimi frejmami [The specifics of political transposition as a strategy for manipulating of political frames]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 140-152. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10110

Abstract

Political frames influence how we define events and how we construct our subsequent behavior in accordance with this definition. The studying of political frames through the prism of manipulating the political consciousness of an individual has enormous scientific potential, as it opens new opportunities for improving people management technologies. However, the potential of this instrument is not sufficiently appreciated. Despite the fact that the use of frame manipulation is observed in many areas of public life, such its mechanisms as overcoming the inertia of the primary frame system, transposing meanings from one key to another, substitution of values and replacing old meanings with others are used without a technologically competent sequence of actions, and sometimes applied without any strategies. Consequently, conducting research, as a result of which will open new possibilities for manipulating frames, is a priority task not only in foreign, but also in national political science. Based on this, the article proposes the consideration of political transposition as one of the tools for manipulating political frames. Since political transposition is aimed at penetrating into a closed area of political consciousness of an individual in order to manipulate his perceptual framework and his primary frame system, the author explores the main types and mechanisms of this impact. The following forms of political transposition are studied: fiction (playing space, fantasy (political imagination), political myth), competition, ceremonial and technical readjustment (demonstration, replication and dramatization). The author pays special attention to the studying of the distinguishing features between political transposition and fabrication. The article concludes that the subject of manipulation, with the correct use of political transposition, is able to organize reality at its own discretion.

Keywords:

political transposition, manipulation, fabrication, frame, political consciousness, political ceremonial, political struggle, political myth, political game.

Политическое транспонирование является одним из основных видов общей стратегии манипулирования политическими фреймами¹ наряду с политическим фреймингом² и политическим рефреймингом³. Отличительной особенностью

¹ Политический фрейм представляет собой «определение политической ситуации» (И. Гофман), в основе которой лежит определенная «схема интерпретации» или «матрица возможных событий» (Г. Батыгин, В. Вахштайн). Данные механизмы воздействуют на мотивационную систему политического сознания, на основе которой формируются политические ориентации, установки и отношения к отражаемому (М. Минский и Н.В. Волосухина).

² Политический фрейминг – это комплекс последовательных действий, направленных на включение определенной области значений в политическое сознание объекта политического воздействия и усиление восприимчивости к этим и другим семантически близким значениям.

³ Политический рефрейминг – это переозначивание политической ситуации в сознании объекта воздействия, сопровождающееся сломом предыдущих значений и заменой их новыми значениями, в результате чего изменяется политическое восприятие.

политического транспонирования (или транспозиции) является переключение темы из одной тональности в другую. Данное переключение позволяет трансформировать роли, образы, действия, предметы и ситуацию в целом, уже осмысленные в базовой системе фреймов⁴ («если нет исходной схемы, то нечего переключать»), в другую систему координат, образующую некоторый мир вымысла (Лопатин, 2019, с. 69). Посредством транспонирования «настоящая», «исходная» реальность становится превращенной.

Переключение имеет как общие для всех исследований признаки, так и специфические. К общим признакам относятся (Гофман, 2003, с. 106): во-первых, переключение предполагает систематическую трансформацию из одной схемы интерпретации в другую. Во-вторых, непосредственные субъекты переключения осознают систематические перемены, преобразующие значения происходящего. В-третьих, переключение имеет временные и пространственные границы, выступающие своеобразными скобками, внутри которых и осуществляется трансформация. В-четвертых, систематическая трансформация, происходящая при переключении, не может качественно изменить отражаемую область значений. Тем не менее, даже незначительные изменения способны радикально изменить представления участников о происходящем. В-пятых, там, где уже имеет место переключение, повторная трансформация более вероятна.

Особенность политического транспонирования заключается в том, что сам процесс транспонирования является элементом фабрикация⁵, то есть целенаправленной деятельности субъекта политического воздействия по формированию у объекта воздействия ложного, иллюзорного представления о происходящем. Поскольку только субъекту воздействия – фабриканту – доступно видеть оболочку конструируемого им фрейма, объект воздействия не осознает оказываемого на него влияния, но имеет ключ к пониманию происходящего транспонирования. Применяя соответствующий транспонированию ключ к интерпретации происходящих событий, объект политического воздействия невольно оказывается включен в пространство осознаваемой и неосознаваемой формы переключения, где осознаваемая часть соотносится с общими правилами транспонирования, а неосознаваемая – со скрытыми в переключении значениями субъекта политического воздействия.

Фабрикация имеет две основные проблемы. Первая заключается в том, что фабрикант может не помнить истинные мотивы своих прошлых действий или вынужден по тем или иным причинам их изменить, и, как результат, он

⁴ Primary frame works (или первичные системы фреймов) – это система фреймов, формирующая картину мира индивида. Система, посредством которой индивид обнаруживает нечто осмысленное в тех особенностях сцены, которые в ином случае не имели бы никакого смысла.

⁵ Несмотря на то, что в рамках фрейм-анализа принято разводить понятия транспонирование и фабрикация, стратегия политического транспонирования изначально предполагает присутствие у субъекта воздействия скрытых целей и намерений. В. Вахштайн предполагает, что переключение может служить «подготовкой к фабрикации, тем самым являясь ее неотъемлемой частью. Точнее, само переключение здесь встроено в механику фабрикации». Другими словами, наше суждение основывается на том, что переключение является элементом фабрикации, ее «внешним слоем», «отвлекающим маневром».

будет вынужден произвести фабрикацию фабрикаций, что приведет к менее предсказуемым последствиям его деятельности. Вторая проблема связана с тем, что объект политического воздействия в рамках организованного транспонирования способен распознать транслируемые значения и замыслы фабриканта, в результате процесс переключения окажется неэффективным с точки зрения его манипулятивного аспекта, а само транспонирование будет раскодировано в политическом сознании объекта воздействия в качестве простого переключения в гофмановском понимании (имеются в виду общие признаки транспонирования).

Стратегия политического транспонирования основывается на том, что фабрикация структурно связана с формами переключения, которые были задействованы в определенной ситуации. Но возникает логичный вопрос о самих формах транспонирования. Согласно Гофману, в обществе наблюдаются пять основных ключей транспонирования фреймов: выдумка (имитация непревращенной деятельности в игровых целях), состязания (в которых драка становится боксом, а погоня – бегом), церемониалы (символические преобразования повседневности), техническая переналадка (репетиции, демонстрации, репликации) и пересадка (трансформация мотивов привычной деятельности) (Гофман, 2003, с. 109–145). Рассмотрим каждый из них более подробно.

Ключ «выдумка» объединяет создание вымышленных образов и показную имитацию, превращающую серьезное в несерьезное. В ключ «выдумка» входят формы организации игрового пространства, фантазии (политическое воображение)⁶ и драматургические тексты, представленные во фреймах политических мифов, политической идеологии, театре, кинематографе и т. д.

Игровое пространство как форма переключения используется в качестве вкрапления несерьезной деятельности в процессе политического взаимодействия. Например, субъект политического воздействия, превращая определенные аспекты института выборов в развлечение и игру, может не только повлиять на повышение явки избирателей, но и манипулировать итогами голосования (Вахштайн, 2011, с. 201–225). Так, на некоторых избирательных участках устраивают концерты, спортивные мероприятия, ярмарки, продажи еды и товаров, игровые комнаты для детей. Вплоть до переключения процедуры голосования на избирательном участке во фрейм «фестиваля», «празднества» и «локального торжества». Результатом данного транспонирования становится умеренно высокая явка и практически единогласное голосование. Кроме того, разыгранный перед наблюдателями и избирателями «спектакль» превращается в отвлекающий маневр для фальсификации, поскольку ключ «выдумка» задает сознательную инерцию восприятия ситуации как чего-то ненастоящего, притворного, игрового, а притворство довольно легко трансформировать дальше – в мошенничество. Другим примером использования игрового пространства в политике может служить программа «Куклы», выходившая в эфир на телеканале НТВ до 2002. Программа совмещала развлекательный и политический характер,

⁶ В исследовании мы сознательно отступаем от интерпретации фантазии (ключ «выдумка»), предложенной И. Гофманом, и заменяем ее понятием – политическое воображение. Под политическим воображением мы понимаем процесс создания новых образов политической действительности на основе переработки и творческого преобразования ранних политических представлений.

освещающая различные проблемы государства и мировой политики с иронией, сарказмом, и в карикатурной форме высмеивая известных политиков. Подобное транспонирование известных политических деятелей в игровое пространство привело к тому, что в 1995 году против создателей программы было возбуждено уголовное дело по статье «Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Программа существенно подорвала авторитет политических деятелей в глазах людей, несмотря на ее игровую форму. В 2002 году программа «Куклы» была закрыта.

Политическое воображение как форма «выдумки» имеет несколько видов: «непроизвольный (бесплодное фантазирование, уводящее человека от действительности) и произвольный (сознательное формирование политических образов в соответствии с целями и задачами деятельности). Последнее делится на воссоздающее (построение политических образов на основе опосредствованной знаковой информации) и творческое (создание принципиально новых политических образов)» (Бозаджиев, 2014, с. 213). Примером произвольного творческого политического мышления является конструируемая область политических значений в виде идеальных, с точки зрения автора, общественных отношений, модели общества и государства, претендующих на стирание различий между реальностью и воображением. Так, аристократическая республика Платона, полития Аристотеля, добродетельный город-государство Аль-Фараби, «Город Солнца» Кампанеллы, «Утопия» Мора, фаланги Фурье, теория общественного договора Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, коммунизм в представлении К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, «Проект Венера» Ж. Фреско и другие проекты сознательно рассматривались и рассматриваются людьми в качестве прямого руководства и движущей силы к организации общественных отношений. Проект идеального общества, порожденного авторским политическим воображением, становится инструментом манипулирования политическим сознанием объекта воздействия посредством транслирования и адаптации соответствующих этому проекту значений.

Еще одной формой политического воображения является политический миф. Появление мифологии как формы сознания связано с эмоциональным и чувственным восприятием человеком окружающей действительности и отсутствием выделения индивида из природной и социальной среды. В связи с этим осуществлялись попытки очеловечивания окружающей природной среды (приписывание природным объектам жизни, собственных свойств, человеческих чувств). При этом уже тогда миф не только объяснял окружающую реальность, но и оказывал обратное воздействие на человека, определяя его жизнь, духовный мир и поведенческие установки. На основе мифологического сознания постепенно складывается религиозный взгляд на мир и сопутствующий ему тип мироощущения. Появление политической мифологии восходит к возникновению самой политики, сопровождающейся мифами о космической природе власти, о золотом веке, о природной иерархии и необходимости подражания природе, о народном правлении и т. д. В современном мире политический миф все чаще используется в противоположных целях — для контроля над массами, подавления их активности. Политический миф является средством манипулирования массовым сознанием, особой политической технологией, позволяющей упорядочить и интерпретировать различные факты, события и явления политической

действительности, структурировать видение коллективного настоящего и будущего для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства (Цуладзе, 2003, с. 359–374). В качестве примера подобных мифов можно привести миф о нейтралитете основных социальных институтов. Его главная цель – создание в общественном мнении представления, что правительство, система образования, наука находятся за рамками конфликтных социальных интересов, и что никакие частные группы или интересы не оказывают доминирующего влияния на важные процессы принятия решений в стране. Такое представление обеспечивает легитимность существующей власти и способствует ее укреплению.

Ключ «политического состязания» представляет собой переключение образа драки первичной системы фреймов в форму «организованной политической борьбы». Данный ключ, с одной стороны, в соответствии со своим изначальным образом имеет определенную цель – ощущение риска и неопределенности обстоятельств, с другой стороны, являясь продуктом транспонирования, имеет определенные институциональные границы, что отличает его от формы «игрового пространства». «Политическая борьба» институционализируется, то есть стабилизируется вместе с ареной действия (пространственно-временного признака) посредством введения формальных правил взаимодействия. Гофман по этому поводу пишет, что «по мере формализации правил, игра становится все менее и менее похожей на повседневную деятельность и все больше превращается в самостоятельную первичную систему фреймов» (Гофман, 2003, с. 119).

Целью «политической борьбы» является получение, упрочение и увеличение политической власти, которая соответствует политическому статусу, занимаемому субъектом на политическом поле. Субъектами «организованной политической борьбы» могут выступать: отдельные индивиды, политические движения, политические партии, общественно-политические организации, группы давления, политические элиты, политические институты, нации и этнические группы как субъекты политики и т. д. Важно заметить, когда цели субъектов «институционализированной политической игры» удовлетворяются, субъекты не склонны уступать свою политическую позицию на политическом поле, а стремятся к удержанию и расширению своей политической власти. Для них «политическая борьба» становится чем-то большим, нежели просто соперничеством за статус. «Политическая борьба» как форма «организованной политической игры» превращается в ценность саму по себе (Сарычев, 2008, с. 30).

Субъект политического воздействия, манипулируя ключом «политической борьбы», способен организовывать политическое соперничество между муниципальными органами власти, между муниципальной и региональной элитой, между группировками внутри политической партии, между коалиционными политическими партиями, между нациями и этносами, между государствами и т. д. История знает множество таких примеров. Так, Римская республика, стремясь подчинить Галлию, сталкивала между собой отдельные германские племена посредством найма на службу, предоставления привилегий и заключения союза с одними племенами, и одновременно пренебрегая другими племенами. В геополитике существует даже специальная тактика, которая называется «*Divide et impera*». Она подразумевает использование противоречий между отдельными государствами, а иногда и регионами большой страны. При этом противоре-

чия могут создаваться искусственно и внедряться пропагандой, в результате чего происходит возникновение конфликтной ситуации, способной перерасти в открытый политический конфликт. Не будем вдаваться в моральные оценки применения «*Divide et impera*», а констатируем, что данная тактика активно используется в современной геополитике. Благодаря этой тактике на карте существует множество государств-лимитрофов.

Ключ «политического церемониала» фреймирует участников с помощью временного их отделения из повседневной жизни в сценическое воплощение ролей, демонстрируя этим образцы надлежащего поведения. Политический церемониал – сценическое представление, создаваемое по заранее разработанному сценарию, призванное узаконить действующую власть, повысить уровень легитимности действующей политической власти и солидарности общества. Латентные значения церемониала раскрываются через концентрацию смысла происходящего в конкретном действии. Примерами воздействия политического церемониала могут служить: церемониал присяги – формирование будущего солдата; присуждение ученой степени – превращение человека в доктора наук; церемония вручения государственной награды – признание заслуг действующим правительством. Также Виктор Вахштайн замечает, что ключ «церемониал» применим и к процедуре голосования, в результате чего наблюдается усиление солидарности сообщества (см. Вахштайн, 2011, с. 209–212).

В средние века и Новое время политический церемониал коронации способствовал сакрализации политической власти монархов. Разрабатываемый сценарий церемонии и поиск необходимых к нему атрибутов продумывались таким образом, чтобы наследник престола качественно менял фрейм своего статуса и положения и приобретал принципиально новые значения в глазах приближенных. Историк Е. Н. Шайхутдинова уверена, что «совместная деятельность представителей католического духовенства и высшей знати в раннее средневековье сделали коронацию важнейшим таинством, формировавшим вокруг преемника трона ореол святости и богоизбранности» (Шайхутдинова, 2015, с. 61).

Государь признавался благословленным Всевышним на правление монархом. Именно поэтому для изменения восприятия подданными королевского статуса, укрепления авторитета и демонстрации близости короля к подданным часто использовали инструмент церемониала. В качестве примера современных политических церемониалов коронации можно привести церемонию коронации британских монархов, которая является важнейшим институтом при монархии, определяющим, кто будет формальным главой государства. Многие люди благодаря этому событию переживают эстетическое возбуждение и патриотическое единение, поскольку «в этой церемонии закрепляется мистическое качество преемственности во времени – кристаллизуются его организация и ценности, имеющие фундаментальное значение для представления о себе любого общества, будь то современное, архаическое или примитивное» (Шайхутдинова, 2015, с. 46).

«Техническая переналадка» – собирательный ключ для обозначения презентаций различных отрезков повседневной деятельности в виде демонстраций, репликации и инсценировок. Техническая переналадка преимущественно является средством информирования, убеждения и побуждения объекта политического воздействия посредством превращения реальной ситуации в ее сценическое изображение. В геополитике примером политической демонстрации могут

служить военные учения, заключение соглашений между государствами (формально – с целью совместных действий по решению общих политических, экономических и военных задач, неформально – демонстрация силы, расширение геополитической мощи), дипломатия канонерок⁷ и т. д. Один из случаев применения дипломатии канонерок произошел в начале 2018 года, когда в порт Дананга прибыл в сопровождении эскорта кораблей 7-го Тихоокеанского флота США один крупнейший атомный авианосец – Carl Vinson. Авианосец больше двух месяцев нес боевое дежурство в Южно-Китайском море и 16 февраля побывал в порту Манилы. Одной из целей ВМС США, по заявлениям официальных представителей, является демонстрация мощного военного присутствия США в Южно-Китайском море.

Проблема использования инструмента политической демонстрации – ключа «техническая переналадка» заключается в том, что данная форма фреймирования применяется совместно с другими формами транспонирования. Так, например, реконструкция «Боя за Берлин и штурм Рейхстага»⁸ сочетает в себе несколько форм транспонирования: а) организацию игрового пространства; б) реконструкцию военного конфликта; в) демонстрацию преемственности великого исторического наследия и сильного морального духа личного состава армии⁹; г) репликацию как форму активизации исторической памяти. Следовательно, публичная политическая акция не состоит из коммуникаций только одного типа. Это подтверждает и Михаил Агапов, который в своих исследованиях анализировал наложение различных порядков коммуникации друг на друга в условиях действий противоположных политических сил. Согласно выводам автора, результатом наложения порядков коммуникации становится или наслоение (layering) контекстов взаимодействия, усложняющее структуру контекстуализации события, или интерференция, ослабление, которое приводит к утрате определенности и ясности ситуации (misframing) (Агапов, 2013, с. 47). Одна из форм подобных наслоений рассматривается М. Агаповым на примере митинга «За честные выборы», проходившие в Тюмени в 2011 и 2012 годах. Автор выделяет два фрейма идентичностей участников митингов: «партийные активисты» и «новые митингующие». Первые – при организации публичного политического действия использовали фрейм действия (транспонирования) «закрытого театрализованного ритуализированного представления», предполагающего вовлечение участников коммуникации в театральные спектакль в качестве актеров, рабочих сцены и зрителей. Для «партийных активистов» был важен сам факт присутствия. «Новые митингующие» использовали преимущественно форму демонстрации ключа «техническая переналадка», предполагающую превращение участников в политических демонстрантов, передающих сообщение, и аудиторию, которой это сообщение передается. Результатом взаимодействия

⁷ Дипломатия канонерок – дипломатия, подкрепленная демонстрацией угрозы применения военно-морской силы одним государством с целью навязать свои интересы другому государству.

⁸ Историческая реконструкция Берлинской стратегической наступательной операции 1945 года, проходившая в подмосковном парке «Патриот» 23 апреля 2017 года.

⁹ Моральный дух личного состава (также воинский дух) – совокупность моральных и психологических качеств, которые определяют боеспособность армии, флота и авиации.

модусов фреймов идентичностей во фрейме публичной акции «За честные выборы» стало оттеснение «партийными активистами» (в переключении «хорами») «новых митингующих». Агапов справедливо отмечает, что «перехват протеста стал следствием не столько того, что организация протеста постепенно перешла из рук гражданских активистов к партийным, а того, что формат воспроизводимых последними порядков коммуникаций для «новых митингующих» оказался неприемлемым» (Агапов, 2013, с. 55).

Репликация как форма «технической переналадки» – это манипулятивное воспроизведение определенных событий и ситуаций, используемое для того, чтобы конституировать их как факт прошлого. Репликация представляет собой документальный исторический фрейм прошлого, отличающийся от политической демонстрации тем, что он воспроизводит факты, происходившие в действительности. Но вопрос заключается в том, насколько документальный фрейм может оказаться политизированным.

В отечественной политологии принято использовать специальные понятия для обозначений политизации истории: «политика памяти» и «историческая политика». Несмотря на тождественность их употребления, определим каждое из них отдельно. Понятие «историческая память» было введено Юргеном Хабермасом для обозначения «интерпретации истории, избранной по политическим мотивам, и попыток убедить общественность в правильности такой интерпретации» (Миллер, 2009). Теоретиком концепта «политики памяти» является Пьер Нора. Данный концепт подразумевает схожее определение: продуманная система «форм и способов интерпретации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа» (Русакова, 2012, с. 70). Следовательно, «историческая память» («политика памяти») является инструментом манипулирования историческими фреймами посредством акцентирования внимания на одних сюжетах истории и на замалчивании или маргинализации других. Средствами манипулирования могут служить:

а) организация институтов национальной памяти (например, Польский Институт национальной памяти (ИНП));

б) создание специальных музеев под прямым патронатом определенных политических сил (например, Музей варшавского восстания, Дом террора в Будапеште, музеи оккупации на Украине, в странах Прибалтики);

в) принятие законов, закрепляющих ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную (например, закон «О голодоморе 1932–1933 годов в Украине», введение уголовной ответственности в Литве за «одобрение советской и нацистской агрессии» и так называемые «законы памяти» во Франции, предусматривающие наказание за отрицание преступлений против человечества);

г) использование финансовых рычагов (финансирование проектов, осуждаемых по политическому заказу, предоставление высокооплачиваемых должностей и т. п.);

д) ограничение доступа к архивам (в России до сих пор закрыты некоторые советские архивы) (Миллер, 2009).

Основываясь на этом, можно заключить, что репликация как форма политического транспонирования может быть использована в качестве инструмента фреймированного воздействия на политическое сознание объекта политического воздействия.

Последний ключ, выделяемый Гофманом, называется «пересадкой». Несмотря на широкий к нему интерес со стороны исследователей фрейм-анализа, данный ключ имеет две проблемы. Первая проблема связана с его концептуализацией. Вторая – соотносится с тем, что данный ключ не содержит скрытых оснований для манипулирования, поскольку вовлечение объекта воздействия в какую-либо деятельность (во внешнее представление) имеет определенную прозрачность осуществляемого влияния. Следовательно, эффективность манипулирования имеет крайне низкий показатель. Основываясь на этом, анализ данной формы транспонирования с точки зрения его манипулятивных функций и возможностей не представляет исследовательского интереса.

Проанализировав основные ключи политического транспонирования, можно умозаключить, что субъект политического воздействия в своем технологическом арсенале возможностей для манипулирования политическим сознанием имеет эффективные стратегии преобразования окружающей действительности. Субъект политического воздействия с целью включения в политическое сознание объекта воздействия соответствующих его замыслам и целям значений способен организовывать реальность по собственному усмотрению. Он может создать реальность «политической игры» с целью скрытого манипулирования результатами выборов, может создать фрейм «политической борьбы» между политическими акторами, которые ранее находились в одном политическом лагере, способен организовать новую форму «политического церемониала» для обоснования своего права на политическое управление или организовать «политическую демонстрацию» для представления определенных значений и убеждения аудитории в их необходимости. Другими словами, стратегия политического транспонирования является эффективным и разносторонним инструментом манипулирования политическим сознанием.

Список литературы

1. Агапов, М.Г. (2013). Перехват протеста: фрейм-анализ публичной акции. *Социология власти*, 13, 45–57.
2. Бозаджиев, В.Л. (2014). Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 4, 212–214.
3. Вахштайн, В.С. (2011). *Социология повседневности и теория фреймов*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
4. Гофман, И.Г. (вступ. статья Батыгин, Г.С.). (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова (Ред.). (Пер. с англ. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова). М.: Институт социологии РАН.
5. Лопатин, С.В. (2019). Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(34), 68–77. doi: 10.17506/dipi.2019.34.1.6876
6. Миллер, А. (2009). Россия: власть и история. *Pro et Contra*, 3–4. Взято с <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>
7. Русакова, О.Ф. (2012). Политика памяти в контексте современных реалий. *XV Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана*

«Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 20–23 марта 2012 г. Екатеринбург (с. 70–75).

8. Сарычев, О.В. (2008). Политическая игра: к вопросу о сущности понятия. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 2, 29–36.

9. Цуладзе, А.М. (2003). *Политическая мифология*. М.: Эксмо.

10. Шайхутдинова, Е.Н. (2015). Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее Новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XXI – начала XXI в. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3–2(63), 61–64.

References

1. Agapov, M.G. (2013). Perekhvat protesta: frejm-analiz publichnoj akcii [Intercepting a protest: frame analysis of a public action]. *Sociologiya vlasti*, 13, 45–57.

2. Bozadzhiev, V.L. (2014). Politicheskoe myshlenie i politicheskoe voobrazhenie kak komponenty politicheskoy psihiki [Political thinking and political imagination as components of the political psyche]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 4, 212–214.

3. Culadze, A.M. (2003). *Politicheskaya mifologiya* [Political mythology]. М.: Эксмо.

4. Gofman, I.G. (with Batygin, G.S.). (2003). *Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames: essays on the organization of everyday experience]. G.S. Batygin, & L.A. Kozlova (Eds.) (G.S. Batygin, & L.A. Kozlova, Trans.). М.: Institut sociologii RAN.

5. Lopatin, S.V. (2019). Politicheskij frejming kak strategiya manipulirovaniya politicheskim soznaniem [Political framing as a strategy for manipulating political consciousness]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(34), 68–77. doi: 10.17506/dipi.2019.34.1.6876

6. Miller, A. (2009). Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: power and history]. *Pro et Contra*, 3–4. Retrieved from <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>

7. Rusakova, O.F. (2012). Politika pamyati v kontekste sovremennyh realij [Memory policy in the context of modern realities]. *HV Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya»*, 20–23 marta 2012 g. Ekaterinburg (pp. 70–75).

8. Sarychev, O.V. (2008). Politicheskaya igra: k voprosu o sushchnosti ponyatiya [Political game: to the question of the essence of the concept]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2, 29–36.

9. Shajhutdinova, E.N. (2015). Znachenie publichnyh torzhestvennyh ritualov v processe sakralizacii vlasti monarhov v srednie veka i rannee Novoe vremya v issledovaniyah britanskih i amerikanskih uchenyh konca XXI – nachala XXI v. [The significance of public ceremonial rituals in the process of sacralizing the power of monarchs in the middle ages and early Modern times in the research

of British and American scientists of the late XXI – early XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3–2(63), 61–64.

10. Vahstajm, V.S. (2011). *Sociologiya povsednevnosti i teoriya frejmov* [Sociology of everyday life and frame theory]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РИСКИ И СТРАТЕГИИ СТАБИЛИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*



Суслов Иван Владимирович,

Саратовская государственная юридическая академия,
кандидат социологических наук, доцент,
Саратов, Россия,
ORCID:0000-0003-0991-6368,
E-mail: suslov85@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 06.02.2020, принята к публикации 17.03.2020

Для цитирования: Суслов И.В. Религиозные риски и стратегии стабилизации в дискурсе региональных информационных агентств Нижнего Поволжья // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 153–164. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10111

Аннотация

2000-е годы стали временем нарастания этнополитического кризиса. Российская власть в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики приступила к укреплению чувства общероссийского единства в полиэтничном обществе, что подразумевало также и формирование позитивных межконфессиональных отношений. Однако всплеск террористической активности в контексте глобализационных процессов и цифровизации общества стал фактором роста межконфессиональной напряженности, связанной с негативным восприятием ислама. Серьезное влияние на формирование исламофобии оказывают средства массовой информации. В рамках настоящей статьи будет проанализировано инфор-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389.

© Суслов И.В., 2020



мационное пространство Нижнего Поволжья, определены интенсивность и характер информационных сообщений, затрагивающих тему религиозной безопасности, а также особенности репрезентации ислама как угрозы.

Процесс создания медиаобраза межконфессиональных отношений в Нижнем Поволжье изучен с помощью контент-, интент- и дискурс-анализа содержания печатных и интернет-изданий региональных СМИ (Astrakhanpost.ru, Волга, Punkt-a.info, ИА Высота 102, V1.ru, Bloknot-volgograd.ru, Регион 64, Взгляд Саратов, РБК-Саратов) за 2010–2019 гг.

В фокус анализа попали статьи и сообщения, посвященные межконфессиональным отношениям, напряженности и конфликтам, религиозному экстремизму и фундаментализму, исламу и прозелитизму новых религиозных движений. Ключевые слова помогли отобрать статьи, появившиеся в СМИ Нижнего Поволжья. Таким образом, всего было проанализировано 410 публикаций, размещенных на девяти информационных порталах с января 2010-го по июль 2019-го гг. Объектом исследования оказывается информационная повестка дня, связанная с проблематикой религиозных угроз и безопасности. Единицей контент-анализа стали субъекты политики (государственные структуры, религиозные, научно-исследовательские и другие общественные организации), чья деятельность актуализировала религиозную проблематику в информационном пространстве региона. Единицей дискурс-анализа является образ субъекта религиозной угрозы. В ходе анализа было выяснено, что в 2010-е годы произошла эволюция представлений об источнике и форме опасности, актуальной для религиозной сферы.

Средства массовой информации способны как усилить межконфессиональное напряжение, так и предложить читателям медиаобраз доверительных межконфессиональных взаимодействий. Например, упоминание в статьях религиозной принадлежности террористов способствует усилению исламофобии общественного мнения. Напротив, информационные сообщения, в которых освещаются мероприятия, связанные с профилактикой религиозных рисков, способствуют формированию положительной повестки дня, появлению у читателей надежды на создание позитивных межконфессиональных отношений в будущем.

Ключевые слова:

религиозные риски, межконфессиональная напряженность, дискурс-анализ.

RELIGIOUS RISKS AND STABILIZATION STRATEGIES IN THE DISCOURSE OF REGIONAL INFORMATION AGENCIES OF THE LOWER VOLGA REGION

Suslov Ivan Vladimirovich,

Saratov State Law Academy,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
ORCID: 0000-0003-0991-6368,
Saratov, Russia,
E-mail: suslov85@inbox.ru

Article received on February 6, 2020, accepted on March 17, 2020

To cite this article: Suslov, I.V. (2020). Religioznye riski i strategii stabilizatsii v diskurse regional'nykh informatsionnykh agentstv Nizhnego Povolzh'ya [Religious risks and stabilization strategies in the discourse of regional information agencies of the lower Volga region]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 153-164. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10111

Abstract

The 2000s became a time of growing ethno-political crisis. The Russian government, in the framework of the implementation of the Strategy of State National Policy, has begun to strengthen the sense of all-Russian unity in a multi-ethnic society, which also implied the formation of positive interfaith relations. However, the surge in terrorist activity in the context of globalization processes and the digitalization of society has become a factor in the growth of interfaith tensions associated with a negative perception of Islam.

The process of creating a media image of inter-confessional relations in the Lower Volga region was studied using content, intent and discourse analysis of the contents of printed and online publications of regional media (Astrakhanpost.ru, Volga, Punkt-a.info, IA Vysota 102, V1.ru, Bloknot-volgograd.ru, Region 64, View of Saratov, RBC Saratov) for 2010-2019.

The focus of the analysis was on articles and reports on interfaith relations, tension and conflict, religious extremism and fundamentalism, Islamism and proselytism of new religious movements. Keywords helped select articles that appeared in the media of the Lower Volga. Thus, a total of 410 publications were posted on nine information portals from January 2010 to July 2019. The object of the study is the information agenda related to the problems of religious threats and security. The unit of content analysis

was political actors (government agencies, religious, research and other public organizations), whose activities actualized religious issues in the information space of the region. The unit of discourse analysis is the image of the subject of religious threat. The analysis revealed that in the 2010s there was an evolution of ideas about the source and form of danger relevant to the religious sphere.

A serious influence on the formation of Islamophobia is provided by the media. In the framework of this article, the information space of the Lower Volga Region will be analyzed, the intensity and nature of information messages affecting the topic of religious security, as well as the features of the representation of Islam as a threat, will be determined. The media can both increase interfaith tension and offer readers a media image of trusting interfaith interactions. For example, the mention of terrorist religious affiliation in articles contributes to the increase of Islamophobia in public opinion. On the contrary, news reports covering events related to the prevention of religious risks contribute to the formation of a positive agenda, the appearance of readers' hope for the creation of positive interfaith relations in the future.

Keywords:

religious risks, interfaith tension, discourse analysis.

Введение

Этноконфессиональное разнообразие для России традиционно выступало в качестве ресурса развития и источника напряжения. В начале XXI века усилилось значение религии как фактора общественно-политической дестабилизации. В первую очередь это было связано с активизацией деятельности транснациональных террористических организаций, опирающихся на идеи радикальных исламских течений. Фобии, связанные с терроризмом, способствовали формированию негативного образа мигрантов из мусульманских регионов Кавказа и Средней Азии.

Исследование содержания СМИ позволяет определить повестку дня, которую задают журналисты – четвертая власть. Как отмечал Г. Блумер (2001), «социальная проблема не существует для общества до тех пор, пока общество не признает, что она существует» (с. 151). Основные выводы, полученные благодаря анализу СМИ, заключаются в изучении медиаобразов информационной политики, моделях освещения социальных проблем. Выбор той или иной модели репрезентации социальных проблем региональными СМИ может быть объяснен с привлечением социально-политического контекста, актуального для изучаемого региона. Другими словами, способ освещения в СМИ религиозных угроз позволяет охарактеризовать общий социально-политический контекст религиозной безопасности.

Данный подход близок и ориентируется на концепцию Норманна Фэркло, предложившего анализ собственно текста высказывания, затем его контекста, а также сопутствующих ему социальных практик (см. Fairclough, 2003, p. 41).

В подобном русле работают многие исследователи, утверждающие о наличии определенных идеологий и подходов у различных игроков политиче-

ского поля (Бардин, Кокарева, Михайлова, 2014, с. 130–140). Контент-анализ московской прессы о проблемах реновации позволил Н. Абрамовой (2018), «отследить изменения в информационной кампании в СМИ на трех выделенных этапах, выявить проблемные ситуации и темы, вызывающие социальное напряжение, а также альтернативные варианты решений и общественные инициативы» (с. 158).

Анализ статей девяти наиболее популярных информационных изданий Нижнего Поволжья позволил выявить основные тенденции и черты регионально-дискурсивного поля, в конструировании которого ведущую роль играют СМИ. Характер медийного обсуждения религиозной безопасности в первой и во второй половинах 2010-х годов существенно различается. Своеобразным водоразделом является 2014 год, когда статьи на интересующую нас проблематику почти полностью исчезают со страниц информационных агентств Нижнего Поволжья (видимо, проигрывая конкуренцию украинским новостям). В 2015 году в связи с началом активных боевых действий России на Ближнем Востоке меняется формат медийного освещения проблем религиозной безопасности.

Объектом исследования оказывается информационная повестка дня, связанная с проблематикой религиозных угроз и безопасности. Единицей контент-анализа стали субъекты политики (государственные структуры, религиозные, научно-исследовательские и другие общественные организации), чья деятельность актуализировала религиозную проблематику в информационном пространстве региона. Единицей дискурса-анализа является образ субъекта религиозной угрозы. В ходе анализа было выяснено, что в 2010-е годы произошла эволюция представлений об источнике и форме опасности, актуальной для религиозной сферы. В процессе интент-анализа обращалось внимание на предлагающиеся стратегии поддержания конфессиональной безопасности, борьбы с религиозными угрозами. Единицей счета стало информационное сообщение, опубликованное ведущими СМИ регионов Нижнего Поволжья.

В фокус анализа попали статьи и информационные сообщения, посвященные межконфессиональным отношениям, напряженности и конфликтам, религиозному экстремизму и фундаментализму, исламизму и прозелитизму новых религиозных движений. Ключевые слова помогли отобрать статьи, появившиеся в СМИ Нижнего Поволжья. Таким образом, всего было проанализировано 410 публикаций, размещенных на девяти информационных порталах с января 2010-го по июль 2019-го гг.

Результаты исследования

Формирование общенационального доверия затрудняется стигматизацией в массовом сознании жителей Кавказа и Средней Азии как сторонников ваххабитских идей. Сильное влияние на общественное мнение оказывают средства массовой информации. Действительно, в дискурсе СМИ Нижнего Поволжья в первой половине 2010-х годов проблемы религиозной безопасности в первую очередь ассоциируются с распространением ваххабитских идей вместе с мигрантами из мусульманских регионов. Однако освещение данной проблемы имеет свою региональную специфику. Астраханская, волгоградская, саратов-

ская области занимали разные позиции по шкале актуальности и остроты угроз религиозной безопасности. Астраханский регион, по всей видимости, являлся наиболее проблемным.

С декабря 2010 по февраль 2014 года в астраханских информагентствах было опубликовано двадцать три сообщения, посвященных проблемам религиозной безопасности. Во всех статьях исламский радикализм выступает в роли источника угрозы. Двенадцать статей (из двадцати трех) посвящены терактам, что является достаточно высоким показателем. Сообщения о терактах, тревожащие общественное сознание, указывают на серьезные проблемы в сфере региональной системы безопасности. Образ исламской религии в информационном пространстве Астраханской области помещается в негативный контекст. Следует говорить о важном вкладе региональных СМИ в усиление исламофобии.

В трех волгоградских СМИ за первую половину 2010-х годов на тему религиозной безопасности было опубликовано тридцать два сообщения, из них двадцать посвящены опасностям, исходящим от радикального ислама, и двенадцать – «Свидетелям Иеговым»¹. Информационными поводами (в 2010–2011 гг.) для освещения проблем, связанных с исламским радикализмом (терактами, пропагандой экстремистских идей), были исключительно события, произошедшие в Астрахани. Теракт в волгоградском автобусе в 2013 году привлек внимание журналистов к региональной обстановке и актуализировал проблему участия неофитов в деятельности радикальных псевдорелигиозных террористических организаций. С января 2014 по июль 2015 года (на полтора года) наступает затишье, проблема религиозной безопасности перестает освещаться волгоградскими информационными агентствами.

В саратовских информагентствах в первой половине 2010-х исламский фактор религиозной безопасности оказывался в фокусе внимания пятидесяти четырех сообщений. Это больше, чем в астраханских и волгоградских СМИ вместе взятых. Однако до сентября 2015 года проблем с исламским радикализмом Саратовская область не испытывала. Было опубликовано всего шесть сообщений о нейтрализации правоохранительными органами агентов экстремистских организаций. Саратовские медиа активно реагировали на события, произошедшие за пределами региона. Читателей информагентств знакомили с мнениями экспертов из Татарстана и Москвы (!), которые, рассказывая о проблемах Татарстана, одновременно критиковали саратовских религиозных лидеров в скрытой поддержке ваххабизма и других радикальных течений (Мукаддаса Бибарсова обвинили ..., 2012). Саратовские мусульмане в свою очередь упрекали экспертов-политологов и федеральные СМИ (в том числе и Первый канал) в разжигании исламофобии.

В саратовском информационном пространстве в первой половине 2010-х годов шла дискурсивная борьба, связанная с определением места и роли исламского духовенства в поддержании религиозной безопасности. Спецификой публичного медийного пространства Саратовской области является активное освещение позиции мусульманских священников. Точка зрения последних была представлена в четырнадцати сообщениях из пятидесяти четырех (что со-

¹ Запрещена в России.

ставляет около 25 % от количества статей, вышедших в обозначенный период). Основной тезис исламского духовенства был сформулирован главой Духовного управления мусульман по Саратовской области. Мукаддас Бибарсов обращал внимание на целенаправленное конструирование негативного образа мусульман, ислама и опасные последствия исламофобии. Ислам в качестве источника угрозы в первой половине 2010-х годов представлялся в девятнадцати информационных сообщениях (35 %).

Таким образом, в первой половине 2010-х годов безальтернативное ассоциирование ислама с угрозами религиозной безопасности зафиксировано в Астраханском медийном дискурсе. Сообщения о готовящихся и совершенных терактах, задержаниях и иных профилактических мероприятиях способствуют формированию исламофобии в массовом сознании. Стратегия освещения проблем религиозной безопасности в волгоградской области близка к астраханской. В то же время в саратовском регионе (с наименьшей террористической активностью) мусульманское духовенство широко представлено в публичном пространстве, имеет возможность высказывать альтернативную точку зрения, протестовать против (и указывать на опасность) нарочитого подчеркивания религиозной принадлежности террористов и их сподвижников. Кажется, что саратовская медийная стратегия в первой половине 2010-х годов являлась более взвешенной и соответствующей задачам выстраивания межрелигиозного диалога и снижения межконфессиональной напряженности.

С сентября 2015-го года наблюдается изменение формата освещения проблем, связанных с религиозной безопасностью в Нижнем Поволжье. Регион становится ареной борьбы правоохранительных органов с агентами внешних террористических организаций (преимущественно ближневосточных). Характер угроз во второй половине 2010-х гг. существенно трансформируется.

Саратовские СМИ почти каждый месяц с осени 2015-го вплоть до конца 2018 года публикуют материалы, посвященные непосредственным задержаниям и разоблачениям исламских радикалов или профилактическим мероприятиям (которые практически полностью отсутствовали в первой половине 2010-х гг.). За сорок месяцев в трех саратовских информагентствах появилось сорок четыре материала, выставяющих ислам в качестве источника дестабилизации религиозной сферы.

Двадцать семь информационных сообщений были посвящены деятельности правоохранительных органов, что представляло ислам в негативном свете. Обсуждение отрицательных последствий исламофобии (которое активно проходило в первой половине 2010-х годов) почти полностью исчезло из информационного поля саратовского региона. Лишь в апреле 2016 года в РБК-Саратов вышла статья о журналистке-мусульманке, которая противодействует исламофобии, рассказывая о жизни мусульман в своем блоге. В мае 2016 года опубликовано сообщение о строительстве в Татарстане православной церкви на деньги мусульман, в сентябре 2016-го Мукаддас Бибарсов призвал не отождествлять ислам и терроризм. Систематичность освещения проблемы создает атмосферу постоянного напряжения. Следует учесть, что с конца 2013 года по сентябрь 2015 проблема исламского радикализма полностью отсутствовала на страницах саратовских СМИ.

Во второй половине 2010-х проблемы религиозной безопасности стали освещаться астраханскими информагентствами также существенно активней. Количество сообщений, посвященных угрозе исламского радикализма, в три раза превысило показатели первой половиной 2010-х годов (семьдесят против двадцати трех).

В двадцати семи сообщениях из сорока пяти, опубликованных с мая 2015 по октябрь 2017 (за тридцать месяцев), то есть в среднем по одному сообщению в месяц, сообщалось о вербовке в террористические организации, придерживающиеся радикального течения ислама. Это тема стала, безусловно, информационным лидером в астраханских СМИ. Место тревожных сообщений о терактах (частых в первой половине 2010-х годов) занимают новости о непосредственном участии жителей Астрахани в боевых действиях на Ближнем Востоке на стороне террористических организаций (одиннадцать сообщений из сорока пяти, опубликованных с мая 2015 по октябрь 2017 гг.).

2018 год для астраханских информагентств оказался бедным на сообщения о проблемах с исламскими радикалами (всего шесть за год). Однако первая половина 2019 года была, напротив, информационно весьма напряженной (шестнадцать сообщений). Опять большинство сообщений было посвящено терактам (восемь из шестнадцати), что лишь повышает уровень тревожности массового сознания астраханцев.

Волгоградские информагентства во второй половине 2010-х отметились всего 19 сообщениями на интересующую нас проблематику. Уровень интереса к теме религиозной безопасности остался на прежнем невысоком уровне (что особенно контрастирует с показателями Саратовской и Астраханской областей).

Информационные агентства призваны не только сообщать об актуальных проблемах, но и формировать у читателей представления о возможных способах их решения. Оказалось, что в исследуемых регионах средства массовой информации выполняют данную задачу с разной степенью успешности.

Наиболее активно деятельность государственных структур по поддержке религиозной безопасности освещается саратовскими информагентствами (36 сообщений из 162, опубликованных в 2010-х гг.). В фокус внимания попадали лишь те статьи, в которых вниманию читателей предлагались позитивные стратегии поддержания безопасности, рассказывалось о происхождении рисков, и таким образом задавалась положительная повестка дня.

Органы государственной власти саратовского региона в первой половине 2010-х гг. не проявляли серьезной активности в сфере противодействия религиозному радикализму, интерес к данному направлению работы (в медийном пространстве было зафиксировано всего лишь 11 сообщений).

13 июля 2012 года в Самаре состоялось совещание глав Приволжского федерального округа (далее – ПФО), посвященное распространению религиозного экстремизма. Полномочный представитель Президента РФ в ПФО Михаил Бабич сформулировал стратегию поддержания религиозной безопасности, отметив социальные истоки распространения ваххабитских идей. Популярность ваххабизма связывалась с низкой зарплатой и отсутствием у жителей ПФО возможностей самореализации. Было предложено обратить особое внимание на распростране-

ние экстремистских идей в сети Интернет и поступление финансовых средств в Россию от иностранных организаций (Полпред обеспокоен ..., 2012).

В мае 2013 года в государственной стратегии борьбы с нетрадиционными для Поволжья (и потенциально радикальными) мусульманскими течениями появляется новый тренд – образование. С совещания полпреда ПФО в Уфе с руководителями духовных управлений мусульман округа (прошедшее 22 мая 2013 года) идея необходимости правильного (отечественного) религиозного образования для мусульманских священнослужителей становится одним из важнейших направлений государственной политики (Полпред заявил ..., 2013).

Борьба с распространением экстремизма в Интернете, определение социально неблагополучных слоев населения как потенциально склонных к участию в радикальных религиозных организациях и пресечение источников финансирования религиозного экстремизма из-за рубежа – анонсированные Михаилом Бабичем в 2012 году – отходят на второй план. Государственные органы сосредотачиваются на задаче, которую воплотить в жизнь инструментально проще. Ожидалось, что исламские священники, подготовленные в российских вузах, станут ключевыми агентами по воспитанию патриотизма, борьбе с ваххабитскими идеями в мусульманском сообществе и адаптации мигрантов-выходцев из Средней Азии в российском обществе. В подавляющем большинстве (8 из 11) сообщений, опубликованных саратовскими информагентствами, главной стратегией поддержания религиозной безопасности является совершенствование мусульманского образования, что конструирует негативный образ ислама как источника угрозы.

В первой половине 2010-х гг. мусульманские священники представлялись в качестве автономных субъектов борьбы с религиозным радикализмом и патриотического воспитания. Во второй половине 2010-х гг. инициатором и главным действующим агентом религиозной безопасности выступает государство, чьи сотрудники проводят работу со студентами, организуют мероприятия, на которых (авторитетной поддержкой) присутствуют и священники. Исламский радикализм как главная угроза актуализируется лишь в 5 из 25 опубликованных на данную тему сообщений. Сложность борьбы с вербовщиками объясняет переключение внимания властей с проблем мусульманского образования на работу с молодежью (в группе риска оказывается все молодое поколение безотносительно этноконфессиональной принадлежности).

Контент-анализ астраханских СМИ выявил отсутствие динамики развития представлений об эффективной стратегии поддержания религиозной безопасности. Главными акторами противодействия угрозе (в первую половину 2010-х гг.) выступают силовые (правоохранительные) структуры – их деятельность находится в центре внимания в 17 из 23 информационных сообщениях, а иные государственные и общественные институты (за исключением Этноконфессионального совета при губернаторе) в информационном поле не представлены. Заседания Этноконфессионального совета освещаются всего лишь в четырех информационных сообщениях.

В августе 2012 года на заседании Этноконфессионального совета при губернаторе Астраханской области выступил глава администрации губернатора Астраханской области Канат Шантимиров с программным заявлением об опас-

ности исламизации региона. Деятельность астраханских властей по поддержанию религиозной безопасности редко освещается информагентствами, что лишь добавляет важности выступлению Шантимирова (см. Шантимиров, 2012).

Во второй половине 2010-х годов Этноконфессиональный совет как главная площадка определения стратегии религиозной политики отходит на второй план, его место занимает экспертное сообщество. В июне-июле 2016 года в астраханских информагентствах вышли шесть сообщений о научной деятельности Центра международных и общественно-политических исследований «Каспий-Евразия». Духовное управление мусульман также крайне слабо представлено в роли агента поддержания религиозной безопасности. Следует отметить лишь четыре сообщения об организации исламскими священниками митингов против терроризма в апреле 2017 года, после трагической смерти полицейских от рук ваххабитов.

В анализируемых волгоградских СМИ в 2010-е гг. было опубликовано 43 сообщения, посвященных угрозе со стороны исламского радикализма. Символично, что первое сообщение (в январе 2010-го года) и последнее (в апреле 2018-го) посвящены визитам в Волгоградскую область главы Духовного собрания мусульман России. Волгоградские СМИ создают у читающей публики положительный образ конкретных силовых ведомств, например, УФСБ (а не гражданских властей), выступающих в качестве главных защитников от псевдорелигиозного экстремизма.

Концептуализация стратегии борьбы с исламским терроризмом звучит лишь в выступлениях Главы Духовного собрания мусульман России и депутата Государственной Думы. Депутат указывает на необходимость грамотного освещения проблемы в публичном пространстве, критикует сообщество ВКонтакте, разместившем в паблике шутку о теракте в Волгограде, призывает этнические сообщества сделать официальные заявления, способные снизить уровень напряженности и недоверия жителей региона к представителям национальных меньшинств (Маркелов, 2013). Представители мусульманского сообщества подчеркивают необходимость развивать отечественную систему мусульманского образования и указывают на важность работы священников с мусульманами (в первую очередь с молодежью).

Заключение

В Астраханской и Саратовской областях во второй половине 2010-х гг. фиксируется резкий рост интереса информагентств к проблеме исламского радикализма. Это приводит и к росту тревожности массового сознания, складывания негативного образа религии. При этом голос мусульманской общины практически исчезает из публичного пространства. Для Саратовского региона характерно представление мусульманских священников как представителей традиционной религии, как важного союзника в поддержании религиозной безопасности. Ислам не выставляется в качестве угрозы, проблема описывается с помощью общих концептов экстремизма, деструктивности и т. д. Важное место занимает обсуждение деятельности властей по профилактике проблемы, работы с молодежью вообще, а не с какой-то конкретной ее этноконфессиональной

группой. Медийные стратегии саратовских СМИ эффективно (по сравнению с волгоградскими и астраханскими) депроблематизируют исламский вопрос, снижают уровень исламофобии.

Список литературы

1. Абрамова, Н.В. (2018). Московская реновация: анализ российских СМИ. *Вестник Института социологии*, 9, 156–169. doi: 10.19181/vis.2018.27.4.544
2. Бардин, А.Л., Кокарева, А.Н., Михайлова, Е.В. (2014). Гражданское общество в дискурсе российских СМИ. *Власть*, 2, 130–139.
3. Блумер, Г. (2001). Социальные проблемы как коллективное поведение. *Контексты современности – II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории* (с. 150–160). Казань: Изд-во Каз. ун-та.
4. Маркелов, М. (2013, 27 октября). В Волгоградской области нет межконфессионального диалога. *Высота*. Взято с <https://v102.ru/news/41714.html>
5. Мукаддаса Бибарсова обвинили в апологии ваххабизма. (2012, 7 августа). *Взгляд-инфо*. Взято с <http://www.vzsar.ru/news/2012/08/07/mykaddasa-bibarsova-obvinili-v-apologii-vahhabizma.html>
6. Полпред заявил о необходимости патриотического воспитания мусульманской молодежи. (2013, 22 мая). *Взгляд-инфо*. Взято с <http://www.vzsar.ru/news/2013/05/22/polpred-zayavil-o-neobhodimosti-patrioticheskogo-vospitaniya-musyilmanskoi-molodeji.html>
7. Полпред обеспокоен распространением исламского экстремизма. (2012, 13 июля). *Взгляд-инфо*. Взято с <http://vzsar.ru/news/2012/07/13/polpred-obespokoen-rasprostraneniem-islamskogo-ekstremizma.html>
8. Шантимиров, К. (2012, 24 августа). Астраханские власти опасаются радикализации исламского сообщества. *Пункт-А*. Взято с <https://punkt-a.info/news/glavnoe/kanat-shantimirov-astrakhanskije-vlasti-opasayutsya-radikalizatsii-islamskogo-soobshchestva>
9. Fairclough, N. (2003). *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.

References

1. Abramova, N.V. (2018). Moskovskaya renovaciya: analiz rossijskikh SMI [Moscow renovation: An analysis of Russian media]. *Vestnik Instituta sociologii*, 9, 156–169. doi: 10.19181/vis.2018.27.4.544
2. Bardin, A.L. Kokareva, A.N., & Mihajlova, E.V. (2014). Grazhdanskoe obshchestvo v diskurse rossijskikh SMI [Civil society in the discourse of the Russian media]. *Vlast'*, 2, 130–139.
3. Blumer, G. (2001). Social'nye problemy kak kollektivnoe povedenie [Social problems as collective behavior]. *Konteksty sovremennosti – II: Aktual'nye problemy obshchestva i kul'tury v zapadnoj social'noj teorii* (pp. 150–160). Kazan': Izd-vo Kaz.

un-ta.

4. Fairclough, N. (2003). *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.

5. Markelov, M. (2013, October 27). V Volgogradskoj oblasti net mezhhkonfessional'nogo dialoga [There is no interfaith dialogue in the Volgograd region]. *Vysota*. Retrieved from <https://v102.ru/news/41714.html>

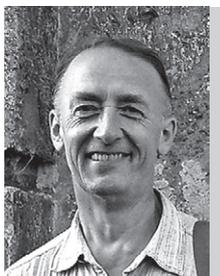
6. Mukaddasa Bibarsova obvinili v apologii vahkhabizma [Mukaddas Bibarsov accused of apologizing for Wahhabism]. (2012, August 7). *Vzglyad-info*. Retrieved from <http://www.vzsar.ru/news/2012/08/07/mykaddasa-bibarsova-obvinili-v-apologii-vahkhabizma.html>

7. Polpred zayavil o neobhodimosti patrioticheskogo vospitaniya musul'manskoj molodezhi [Plenipotentiary declared the need for patriotic education of Muslim youth]. (2013, May 22). *Vzglyad-info*. Retrieved from <http://www.vzsar.ru/news/2013/05/22/polpred-zayavil-o-neobhodimosti-patrioticheskogo-vospitaniya-mysylmanskoi-molodeji.html>

8. Polpred obespokoен rasprostraneniem islamskogo ekstremizma [Plenipotentiary Concerned about the spread of Islamic extremism] (2012, July 13). *Vzglyad-info*. Retrieved from <http://vzsar.ru/news/2012/07/13/polpred-obespokoен-rasprostraneniem-islamskogo-ekstremizma.html>

9. Shantimirov, K. (2012, August, 24). Astrahanskіe vlasti opasayutsya radikalizatsіi islamskogo soobshchestva [Astrakhan authorities fear the radicalization of the Islamic community], *Punkt-A*. Retrieved from <https://punkt-a.info/news/glavnoe/kanat-shantimirov-astrakhanskіe-vlasti-opasayutsya-radikalizatsіi-islamskogo-soobshchestva>

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ: ДЕДУКТИВНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТЕОРЕМЫ О НЕРАЗРЕШИМОСТИ В ЛОГИЧЕСКИ ФОРМАЛИЗОВАННОЙ АКСИОМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СИГМА ФОРМУЛЫ [DX], ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ В РЕЛЕВАНТНОЙ ТЕИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УТВЕРЖДЕНИЕ О БЫТИИ БОГА



Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-8760-0452,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.02.2020, принята к публикации 23.03.2020

Для цитирования: Лобовиков В. О. Аналитическая теология: дедуктивное доказательство теоремы о неразрешимости в логически формализованной аксиоматической теории Сигма формулы [Dx], представляющей в релевантной теистической интерпретации утверждение о бытии Бога // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 165-181. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10112

Аннотация

Цель исследования – точная формулировка и решение проблемы доказуемости или недоказуемости утверждения о бытии Бога, а также доказуемости или недоказуемости отрицания этого утверждения в некой формальной аксиоматической системе философской эпистемологии и аксиологии (общей теории ценностей).

© Лобовиков В. О., 2020



Методы исследования – логическая формализация (эпистемологии и аксиологии), математическое моделирование (формальной аксиологии), в особенности, построение и изучение дискретной математической модели формальной аксиологии – двузначной алгебраической системы ценностных функций.

Результаты исследования: осуществлена логическая формализация философской эпистемологии и аксиологии, а именно, построена некая формальная аксиоматическая теория Сигма. Сформулированы точные определения синтаксиса и семантики искусственного языка этой теории, и дедуктивно доказана теорема о ее логической непротиворечивости. Формальная теория Сигма использована в аналитической теологии для логического анализа и решения дискуссионной философско-богословской проблемы доказуемости утверждения о бытии Бога.

Научная новизна полученных результатов состоит из следующих трех частей. Во-первых, в статье впервые доказана теорема о логической непротиворечивости формальной аксиоматической теории Сигма. Во-вторых, в статье впервые предложено дедуктивное доказательство недоказуемости в формальной теории Сигма формулы [Dx], представляющей в релевантной богословской интерпретации теории Сигма утверждение о существовании Бога. В-третьих, в статье впервые предложено дедуктивное доказательство недоказуемости в формальной теории Сигма отрицания формулы [Dx], представляющего в релевантной атеистической интерпретации теории Сигма отрицание утверждения о существовании Бога.

Ключевые слова:

формальная-теория, непротиворечивость-теории, неразрешимость-формулы-в-теории, недоказуемость-утверждения-о-существовании-Бога, недоказуемость-отрицания-утверждения-о-существовании-Бога.

**ANALYTICAL THEOLOGY:
DEDUCTIVE PROOF OF THE THEOREM
OF UN-DECIDABILITY (IN A LOGICALLY
FORMALIZED AXIOMATIC THEORY
SIGMA) OF FORMULA [DX]
REPRESENTING (IN A RELEVANT
THEISTIC INTERPRETATION)
THE STATEMENT OF GOD EXISTENCE**

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Principal Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-8760-0452,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Article received on February 17, 2020, accepted on March 23, 2020

To cite this article: Lobovikov, V.O. (2020). Analiticheskaya teologiya: deduktivnoe dokazatel'stvo teoremy o nerazreshimosti v logicheski formalizovannoj aksiomaticheskoy teorii Sigma formuly [Dx], predstavlyayushchej v relevantnoj teisticheskoy interpretacii utverzhenie o bytii Boga [Analytical Theology: Deductive Proof of the Theorem of Un-Decidability (In A Logically Formalized Axiomatic Theory Sigma) Of Formula [Dx] Representing (In A Relevant Theistic Interpretation) the Statement of God Existence]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 165-181. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10112

Abstract

The investigation aim – precise formulating and solving the problem of provability or improbability of statement of existence of God, and also of provability or improbability of negation of this statement in a formal axiomatic system of philosophical epistemology and axiology (general theory of values). The methods of investigation are: logical formalization (of epistemology and axiology); mathematical modeling (of formal axiology), especially, constructing and studying a discrete mathematical model of formal axiology – two-valued algebraic system of evaluation-functions.

Results of the investigation: a logical formalization of philosophical epistemology and axiology is accomplished, namely, a formal axiomatic theory Sigma is constructed. Precise definitions of syntax and semantics of the artificial language of formal theory Sigma are formulated, and a theorem of logical consistency of this theory is proved deductively. The formal theory Sigma is used in analytical theology for logical analysis and solution of the debatable philosophical-theological problem of provability of statement of God existence.

Scientific novelty of the obtained results consists of the following three parts. Firstly, the proof of theorem of logical consistency of the formal axiomatic theory Sigma is original. Secondly, for the first time, the paper submits a deductive proof of unprovability of such a formula [Dx] in theory Sigma, which formula represents (in a relevant theistic interpretation of theory Sigma) the statement of existence of God. Thirdly, also for the first time, the paper submits a deductive proof of unprovability of negation of the formula [Dx] in the theory Sigma, which (negation of [Dx]) represents (in a relevant atheistic interpretation of theory Sigma) negation of the statement of existence of God.

Keywords:

formal-theory, consistency-of-theory, un-decidability-of-formula-in-theory, unprovability-of-statement-of-existence-of-God, unprovability-of-negation-of-statement-of-existence-of-God.

Введение

В истории философской теологии и атеизма можно выделить несколько тенденций в обсуждении исследуемой проблемы. Во-первых, уместно отметить, что многие верующие в Бога считали и продолжают считать, что ее постановка и любое возможное решение или бессмысленно (бесполезно), или даже вредно (Тертуллиан, 1994; Vavinck, 1951; Tertullian, 2015): искренняя религиозная вера и абстрактно-теоретический разум несовместимы (взаимно исключают друг друга). Поэтому любые попытки точно сформулировать и окончательно решить проблему существования рационального философского доказательства бытия Бога суть бесполезная растрата ресурсов и безнадежное нагромождение абсолютно неразрешимых антиномий (Кант, 2008; Тертуллиан, 1994; Юм, 1996; Tertullian, 2015). Некоторых мыслителей многочисленные концептуальные трудности и неразрешимые логические противоречия на стыке философии, теологии и логики приводили к скептицизму (Рассел, 2016; Юм, 1996), а некоторых – к философскому атеизму. Конкретные примеры – последовательные французские материалисты 18-го века и подлинные марксисты-ленинцы 19–20-х веков. Среди атеистов (особенно в рамках «научного атеизма») ставилась и изучалась проблема построения строго научного доказательства не-бытия Бога: веруя в то, что Бога нет и быть не может, некоторые атеисты стремились подкрепить эту свою веру в Его небытие абстрактно-теоретическими доводами чистого разума и специальных наук.

В настоящей статье обращается особое внимание на существование в многовековой истории философской теологии такой тенденции, которая

предполагает реальную возможность гармоничного совмещения предметов веры и разума (без логического противоречия) и, в частности, предполагает реальную возможность и целесообразность построения рационального доказательства бытия Бога, усиливающего (укрепляющего) религиозную веру в Его существование. Репрезентативными конкретными примерами такого рода мыслителей являются Anselm of Canterbury (1998), Aquinas, St. Thomas (1928, 1994), Б. Паскаль (2003), Р. Декарт (2006), Б. Спиноза (2019), Г.В. Лейбниц (1983, 1989), У. Джеймс (1910, 1997), К. Gödel (1995), А. Plantinga (1962, 1974). Эти мыслители предложили качественно различные доказательства рациональности веры в бытие Бога, поэтому в философской теологии доказательства разумности веры в бытие Бога делятся на несколько видов (типов). В частности, проводится существенное различие между онтологическими (Ансельм, Фома, Гёдель, Платинга) и утилитаристскими или прагматическими (Паскаль, Джеймс, Дьюи) доказательствами разумности веры в существование Бога. Утилитаристские (или прагматические) доказательства основываются на том, что вера в Его бытие очень полезна (выгодна), и поэтому она разумна (целесообразна). Онтологические доказательства – на том, что вера в Его бытие разумна, так как утверждение «Бог существует» истинно. Такие основания (критерии) разумности, как польза и истина отождествляются отнюдь не большинством философов (подавляющее большинство такое отождествление отвергает). В связи с этим, уточним и подчеркнем, что предмет данной статьи – доказательство истинности утверждения «Бог существует» с помощью собственно *логических*, а не каких-то иных средств. Широко используемые в юриспруденции словосочетания «вещественные доказательства», «показания давших присягу свидетелей» и циничная сентенция «признание – царица доказательств» в данной связи неуместны. Уточняя предмет настоящей статьи далее, заметим также, что *правдоподобные (индуктивные)* рассуждения как средства обоснования (подкрепления) веры в существование Бога тоже исключаются из числа обсуждаемых нами доказательств. Следовательно, предмет данной статьи – *дедуктивные (логические) доказательства* истинности утверждения Его бытия. Но в таком случае необходимо точно определить то конечное *множество истинных посылок*, из которого *дедуктивно логически выводится* истинность утверждения о бытии Бога, а также то *множество правил логического вывода*, которые могут в процессе такого вывода использоваться.

Иначе говоря, в идеале необходимо точно определить ту логически формализованную теорию, в которой точно формулируется подлежащее доказательству (или опровержению) богословское утверждение, чтобы начать поиск (построение) его дедуктивного (логического) доказательства в этой конкретной (фиксированной) теории. На протяжении многих веков как теисты, так и атеисты были очень далеки от сформулированного идеала дедуктивного логического доказательства. В подавляющем большинстве случаев, говоря о доказательствах или опровержениях бытия Бога, они имели в виду *правдоподобные (индуктивные)* умозаключения, а в случаях дедуктивных доказательств исходили из *неопределенного* множества посылок, использовали *недостаточно определенное* множество собственно логических аксиом и правил вывода. Конкретная теория, в которой осуществлялось доказательство, ими, как правило, не фиксировалась, поэтому не исключалась возможность доказательства богословского тезиса в рамках *логически противоречивой* теории.

В логически противоречивой теории, основанной на классической логике, доказуемо произвольное утверждение, т.е. что угодно: такая теория не может быть средством отделения истины от лжи, следовательно, доказуемость в такой теории утверждения о бытии Бога или отрицания такого утверждения не может удовлетворить ни теистов, ни атеистов. И первые, и вторые, рассуждая рационально, явно или неявно подразумевают, что если используемая логика является классической, то теория, в которой доказывается тот или иной тезис теизма или атеизма, является логически непротиворечивой: различие между истиной и ложью в ней существует. Однако логическая непротиворечивость такой теории обычно просто постулируется, а не доказывается дедуктивно: это – существенный недостаток подавляющего большинства основанных на логике теистических и атеистических доказательств.

Такая парадоксальная ситуация – сложная логическая проблема философской теологии, решение которой имеет большое значение для фундаментальных научно-теоретических исследований в области религиоведения, но, к сожалению, в наше время ее обсуждение застряло в традиционном гуманитарном философствовании на уровне чисто естественного языка без систематического использования средств современной символической логики. Участники дискуссии уверяют в своей правоте чисто гуманитарными средствами, вместо того чтобы представить точные формулировки и строгие доказательства своих тезисов.

Заметным отклонением (хотя и лишь *частичным* уходом) от этой статистической «нормы» богословского дискурса явилось систематически использующее *аксиоматический метод* (на уровне естественного языка и *логической строгости* геометрии Евклида) *дедуктивное доказательство* богословских догм в «Этике» Спинозы (2019) (по поводу теологического аспекта его «Этики» см. Лобовиков, 2017b). Совершенным исключением из описанной выше статистической «нормы» богословского дискурса явилось систематически использующее искусственный язык современной модальной логики дедуктивное доказательство существования Бога, построенное в XX веке К. Гёделем (1995) и активно обсуждаемое современными логиками, теологами преподавателями философии (Świątorzecka, 2016; см. также Лобовиков, 2017a; Lobovikov, 2018a). Во второй половине XX века на стыке англо-американской *аналитической* философии вообще и философской теологии в особенности возникло новое направление – аналитическая теология. Выдающийся представитель этого направления – Алвин Плантинга, для которого характерно стремление к систематическому использованию алетической модальной логики для анализа теологических проблем (Plantinga, 1962, 1974). Интересный анализ концепции Плантинги содержится в работе Ю.В. Горбатовой (2012).

В отличие от Плантинги, Гёдель осуществил переход от *аналитической теологии вообще к логически формализованной математической теологии* в особенности. Обсуждая возможности дальнейшего развития логически формализованной математической теологии, автор данной статьи предлагает в ней некий качественно новый (не-гёделевский) вариант (*относящегося ко вполне определенной, фиксированной теории Σ*) исследования проблемы *дедуктивного доказательства* бытия Бога. С этой целью ниже в статье осуществляется: 1) перевод вышеуказанной проблемы с расплывчатого чисто гуманитарного естественного языка на некий вполне однозначный искусственный язык ее

логики-математической модели, а именно на язык формальной аксиоматической теории Σ ; 2) исследование гипотезы о возможности формального доказательства в теории Σ либо формулы $[Dx]$, либо формулы $\neg[Dx]$. Формальная доказуемость формулы $[Dx]$ или ее отрицания (в Σ) означала бы вполне определенное окончательное решение вышеуказанной проблемы в рамках ее логики-математической модели. Но существует ли в теории Σ формальное доказательство формулы $[Dx]$ или ее отрицания? Иначе говоря, является ли формула $[Dx]$ разрешимой в теории Σ ? Термин «формула ... разрешима в теории ...» употребляется в настоящей статье в том и только том точно определенном значении, которое является общепринятым в современной математической логике (Гильберт, Аккерман, 2010).

Данная статья посвящена решению поставленных вопросов средствами символической логики в рамках парадигмы формализма Д. Гильберта в философских основаниях математики и логики (Гильберт, Аккерман, 2010). Иначе говоря, в настоящей статье, по определению, доказательством некоей формулы (как теоремы) в некоей теории называется такая и только такая конечная последовательность формул этой теории, относительно которой верно следующее. Упомянутая формула является последней формулой этой последовательности. Любая из формул упомянутой последовательности или является некоей аксиомой этой теории, или получена из предыдущих формул этой последовательности по некому правилу вывода этой теории. Наряду с использованием методов логического анализа формальных аксиоматических теорий в данной работе используются результаты исследования *собственно алгебраического* аспекта проблемы систематизации (абстрактных форм) ценностей: рассматривается некая двузначная *алгебраическая система* формальной аксиологии (Lobovikov, 2014, 2015, 2018a, 2019). Теперь, завершив введение в проблему, перейдем к точному определению значений терминов, систематически используемых в настоящей статье.

1. Точное определение формальной аксиоматической теории Σ

Целью настоящего параграфа данной статьи является знакомство читателя с результатом логической формализации философской эпистемологии (теории знания) – формальной аксиоматической теорией Σ . Эта формальная теория представляет собой дальнейшее развитие (существенное дополнение) аксиоматической системы Ξ , опубликованной нами ранее (см. Lobovikov, 2018b).

Согласно определению, логически формализованная аксиоматическая система универсальной философской эпистемологии (формальная теория Σ) содержит все символы (алфавита), выражения, формулы, аксиомы и правила вывода формальной аксиоматической теории (знания) Ξ (Lobovikov, 2018b), которая основана на классической пропозициональной логике. Однако Σ получается из Ξ путем добавления к Ξ некоторых качественно новых важных аспектов. В результате этих нетривиальных нововведений алфавит искусственного языка-объекта теории Σ определяется следующим образом.

1) Строчные *пропозициональные* латинские буквы q, p, d, c (и эти же буквы с нижними числовыми индексами) принадлежат алфавиту объектного языка теории Σ (не все строчные латинские буквы являются пропозициональными:

элементы множества $\{g, b, e, n, x, y, z, t\}$ исключены из множества *пропозициональных латинских букв*).

2) *Логические символы* $\neg, \supset, \leftrightarrow, \&, \vee$ (соответственно, «классическое отрицание», «материальная импликация», «эквивалентность», «конъюнкция», «не-исключающая дизъюнкция») принадлежат алфавиту объектного языка теории Σ .

3) *Технические символы* «(» и «)» (круглые скобки) принадлежат алфавиту объектного языка теории Σ .

4) *Аксиологические переменные* – строчные латинские буквы x, y, z (и эти же буквы с нижними числовыми индексами) принадлежат алфавиту объектного языка теории Σ .

5) Символы «g» и «b», называемые *аксиологическими константами*, тоже принадлежат этому алфавиту.

6) *Аксиологические функциональные (или ценностно-функциональные) символы* $A_k^n, B_i^n, C_j^n, D_m^n, \Phi_1, \Phi_2, \exists, \forall, \text{С, П, Э, М, Д, Б, Н, ...}$ принадлежат алфавиту объектного языка теории Σ (верхний числовой индекс n информирует, что индексируемый символ является n -местным; отсутствие верхнего числового индекса информирует, что этот символ является одноместным; ценностно-функциональные символы могут не иметь нижнего числового индекса; если нижние числовые индексы различны, то проиндексированные таким образом функциональные символы различны).

7) Символы «[» и «]» принадлежат алфавиту объектного языка теории Σ . Эти символы, называемые квадратными скобками, *играют очень важную роль* в дефиниции общего понятия «формула теории Σ » и в формулировке некоторых аксиом обсуждаемой теории. Квадратные скобки в объектном языке теории Σ не являются чисто техническими знаками; они имеют не только синтаксическое, но и семантическое значение; выражение «[...]» переводится на естественный язык выражением «... существует (реально)» или «... имеет место» или «... есть на самом деле».

8) Непривычный искусственный символ « \equiv », называемый «*формально-аксиологической эквивалентностью*», также принадлежит алфавиту объектного языка теории Σ ; он тоже *играет очень важную роль* в дефиниции общего понятия «формула теории Σ » и в формулировке некоторых аксиом этой теории.

9) Некий (любой) символ принадлежит алфавиту объектного языка теории Σ , если и только если он принадлежит ему согласно какому-то из сформулированных выше пунктов 1) – 8) данного определения.

Выражением в объектном языке Σ называется любая конечная последовательность символов из алфавита Σ и только из него.

Теперь перейдем к точному определению общего понятия «*терм* в теории Σ »:

1) *аксиологические переменные* x, y, z, \dots из определенного выше алфавита суть термины в теории Σ ;

2) *аксиологические константы* «g» и «b», принадлежащие этому алфавиту, суть термины в теории Σ ;

3) если F_k^n есть некий (любой) n -местный *ценностно-функциональный символ*, а t_1, \dots, t_n суть некие (любые) *термы* теории Σ , то выражение, имеющее вид $F_k^n t_1, \dots, t_n$, есть терм (сложный) теории Σ (здесь уместно заметить, что сим-

волы t_1, \dots, t_n принадлежат метаязыку, так как они обозначают любые *термы* теории Σ ; аналогичное замечание можно сделать в отношении символа F_k^n);

4) некое (любое) выражение объектного языка Σ является термом в теории Σ , если и только если это предусмотрено сформулированными выше пунктами 1) – 3) настоящего определения.

Договоримся теперь о том, что в настоящей статье (строчные) греческие буквы $\alpha, \beta, \omega, \mu, \dots$ (принадлежащие метаязыку) обозначают некие (любые) формулы теории Σ . С помощью этого соглашения общее понятие «формула теории Σ » точно определяется следующим образом.

1) Все вышеупомянутые пропозициональные буквы суть формулы теории Σ .

2) Если α и β суть некие (любые) формулы теории Σ , то все такие выражения объектного языка Σ , которые имеют форму $\neg\alpha$, $(\alpha \supset \beta)$, $(\alpha \leftrightarrow \beta)$, $(\alpha \& \beta)$, $(\alpha \vee \beta)$, также являются формулами теории Σ .

3) Если t_1 и t_k суть некие (любые) термы теории Σ , то $(t_1 =+ t_k)$ есть формула теории Σ .

4) Если t_1 есть некий (любой) терм теории Σ , то $[t_1]$ есть формула теории Σ .

5) Если α есть формула теории Σ , то $\Psi\alpha$ тоже есть формула теории Σ .

Символ Ψ , принадлежащий метаязыку, обозначает некий (любой) элемент множества модальностей $\{\square, K, A, E, S, T, F, P, Z, G, W, O, B, U, Y\}$. Символ \square обозначает алетическую модальность «необходимо». Символы K, A, E, S, T, P, Z , соответственно, обозначают модальности «агент *знает*, что ...», «агент *a-posteriori* знает, что ...», «агент *a-priori* знает, что ...», «агент *a-posteriori* знает, что ...», «при некоторых условиях в некоем пространстве-времени некий субъект (непосредственно или посредством приборов) *чувственно воспринимает* (имеет *чувственную верификацию*), что ...», «*истинно*, что ...», «агент *верит*, что ...», «*доказуемо*, что ...», «*существует некий алгоритм* (может быть построена некая *машина*) для решения, что ...».

Символы G, W, O, B, U, Y , соответственно, обозначают модальности «(морально) *хорошо*, что ...», «(морально) *плохо*, что ...», «*обязательно (должно быть так)*, что ...», «*красиво*, что ...», «*полезно*, что ...», «*приятно*, что ...».

6) Последовательности символов, принадлежащих алфавиту языка-объекта теории Σ , являются формулами теории Σ , если и только если это так согласно сформулированным выше пунктам 1) – 5) данного определения.

Значения вышеупомянутых символов определяются системой следующих ниже схем собственных аксиом универсальной философской эпистемологии (именуемой также теорией Σ), которые (аксиомы) добавляются к аксиомам и правилам вывода классической пропозициональной логики (схемы аксиом и правил вывода классической пропозициональной логики применимы к любым формулам теории Σ).

Схема аксиом AX-1: $A\alpha \supset (\square\beta \supset \beta)$.

Схема аксиом AX-2: $A\alpha \supset (\square(\alpha \supset \beta) \supset (\square\alpha \supset \square\beta))$.

Схема аксиом AX-3: $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\square\alpha \& \square\neg S\alpha \& \square(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Схема аксиом AX-4: $E\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\neg\square\alpha \vee \neg\square\neg S\alpha \vee \neg\square(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Схема аксиом AX-5: $(\square\beta \& \square\Omega\beta) \supset \beta$.

Схема аксиом AX-6: $(t_1 =+ t_k) \leftrightarrow (G[t_1] \leftrightarrow G[t_k])$.

Схема аксиом AX-7: $(t_1 =+ g) \supset G[t_1]$.

Схема аксиом AX-8: $(t_1 =+ b) \supset W[t_1]$.

Схема аксиом AX-9: $G\alpha \supset \neg W\alpha$.

Схема аксиом AX-10: $(W\alpha \supset \neg G\alpha)$.

В AX-3 и AX-4 символ Ω (принадлежащий метаязыку) обозначает некий (любой) элемент множества $\mathfrak{R} = \{\square, K, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y\}$. Будем называть элементы множества \mathfrak{R} «модальностями совершенства» или просто «совершенствами».

Схемы аксиом AX-9 и AX-10 не являются чем-то новым для модальной логики оценок: их можно найти, например, в замечательной монографии А. А. Ивина (Ivin, 1970). Но схемы аксиом AX-5 – AX-8 являются для модальной логики оценок чем-то совершенно новым: никогда ранее в этом качестве они еще не формулировались, не обсуждались и не публиковались.

2. Определение стандартной семантики формальной теории Σ

Значения символов, принадлежащих алфавиту языка-объекта теории Σ согласно пунктам 1–3 данного выше определения алфавита объектного языка этой теории, определены в классической пропозициональной логике.

Аксиологические (ценностные) переменные x, y, z, \dots принимают значения из такого множества Δ , каждый элемент которого имеет: (1) одно и только одно из двух аксиологических (ценностных) значений из множества {хорошо, плохо}; (2) одно и только одно из двух онтологических (экзистенциальных) значений из множества {существует, не существует}. Здесь подразумевается, что оценка некоего (любого) элемента множества Δ , т. е. придание этому элементу какого-то аксиологического значения, осуществляется неким вполне определенным (фиксированным) индивидуальным или коллективным оценщиком Π . Очевидно, что при изменении оценщика Π может измениться и оценка. Но *законы алгебры формальной аксиологии* не зависят от изменения Π , так как, по определению, *формально-аксиологическими законами* в этой алгебре являются такие и только такие *ценностные функции-константы*, которые принимают значение «хорошо» независимо от каких бы то ни было изменений оценщика Π .

Итак, вообще говоря, в используемой формально-аксиологической концепции Π есть *переменная*, принимающая значения из множества всех возможных оценщиков (субъектов оценки), но вполне определенная конкретная интерпретация формальной теории Σ необходимо фиксирует значение переменной Π .

Аксиологические константы «g» и «b» обозначают, соответственно, «хорошо» и «плохо» (с точки зрения вполне определенного оценщика Π).

Онтологические константы «e» и «n» обозначают, соответственно, «существует» и «не существует».

Итак, в стандартной семантике интерпретированной формальной теории Σ каждому элементу множества Δ однозначно соответствует некоторая пара из следующего множества пар $\{\{g, e\}, \{g, n\}, \{b, e\}, \{b, n\}\}$.

N-местные термы теории Σ интерпретируются как *парные алгебраические операции (n-местные ценностные функции)*, определенные на множестве Δ .

Ценностными функциями в данной статье называются следующие отображения (в собственном математическом значении слова «отображение»): $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, если речь идет о ценностных функциях, зависящих от одной аксиологической переменной; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, где « \times » обозначает декартово произведение множеств, если речь идет о ценностных функциях, зависящих от двух

аксиологических переменных; $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, если речь идет о ценностных функциях, зависящих от N аксиологических переменных, где N есть некое конечное положительное целое число. Систематически используемое в двузначной алгебре формальной аксиологии общее понятие «ценностная функция» является для многих *необычным* (психологически непривычным), поэтому здесь целесообразно привести какие-нибудь конкретные примеры, иллюстрирующие вышесказанное. В качестве конкретных примеров рассмотрим *одноместные* ценностные функции $Bx, Hx, Cx, Ux, Чx, Mx, Ix, Dx$, определенные ниже таблицей 1.

Таблица 1 – Ценностные функции (одноместные)

x	Bx	Hx	Cx	Ux	$Чx$	Mx	Ix	Dx
g	g	b	g	b	b	b	g	g
b	b	g	b	g	g	g	b	g

Символ Bx интерпретируется в данной статье как одноместная ценностная функция «бытие (чего, кого) x ». Hx – «небытие (чего, кого) x ». Cx – «сохранение, неизменность, постоянство (чего, кого) x ». Ux – «уничтожение, исчезновение, непостоянство (чего, кого) x ». $Чx$ – «конечность, определенность, ограниченность (чего, кого) x ». Mx – «материя, материальность (чего, кого) x ». Ix – «идея, идеальность (чего, кого) x ». Символ Dx интерпретируется в данной статье как одноместная ценностная функция «Бог (чего, кого) x ». Слово «Бог» используется здесь в том конкретном значении, которое характерно для *монотеистических мировых* (вселенских) религий. Такие религии полагают, что *Бог является Всеблагим, т. е. Абсолютным Добром*. В них утверждается, что Он есть Бог (Добро) для всякого (любого) x . От существования политеистических религий локального значения мы в данной статье абстрагируемся. Ценностная функция «Бог (чего, кого, чей) x » является в двузначной алгебре формальной аксиологии *положительной ценностной-функцией-константой*. Впервые эта ценностная функция была *таблично определена* и обсуждалась в нашей ранее опубликованной статье (Lobovikov, 2015).

Для правильного понимания содержания настоящей статьи здесь целесообразно подчеркнуть, что использованные выше символы $Bx, Hx, Cx, Ux, Чx, Mx, Ix, Dx$ являются в теории Σ *не формулами, а терминами*. Конкретными примерами формул теории Σ являются выражения, имеющие вид $(t_i =+= t_k)$, $(t_i =+= g)$, $(t_i =+= b)$, $[t_i]$.

В некой (любой) конкретной (фиксированной) интерпретации теории Σ формула, имеющая вид $(t_i =+= t_k)$, переводится на естественный язык высказыванием « t_i *формально-аксиологически равноценно (эквивалентно) t_k* », которое истинно, если и только если (в этой фиксированной интерпретации) термы t_i и t_k принимают одинаковые аксиологические значения из множества $\{g$ (хорошо), b (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации аксиологических значений ценностных переменных.

В некой (любой) конкретной интерпретации теории Σ формула, имеющая вид $(t_i =+= g)$, переводится на естественный язык высказыванием « t_i *абсолютно хорошо*» или высказыванием « t_i *есть формально-аксиологический закон* (двузначной алгебры формальной аксиологии)», которые истинны, если и только

если (в этой фиксированной интерпретации) терм t_1 принимает аксиологическое значение g (хорошо) при любой возможной комбинации аксиологических значений ценностных переменных, входящих в терм t_1 .

В некоей (любой) конкретной интерпретации теории Σ формула, имеющая вид $(t_1 \dashv\vdash b)$, переводится на естественный язык высказыванием « t_1 абсолютно плохо» или высказыванием « t_1 есть формально-аксиологическое противоречие (в двузначной алгебре формальной аксиологии)», которые истинны, если и только если (в этой фиксированной интерпретации) терм t_1 принимает аксиологическое значение b (плохо) при любой возможной комбинации аксиологических значений ценностных переменных, входящих в терм t_1 .

Теперь, определив семантику N -местных термов теории Σ , перейдем к следующему важному аспекту семантики искусственного языка этой теории.

Если t_1 есть терм теории Σ , то, будучи интерпретирована, формула $[t_1]$ есть или истинное, или ложное высказывание « t_1 имеет место в реальном мире» (или « t_1 существует на самом деле»). В некоей (любой) интерпретации формула $[t_1]$ истинна, если и только если t_1 имеет онтологическое значение «е (существует)» в этой интерпретации. Формула $[t_1]$ ложна в некоей (любой) интерпретации, если и только если t_1 имеет онтологическое значение «п (не существует)» в этой интерпретации.

Теперь, явно введя в обращение и точно определив все качественно новые (необычные) понятия, необходимо вовлеченные в дискурс, развиваемый в данной статье, перейдем непосредственно к построению обещанных выше дедуктивных доказательств.

3. Дедуктивное доказательство недоказуемости в формальной теории Σ формулы $[Dx]$, представляющей в релевантной интерпретации теории Σ утверждение о существовании Бога

Прежде всего, перейдем с метаязыка теории Σ на ее язык-объект, т.е. от сформулированных выше на метаязыке аксиомных схем AX1 – AX10 к приведенным ниже аксиомам AX1* – AX10*, соответственно.

Аксиома AX-1*: $Ap \supset (\Box q \supset q)$.

Аксиома AX-2*: $Ap \supset (\Box(p \supset q) \supset (\Box p \supset \Box q))$.

Аксиома AX-3*: $Ap \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\Box p \ \& \ \Box \neg Sp \ \& \ \Box(q \leftrightarrow \Box q)))$.

Аксиома AX-4*: $Ep \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\neg \Box p \ \vee \ \neg \Box \neg Sp \ \vee \ \neg \Box(q \leftrightarrow \Box q)))$.

Аксиома AX-5*: $(\Box q \ \& \ \Box \Box q) \supset q$.

Аксиома AX-6*: $(BDx \dashv\vdash Dx) \leftrightarrow (G[BDx] \leftrightarrow G[Dx])$.

Аксиома AX-7*: $(Dx \dashv\vdash g) \supset G[Dx]$.

Аксиома AX-8*: $(Dx \dashv\vdash b) \supset W[Dx]$.

Аксиома AX-9*: $(Gp \supset \neg Wp)$.

Аксиома AX-10*: $(Wp \supset \neg Gp)$.

Непосредственно ниже дано определение функции \mathcal{E} , являющейся интерпретацией формальной теории Σ :

- 1) $\mathcal{E}p = \text{и}$.
- 2) $\mathcal{E}q = \text{л}$.
- 3) $\mathcal{E}Ap = \text{л}$.
- 4) $\mathcal{E}\Box q = \text{и}$.
- 5) $\mathcal{E}\Box p = \text{л}$.
- 6) $\mathcal{E}\Box(p \supset q) = \text{л}$.
- 7) $\mathcal{E}Kp = \text{и}$.
- 8) $\mathcal{E}Ep = \text{и}$.
- 9) $\mathcal{E}\Box \neg Sp = \text{л}$.
- 10) $\mathcal{E}\Box(q \leftrightarrow \Box q) = \text{л}$.
- 11) $\mathcal{E}\Box \Box q = \text{л}$.
- 12) $\mathcal{E}Gp = \text{и}$.
- 13) $\mathcal{E}Wp = \text{л}$.
- 14) $\mathcal{E}(Dx \dashv\vdash g) = \text{и}$.
- 15) $\mathcal{E}(Dx \dashv\vdash b) = \text{л}$.
- 16) $\mathcal{E}(BDx \dashv\vdash Dx) = \text{и}$.

17) $\varepsilon G[BDx] = \text{и}$. 18) $\varepsilon G[Dx] = \text{и}$. 19) $\varepsilon W[Dx] = \text{л}$. 20) $\varepsilon[Dx] = \text{л}$. 21) $\varepsilon \neg \omega = \neg \varepsilon \omega$ для любой формулы ω . 22) $\varepsilon(\omega \oplus \pi) = (\varepsilon \omega \oplus \varepsilon \pi)$ для любых формул ω и π , а также для любой классической логической бинарной связки \oplus .

При интерпретации ε формальной теории Σ все аксиомы AX1* – AX10* истинны, и правила вывода сохраняют истинность, следовательно, существует модель для Σ , следовательно, теория Σ логически непротиворечива.

Пусть символ Σ^+ обозначает формальную теорию, полученную из теории Σ путем добавления к ней $\neg[Dx]$ в качестве еще одной (новой) аксиомы.

Формула $\neg[Dx]$ теории Σ истинна в интерпретации ε . Поэтому логическая непротиворечивость теории Σ^+ также демонстрируется интерпретацией ε . Следовательно, $[Dx]$ невыводима в теории Σ . Допустим, что $[Dx]$ выводима в Σ . Тогда теория Σ^+ логически противоречива: в ней выводима $[Dx]$ и $\neg[Dx]$. Но это противоречит тому, что Σ^+ логически непротиворечива.

4. Дедуктивное доказательство недоказуемости в формальной теории Σ формулы $\neg[Dx]$, представляющей в релевантной интерпретации теории Σ отрицание утверждения о существовании Бога

Перейдем с метаязыка теории Σ на ее язык-объект, т. е. от аксиомных схем AX1 – AX10 к следующим ниже аксиомам AX1** – AX10**, соответственно.

Аксиома AX-1**: $Ap \supset (\Box q \supset q)$.

Аксиома AX-2**: $Ap \supset (\Box(p \supset q) \supset (\Box p \supset \Box q))$.

Аксиома AX-3**: $Ap \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\Box p \ \& \ \Box \neg Sp \ \& \ \Box(q \leftrightarrow \Box q)))$.

Аксиома AX-4**: $Ep \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\neg \Box p \ \vee \ \neg \Box \neg Sp \ \vee \ \neg \Box(q \leftrightarrow \Box q)))$.

Аксиома AX-5**: $(\Box q \ \& \ \Box \Box q) \supset q$.

Аксиома AX-6**: $(BDx \ =+ \ Dx) \leftrightarrow (G[BDx] \leftrightarrow G[Dx])$.

Аксиома AX-7**: $(Dx \ =+ \ g) \supset G[Dx]$.

Аксиома AX-8**: $(Dx \ =+ \ b) \supset W[Dx]$.

Аксиома AX-9**: $Gp \supset \neg Wp$.

Аксиома AX-10**: $(Wp \supset \neg Gp)$.

Непосредственно ниже дано определение функции ε , являющейся интерпретацией формальной теории Σ :

1) $\varepsilon p = \text{и}$. 2) $\varepsilon q = \text{и}$. 3) $\varepsilon Ap = \text{и}$. 4) $\varepsilon \Box q = \text{и}$. 5) $\varepsilon \Box p = \text{и}$. 6) $\varepsilon \Box(p \supset q) = \text{и}$. 7) $\varepsilon Kp = \text{и}$. 8) $\varepsilon Ep = \text{л}$. 9) $\varepsilon \Box \neg Sp = \text{и}$. 10) $\varepsilon \Box(q \leftrightarrow \Box q) = \text{и}$. 11) $\varepsilon \Box \Box q = \text{и}$. 12) $\varepsilon Gp = \text{и}$. 13) $\varepsilon Wp = \text{л}$. 14) $\varepsilon(Dx \ =+ \ g) = \text{и}$. 15) $\varepsilon(Dx \ =+ \ b) = \text{л}$. 16) $\varepsilon(BDx \ =+ \ Dx) = \text{и}$. 17) $\varepsilon G[Dx] = \text{и}$. 19) $\varepsilon W[Dx] = \text{л}$. 20) $\varepsilon[Dx] = \text{и}$. 21) $\varepsilon \neg \omega = \neg \varepsilon \omega$ для любой формулы ω . 22) $\varepsilon(\omega \oplus \pi) = (\varepsilon \omega \oplus \varepsilon \pi)$ для любых формул ω и π , а также для любой классической логической бинарной связки \oplus .

При интерпретации ε формальной теории Σ все аксиомы AX1** – AX10** истинны, и правила вывода сохраняют истинность, следовательно, существует модель для Σ , следовательно, теория Σ логически непротиворечива.

Пусть символ Σ^{++} обозначает формальную теорию, полученную из теории Σ путем добавления к ней $[Dx]$ в качестве еще одной (новой) аксиомы.

Формула $[Dx]$ теории Σ истинна в интерпретации ε . Поэтому логическая непротиворечивость теории Σ^{++} также демонстрируется интерпретацией ε . Следовательно, $\neg[Dx]$ невыводима в теории Σ . Допустим, что $\neg[Dx]$ выводима

в Σ . Тогда теория Σ^{++} логически противоречива: в ней выводима $\neg[Dx]$ и $[Dx]$. Но это противоречит тому, что Σ^{++} логически непротиворечива.

Заключение

Итак, в настоящей статье дедуктивно доказана недоказуемость в логически непротиворечивой формальной теории Σ формулы $[Dx]$, представляющей в релевантной интерпретации теории Σ утверждение о существовании Бога. Кроме того, в настоящей статье дедуктивно доказана недоказуемость в логически непротиворечивой формальной теории Σ отрицания формулы $[Dx]$, представляющего в релевантной интерпретации теории Σ отрицание утверждения о существовании Бога. Следовательно, формула $[Dx]$, представляющая в соответствующей интерпретации теории Σ утверждение о существовании Бога, является неразрешимой в логически непротиворечивой формальной теории Σ . По отношению к гипотезе о разрешимости формулы $[Dx]$ в теории Σ , полученный в данной работе результат является отрицательным.

С одной стороны, такой результат психологически поддерживает (подкрепляет) веру многих теологов и философов (как теистов, так и атеистов) в невозможность существования (построения) вполне совершенного (строгого) формального доказательства утверждения о бытии Бога или отрицания этого утверждения. Но, с другой стороны, полученный в данной работе отрицательный результат, будучи вполне конкретным, не может закрыть обсуждаемую логико-философскую проблему в самом общем виде; он имеет локальное значение, т. е. не исключено, что в отношении какой-то существенно иной формальной аксиоматической теории результат может оказаться качественно иным. Кроме того, доказанная в данной статье недоказуемость формулы $[Dx]$ в теории Σ не исключает возможность формальной выводимости формулы $[Dx]$ в теории Σ из некоего нетривиального допущения, т. е. возможность истинности $[Dx]$ в некоторой релевантной интерпретации теории Σ при выполнении в этой интерпретации некоего экзотического условия. Какого именно? Вопрос нетривиальный – предмет отдельного исследования и новой статьи.

Список литературы

1. Гильберт, Д., Аккерман, В. (2010). *Основы теоретической логики*. М.: КомКнига.
2. Горбатова, Ю. В. (2012). Плантинга и его модальная версия онтологического доказательства. *История философии*, 17, 243–261.
3. Декарт, Р. (2006). *Сочинения* (с. 132–461). Санкт-Петербург: Наука.
4. Джеймс, У. (1910). *Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: популярные лекции по философии*. Санкт-Петербург: Шиповник.
5. Джеймс, У. (1997). *Воля к вере*. М.: Республика.
6. Ивин, А. А. (1970). *Основания логики оценок*. М.: МГУ.
7. Кант, И. (2008). *Критика чистого разума*. Санкт-Петербург: Наука.
8. Лейбниц, Г. В. (1983). Новые опыты о человеческом разумении автора

системы предустановленной гармонии. *Сочинения в 4 т.* (Т. 2, с. 47–545). М.: Мысль.

9. Лейбниц, Г.В. (1989). Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла. *Сочинения в 4 т.* (Т. 4, с. 49–554). М.: Мысль.

10. Лобовиков, В. О. (2017а). Математическая теология Гёделя и доказательство вездесущности Бога путем «вычисления» соответствующей композиции ценностных функций в двузначной алгебре метафизики. *Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 2, 50–57.

11. Лобовиков, В.О. (2017б). Математическая теология Спинозы: о бытии как бытии с Богом и в Боге. *Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 12(4), 5–17.

12. Паскаль, Б. (2003). *Мысли; Малые сочинения; Письма*. М.: АСТ.

13. Рассел, Б. (2016). *Почему я не христианин*. М.: Опустошитель.

14. Спиноза, Б. (2019). *Этика*. М.: АСТ.

15. Тертуллиан, К.С.Ф. (1994). *Избранные соч.* М.: Прогресс.

16. Юм, Д. (1996). Диалоги о естественной религии. *Малые произведения* (с. 297–426). Москва: КАНОН.

17. Anselm of Canterbury. (1998). *The Major Works*. Oxford; New York: Oxford University Press.

18. Aquinas, St. Thomas. (1928). *Summa Contra Gentiles. B. 3. Pt. 1. Chap. I–LXXXIII*. London: Burns, Oates & Washbourne.

19. Aquinas, St. Thomas. (1994). *The Summa Theologica. V.I. Great Books of the Western World. V. 17. Aquinas: I*. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopedia Britannica.

20. Bavinck, H. (1951). *The Doctrine of God*. Grand Rapids: Eerdmans.

21. Gödel, K. (1995). *Collected Works. Volume III: Unpublished Essays and Lectures*. N.Y.; Oxford: OUP USA.

22. Lobovikov, V. (2014). Algebra of Morality and Formal Ethics. *Looking Back to See the Future. Reflections on Sins and Virtues* (pp. 17–41). Oxford: Interdisciplinary Press.

23. Lobovikov, V. (2015). The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word “Is” in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics). *Philosophy Study*, 5(7), 327–341. doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

24. Lobovikov, V. (2018a). Vindicating Gödel’s Uniting Logic, Metaphysics and Theology (God’s omnipresence proved by computing compositions of evaluation-functions in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology). *Proceedings of the Round Table “Religion and Religious Studies in the Urals”* (pp. 33–36). Yekaterinburg: Delovaya Kniga.

25. Lobovikov, V. (2018b). Proofs of Logic Consistency of a Formal Axiomatic Epistemology Theory Ξ , and Demonstrations of Improvability of the Formulae $(Kq \rightarrow q)$ and $(\Box q \rightarrow q)$ in It. *Journal of Applied Mathematics and Computation*, 2(10), 483–495. doi: 10.26855/jamc.2018.10.004

26. Lobovikov, V. (2019). Analytical Theology: God’s Omnipotence as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Formal Ethics (Demonstrating the Law by “Computing” Relevant Evaluation-Functions). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 47(1), 87–93.

doi: 10.17223/1998863X/47/9

27. Plantinga, A. (1962). The Perfect Goodness of God. *Analytical Journal of Philosophy*, 40, 70–75.

28. Plantinga, A. (1974). *The Nature of Necessity*. Oxford: Clarendon Press.

29. Świątorzecka, K. (Ed.). (2016). *Gödel's Ontological Argument: History, Modifications, and Controversies*, Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Semper.

30. Tertullian, Q.S.F. (2015). *On the Flesh of Christ*. Savage: Lighthouse Christian Publishing.

References

1. Anselm of Canterbury. (1998). *The Major Works*. Oxford; New York: Oxford University Press.

2. Aquinas, St. Thomas. (1928). *Summa Contra Gentiles. B. 3. Pt. 1. Chap. I–LXXXIII*. London: Burns, Oates & Washbourne.

3. Aquinas, St. Thomas. (1994). The Summa Theologica. V.I. *Great Books of the Western World. V. 17. Aquinas: I*. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopedia Britannica.

4. Bavinck, H. (1951). *The Doctrine of God*. Grand Rapids: Eerdmans.

5. Descartes, R. (2006). *Sochineniya* [Writings] (pp. 132–461). Sankt-Peterburg: Nauka.

6. Gilbert, D., & Ackermann, W. (2010). *Osnovy teoreticheskoy logiki* [Foundations for theoretical logic]. M.: KomKniga.

7. Gorbatova, Ju. V. (2012). Plantinga i ego modal'naja versija ontologicheskogo dokazatel'stva [Plantinga and his modal option of ontological proof]. *Istorija filosofii*, 17, 243–261.

8. Gödel, K. (1995). *Collected Works. Volume III: Unpublished Essays and Lectures*. N.Y.; Oxford: OUP USA.

9. Hume, D. (1996). Dialogi o estestvennoj religii [Dialogues on natural religion]. *Malye proizvedenija* (pp. 297–426). M.: KANON.

10. Ivin, A.A. (1970). *Osnovaniya logiki ocenok* [Foundations for evaluation logic]. M.: MGU.

11. James, W. (1910). *Pragmatizm: novoe nazvanie dlja nekotoryh staryh metodov myshlenija* [Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking]. Sankt-Peterburg: Shipovnik.

12. James, W. (1997). *Volja k vere* [Will to believe]. M.: Respublika.

13. Kant, I. (2008). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. St. Petersburg: Nauka.

14. Leibniz, G.W. (1983). Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii [New essays on human understanding by the author of predetermined harmony system]. *Sochineniya v 4 t.* (Vol. 2, pp. 47–545). M.: Mysl'.

15. Leibniz, G.W. (1989). Opyty teodicei o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla [Theodicy essays: on the goodness of God, the freedom of man and the origin of evil]. *Sochineniya v 4 t.* [Writings in 4 volumes] (Vol. 4, pp. 49–554). M.: Mysl'.

16. Lobovikov, V. (2014). Algebra of Morality and Formal Ethics. *Looking Back to See the Future. Reflections on Sins and Virtues* (pp. 17–41). Oxford: Interdisciplinary Press.
17. Lobovikov, V. (2015). The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word “Is” in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics). *Philosophy Study*, 5(7), 327–341. doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001
18. Lobovikov, V. (2018a). Vindicating Gödel’s Uniting Logic, Metaphysics and Theology (God’s omnipresence proved by computing compositions of evaluation-functions in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology). *Proceedings of the Round Table “Religion and Religious Studies in the Urals”* (pp. 33–36). Yekaterinburg: Delovaya Kniga.
19. Lobovikov, V. (2018b). Proofs of Logic Consistency of a Formal Axiomatic Epistemology Theory Ξ , and Demonstrations of Improvability of the Formulae $(Kq \rightarrow q)$ and $(\Box q \rightarrow q)$ in It. *Journal of Applied Mathematics and Computation*, 2(10), 483–495. doi: 10.26855/jamc.2018.10.004
20. Lobovikov, V. (2019). Analytical Theology: God’s Omnipotence as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Formal Ethics (Demonstrating the Law by “Computing” Relevant Evaluation-Functions). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 47(1), 87–93. doi: 10.17223/1998863X/47/9
21. Lobovikov, V. O. (2017a). Matematicheskaja teologija Gjodelja i dokazatel’stvo vezdesushhnosti Boga putem «vychislenija» sootvetstvujushhej kompozicii cennostnyh funkcij v dvuznachnoj algebra metafiziki [Mathematical theology by Gödel, and proving God’s omnipresence by computing the relevant composition of evaluation-functions in two-valued algebra of metaphysics]. *Izvestija Ural’skogo Federal’nogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki*, 2, 50–57.
22. Lobovikov, V. O. (2017b). Matematicheskaja teologija Spinozy: o bytii kak bytii s Bogom i v Boge [Mathematical theology by Spinoza: of being as being with God and in God]. *Izvestija Ural’skogo Federal’nogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki*, 12(4), 5–17.
23. Pascal, B. (2003). *Mysli; Malye sochinenija; Pis’ma* [Thoughts; Minor works; Letters]. M.: AST.
24. Plantinga, A. (1962). The Perfect Goodness of God. *Analytical Journal of Philosophy*, 40, 70–75.
25. Plantinga, A. (1974). *The Nature of Necessity*. Oxford: Clarendon Press.
26. Russell, B. (2016). *Pochemu ja ne hristianin* [Why I am not a christian]. M.: Opustoshitel’.
27. Spinoza, B. (2019). *E’tika* [Ethics]. M.: AST.
28. Świątorzecka, K. (Ed.). (2016). *Gödel’s Ontological Argument: History, Modifications, and Controversies*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Semper.
29. Tertullian, Q. S. F. (1994). *Izbrannye sochineniya* [Selected writings]. M.: Progress.
30. Tertullian, Q. S. F. (2015). *On the Flesh of Christ*. Savage: Lighthouse Christian Publishing.

ЛЮСЬЕН СЭВ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ФИЛОСОФА-МАРКСИСТА



Кондрашов Пётр Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0003-0975-4418,
E-mail: pnk060776@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.04.2020, принята к публикации 20.04.2020

Для цитирования: Кондрашов П.Н. Люсьен Сэв: жизненный путь философа-марксиста // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 182–195. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10113

Аннотация

23 марта 2020 года на 94 году жизни от коронавирусной инфекции COVID-19 умер всемирно известный французский психолог и философ-марксист Люсьен Сэв. В предлагаемой обзорной статье кратко описывается жизненный путь Л. Сэва, рассматривается его вклад в теоретическое развитие марксистской философии, психологии, антропологии, биоэтики, социологии и политической науки. Автор показывает, что в своей широко известной теории личности под личностью Сэв понимает конкретного индивида в его органическом и диалектическом единстве с теми биографическими, межличностными и социально-историческими процессами и отношениями, в системе которых он существует и посредством которых он связан с миром. В связи с этим установлено фундаментальное методологическое значение биографии для марксистской социальной психологии. Показана ключевая роль Люсьена Сэва в организации *Большого издания сочинений Маркса и Энгельса (GEME – Grande Édition de Marx et d’Engels)* – проекта издания всех сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса на французском языке.

© Кондрашов П.Н., 2020



Ключевые слова:

Люсьен Сэв, гуманистический марксизм, марксистская теория личности, биографический метод, Grande Édition de Marx et d'Engels.

UDC 101

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10113

LUCIEN SÈVE: THE LIFE PATH OF A MARXIST PHILOSOPHER

Kondrashov Pyotr Nikolaevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
PhD, Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0003-0975-4418,
E-mail: pnk060776@gmail.com

Article received on April 4, 2020, accepted on April 20, 2020

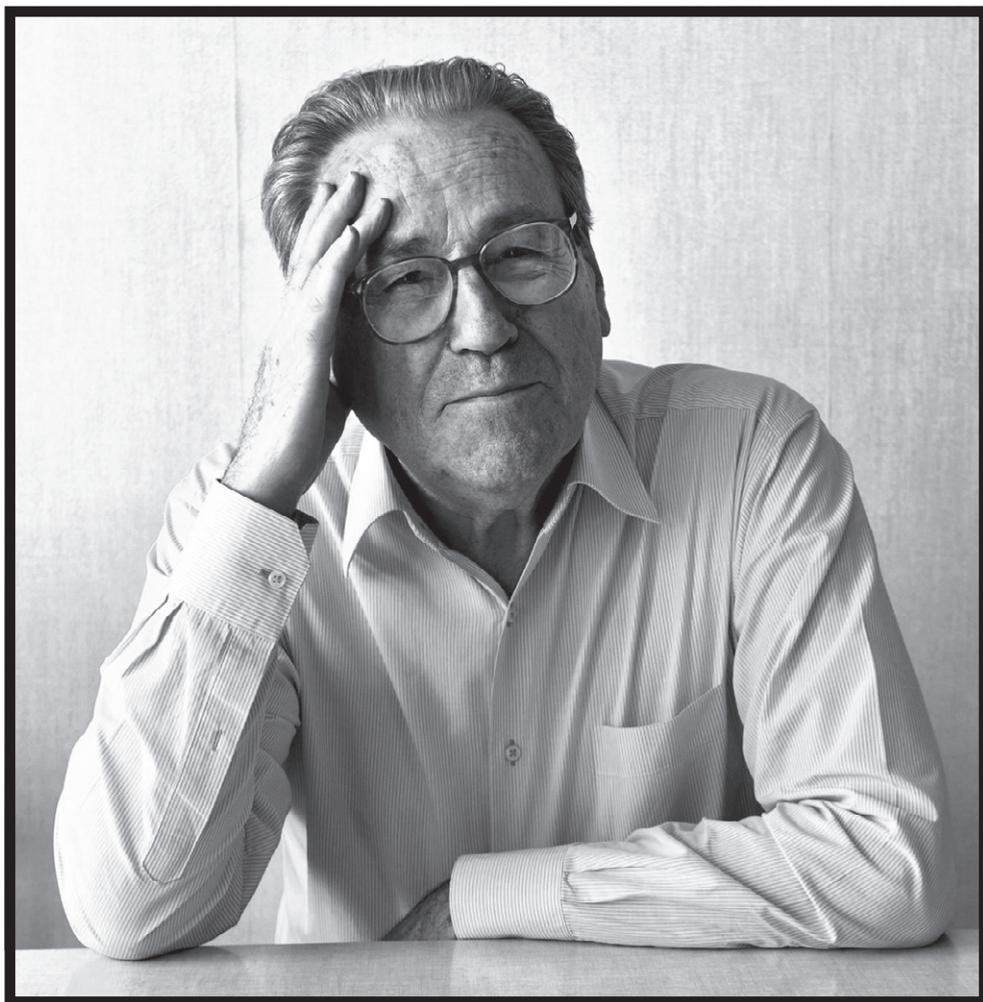
To cite this article: Kondrashov, P.N. (2020). Lyus'en Se'v: zhiznennyj put' filosafo-marksista [Lucien Sève: the life path of a Marxist philosopher]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 182–195. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10113

Abstract

On March 23, 2020, the world-famous French psychologist and Marxist philosopher Lucien Sève died at the age of 94 from the coronavirus disease (COVID-19). This review article briefly describes the life of L. Sève and examines his contribution to the theoretical development of Marxist philosophy, psychology, anthropology, bioethics, sociology and political science. The author shows that in his well-known theory of personality under the personality Sève understands a specific individual in his organic and dialectical unity with those biographical, interpersonal and socio-historical processes and relations in the system of which he exists, and through which he is connected with the world. In this regard the fundamental methodological significance of biography for Marxist social psychology is established. It shows the key role of Lucien Sava in organizing a *Large edition of the works of Marx and Engels (GEME – Grande Édition de Marx et d'engels)* – the project of publishing all the works of Karl Marx and Fredric Engels.

Keywords:

Lucien Sève, humanistic Marxism, Marxist theory of personality, biographical method, Grande Édition de Marx et d'Engels.



Люсьен Сэв (9 декабря 1926–23 марта 2020) – французский философ-марксист, психолог, антрополог, но в первую очередь – коммунист, скончался от коронавируса в понедельник, 23 марта, в возрасте 93-х лет в больнице Беклер в Клараре (*l'hôpital Béclère de Clamart*). Сообщив о его смерти на своём сайте, официальный орган Французской компартии газета *L'Humanité* напомнила, что на протяжении многих лет он считался во Франции одним из ведущих представителей марксистской философии (Le Hyaric, 2020; см. также: Ducange, 2010).

Люсьен Сэв родился в период между двумя мировыми войнами, 9 декабря 1926 года, в Шамбери (*Chambéry*), департамент Савойя, в светской и хорошо образованной семье из среды мелкой провинциальной буржуазии. В 1945 году поступил в престижную Высшую нормальную школу (*l'École normale supérieure*) на улице Ульм, в Париже. По словам его биографов, Сэв всерьез заинтересовал-

ся марксизмом уже в студенческие годы, – именно в *l'École normale* он начал изучать труды мыслителей «от Сартра до Маркса».

После окончания *l'École normale* в 1949 году Люсьен Сэв стал работать преподавателем во Французском лицее Брюсселя (*Lycée français de Bruxelles*), но в мае 1950 года был отстранён от должности после нескольких лекций, организованных посольством Франции, где он провозглашал идеи марксизма. Формулировка при отстранении: «за марксистско-ленинскую пропаганду» (*pour propagande marxiste-léniniste*).

Его перевели в лицей города Шомон, департамент Верхняя Марна. Директор этого учебного заведения сразу предупредил нового сотрудника о грозивших ему строгих административных санкциях, и в 1952 году Сэв предпочёл отправиться на военную службу в дисциплинарное подразделение армии в Алжире, не дожидаясь призыва. По возвращении из армии Люсьен Сэв преподаёт философию в старших классах средней школы, в том числе в лицее Святого Шарля в Марселе (*Lycée Saint-Charles, à Marseille*), где он преподавал до 1970 года.

В 1952 г. Сэв женился на Франсуазе Гийе (*Françoise Guille, 1934–2011*), активистке Компартии и переводчице (она переводила в том числе и работы советского психолога Л.С. Выготского), и у них родилось двое детей.

В сентябре 1950 года Сэв вступил в ряды Коммунистической партии Франции, а в 1961 году был избран в Центральный комитет ФКП и оставался членом ЦК до 1994 года. «Испытывая неприязнь» к богатым парижским буржуа, он предпочитал общаться с «активистами из числа рабочих», которых он встретил среди членов ФКП. Он был вынужден дорого заплатить за свои убеждения, став жертвой антикоммунизма, укрепившегося в то время в академической среде: дело в том, что после 1970 года Сэву из-за его радикально коммунистических взглядов фактически было запрещено преподавать.

Философские воззрения Люсьена Сэва, который был членом центрального комитета ФКП, порой несколько расходились с её основной линией. Сразу же после вступления в ФКП Сэв активно поддерживал идею и практику коммунистических режимов, в которых компартии были доминирующей и ведущей силой, в силу чего его тогда считали сталинистом. Однако этот «сталинизм» касался только организационных вопросов, никак не влияя на содержание глубоко гуманистических идей Сэва (Shames, 1981). Именно в силу последних после смерти Сталина (1953 г.), и особенно после XX съезда КПСС (1956 г.), Сэв поддержал десталинизацию в СССР (O'Donnell, 1986, p. 7–29).

Оживлённые дебаты среди однопартийцев вызвала публикация его книги «Современная философия и её генезис от 1789 года до наших дней», изданной в 1962 году, в которой автор предлагал отойти от догматической трактовки марксизма за счёт творческого развития этого учения.

Мобилизованный в комитет Мориса Одина (*le comité Maurice Audin*) 1959 года, он участвовал в антиколониальной борьбе и против бонапартистских наместков над голлизмом. Одновременно он вошел в состав главной редакции журнала «Новая критика» (*Nouvelle Critique*), где занимался вопросами, связанными с историей философии.

Первая философская работа Сэва «Различие. Введение в ленинизм» (1960 г.) была посвящена критике ревизионизма Анри Лефевра с позиций верного ле-

нинца. Дело в том, Сэв безоговорочно принял работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), и свою критику большей частью проводил в свете положений этой книги. Так, «обращаясь к истории философии, Сэв подчеркивает в ней борьбу материализма и идеализма и классовый характер философии. Он убеждён в том, что осуществленный классиками марксизма синтез материализма и диалектики является глубоко научным и социально прогрессивным» (Самарская, 2008, с. 282).

Вступив в ЦК КПФ на XVI съезде в 1961 году, Люсьен Сэв продемонстрировал свои навыки и интеллект в дискуссиях, которые тогда встряхнули коммунистическое движение. Усердно работая над выводом Коммунистической партии из сталинизма, он, тем не менее, был очень внимателен к её теоретическому закреплению и верности концепциям, вытекающим из марксизма, посвящая много времени борьбе с «ревизионизмом».

Тогда же, вдохновившись дебатами в центральном комитете по культурным и идеологическим вопросам Аржантёя в марте 1966 года между Роже Гароди и Луи Арагоном, с одной стороны, и Луи Альтюссером – с другой, Люсьен Сэв занял оригинальную и прочно аргументированную позицию между гуманизмом Гароди и структурализмом Альтюссера: «В противовес Гароди Сэв доказывает, что К. Маркс рассматривал человека в контексте истории и ставил изменения личности в зависимость от изменений социальной среды. Сэв даже радикализирует мысль Маркса, заявляя, что сущность человека находится вне его, в совокупности социальных отношений. Этот чрезмерный социологизм в трактовке личности несколько смягчают апелляции Сэва к биологической природе человека, в результате чего история толкуется им как процесс, в ходе которого происходит переработка природного начала личности в социальный феномен.

В противовес Альтюссеру Сэв стремится доказать, что марксистская философия представляет собой «научный гуманизм». Как и Альтюссер, он критически относится к ранним работам Маркса и апеллирует к его более зрелым работам, но, в отличие от Альтюссера, не хочет сводить историю к динамике взаимодействия различных общественных структур, заявляя, что структурализм вообще и в трактовке Альтюссера в частности ведёт к изгнанию из истории человека. Поскольку все объективные социальные процессы проходят сквозь человека, он, по убеждению Сэва, является активным субъектом истории» (Самарская, 2008, с. 282–283; см. также Шихардин, 2009).

Свою позицию в этих знаменитых дебатах Л. Сэв теоретически выразил в книге «Марксизм и теория личности» (1969 г.), в которой, помимо всего прочего, представлены результаты весьма жарких дебатов с Луи Альтюссером по поводу интерпретации VI-го тезиса Маркса о Фейербахе и концептуализации категории «человеческой сущности» (*de l'essence humaine*). Сэв ставил перед собой цель изложить марксистскую концепцию личности (*d'exposer une conception marxienne de l'individu*) в противоположность бестелесной концепции тогдашнего модного социализма (Le Nyatic, 2020).

Полемика гуманистического марксиста Л. Сэва со структуралистскими марксистами не ограничивалась только лишь критикой Л. Альтюссера. В 1967 году он на страницах журнала *La Pensée* обрушился с критикой на Клода Леви-Строса, который объявил себя «неомарксистом». Сэв чётко и однозначно

показал отличие диалектического метода от метода структуралистского (Sève, 1972b, p. 221–240). В 1972 году в журнале *International Journal of Sociology* Сэв опубликовал довольно резкий ответ другому марксистскому структуралисту – Морису Годелье (Sève, 1972a, p. 281–314; Kodaj, 2010).

В психологии Л. Сэв известен введением понятия социальной эксцентричности (Сэв, 1976, с. 246–254). Однако мировое признание и известность Сэву принесла его марксистская концепция личности (Сэв, 1972), основные положения (или, как он сам их называл, «гипотезы для научной теории личности») которой можно кратко представить в виде следующих тезисов:

1. Методологически построение научной теории личности с необходимостью предполагает применение материалистической диалектики не изолированно, не как таковой, а только непосредственно в анализе «конкретной реальности и ситуации, ибо если по Ленину «основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», то какого рода «истина» могла бы иметь место в изложении марксистской диалектики, «взятой отдельно», даже, и особенно, когда принципиальная абстрактность изложения более или менее маскируется ложно конкретным приведением «примеров»?.. Для марксизма диалектика существует только в конкретных знаниях, в конкретных практиках» (Sève, 1974, pp. 25–26).

2. Главным принципом в построении теории личности является диалектическое единство общих закономерностей развития человека и индивидуальных особенностей и форм деятельности каждой конкретной личности. При этом личность, как конкретно-исторический индивид, должна рассматриваться в единстве её структуры и её развития в реальных общественных условиях.

3. Необходимым принципом марксистской теории является принцип историзма в понимании социальной сущности человеческой личности. Сэв считает, что развитие человека, его способностей, сущностных сил, талантов, взглядов, сознания в целом, всей его психики определяется различными социально-историческими условиями каждой конкретной эпохи. Так, например, в условиях капитализма решающее значение имеют социальные контрасты, антагонистические противоречия, радикальное отчуждение человека. Социализм же, по Л. Сэву, обеспечивает личности неограниченные возможности её развития, устраняет все классовые препятствия для развития индивида; человек становится хозяином своей судьбы; освобожденный от всех и всяких видов отчуждения, он разворачивает многогранную творческую деятельность, определяющую расцвет всех его сил и способностей. Тем самым социализм создает высоко и всесторонне развитого человека (см. Сэв, 1972, с. 518–521). Историчность становления человеческой личности, согласно Сэву, проходит путь от «расчленённой индивидуальности» к расцвету «цельного индивида будущего коммунистического общества» (Сэв, 1972, с. 392).

4. Личность проявляет и утверждает себя в многообразии своих активных действий (актов), среди которых Л. Сэв выделяет:

– определяющие (базисные) акты/действия и их структуру, что составляет базис личности (который Сэв отделяет от базиса общества), – сюда, прежде всего, относятся временные (темпоральные) структуры личной, биографической деятельности конкретного индивида, ибо «сама биография, в основном

и не утрачивая своего конкретного своеобразия, отсылает нас к общественным отношениям, в недрах которых она формируется и преобразуется; общественные отношения в свою очередь функционально детерминируют индивидуальное сознание, прежде всего проходя через биографию и не теряя при этом своей социальной объективности» (Сэв, 1972, с. 576);

– различные регулирующие акты/действия спонтанного и волевого характера, которые составляют «психологическую надстройку» и «суперструктуру» личности.

5. Теория личности необходимо включает также анализ человеческих способностей, потребностей, форм восприятия и осознания индивидом явлений окружающей среды и условий жизни, их структуры, законов их формирования и развития.

Таким образом, личность, с точки зрения Л. Сэва, – это реальный и конкретный индивид в его органическом и диалектическом единстве с теми биографическими, межличностными и социально-историческими условиями, ситуациями, процессами и отношениями, в системе которых он бытийствует и посредством которых он связан с миром. Личность – это «живая система», обладающая определённой социально-исторической структурой в её индивидуальной жизни и действии, в «её драме» (Ж. Политцер).

Как мы видели, в теории Л. Сэва «биографические акты» составляют фундаментальную часть базиса личности. Но самое главное тут заключается в том, что исследование биографии, с точки зрения Сэва, позволяет марксистской теории эксплицировать отношения функциональной детерминации между двумя типами качественно различных процессов, которые, однако, взаимопереплетаются, а именно: между базисом общества и базисом личности (Сэв, 1972, с. 574–578). В связи с этим Сэв формулирует весьма требовательную концепцию того, как следует писать биографии по-марксистски. Как пишет Жульен Рош, работы Сэва включали в себя очень специфические, хотя и практически недостижимые, критерии, которые, однако, по его мнению, должны соблюдаться во всех марксистских биографиях (Roche, 2018, p. 291–306)¹. Заметим, что столь же суровые требования к написанию биографий предъявлял другой французский философ – Жан-Поль Сартр (о чём свидетельствует его последний, незаконченный грандиозный труд – многотомная биография Флобера).

Эти требования были непосредственно связаны с теорией личности, основополагающим способом бытия которой Сэв считал акты. «Под актом мы понимаем всякий поступок индивида, на каком бы уровне он не совершался, рассматриваемый не только в качестве поступка, т. е. как относящегося к *психике*, но и в качестве конкретной деятельности, т. е. как относящегося к *биографии*; иными словами, поступок рассматривается как дающий (возможно) определен-

¹ Так, например, Сэв не признавал в качестве «марксистских» биографии Маркса, написанные И. Дойчером, И. Берлиным, Д. Маклелланом, а также монументальное исследование Л. Троцкого «Сталин», «ибо ни в одной из них не обсуждается инфраструктура деятельности субъекта, не анализируется время использования и тем более не помещается субъект в какую-либо заранее заданную аналитическую структуру, связанную с социальными формами индивидуальности» (Roche, 2018, p. 303).

ное число *результатов*, но не только непосредственных результатов для самого индивида, а в результате для всего общества с учетом его конкретных условий, результатов, возвращающихся (возможно) к индивиду через более сложные объективные социальные опосредствования. *Акты являются существенными – и единственно существенными – элементами теоретического рассмотрения биографии.*

Конкретно познать личность – значит, прежде всего, познать совокупность актов, составляющих её биографию. Способность понятия акта играть роль *основного понятия* в теории личности сразу явствует из того факта, что он непосредственно нам открывает доступ к фундаментальным противоречиям личности. В самом деле, именно потому, что особенность акта в отличие от поступка или поведения заключается в том, что он совершает что-то, знание чего в *высшей степени* важно для его понимания, всякий акт есть, с одной стороны, акт индивида, аспект его биографии, его самовыражение, но, с другой стороны, он является актом *детерминированного социального мира*, аспектом общественных отношений, выражением объективных исторических условий» (Сэв, 1972, с. 440–441).

В 2010 году Люсьен Сэв вышел из Французской компартии, но не перестал общаться с её активистами. Уход из ФКП он обосновывал, ссылаясь на отсутствие политической поддержки партии на президентских выборах во Франции в 2007 году и региональных выборах во Франции в 2010 году, а также на свою неприязнь к молодёжному движению партии, которое фактически игнорирует необходимость теоретической подготовки, в частности – изучения работ Маркса, а также выступает против строгой (ленинско-сталинской) структуры партии.

В 1970–1982 гг. Л. Сэв был директором издательства «*Editions Sociales*» (издательство Компартии Франции).

В начале 1980-х годов Л. Сэв поддержал создание Национального консультативного комитета по вопросам этики (*Comité consultatif national d'éthique, CCNE*), в отдел по медицинской этике которого в 1983 году его включил президент Франции Франсуа Миттеран. В составе CCNE Сэв работал до 2000 года (Vanchoff, 2011, p. 53). Он был сторонником тестирования эмбрионов, но только избыточных эмбрионов ЭКО. Он рассматривал эмбрионы как «потенциал человеческого существа», и поэтому считал неэтичным использовать их исключительно для тестирования (Vanchoff, 2011, p. 54, 138).

Этот контекстно-зависимый подход становится ещё более ясным, когда Комиссия в своём заявлении 1986 года подчеркнула, что психосоциальная привязка статуса эмбриона имеет решающее значение: «эмбрион является человеком не только благодаря своему специфическому геному. Он также является человеческим в силу родительского плана, в силу значимости этого плана в «*семейном романе*» (*familial novel*), введения будущего ребенка в сферу родительских мыслей, даже до того, как он был зачат» (*Comité consultatif national d'éthique ...*, 1987, p. 60).

Согласно этому определению, человеческая сущность эмбриона конституируется не через его само существование и не только через его жизнеспособность, но только через его отношение к другим людям. В 1987 году CCNE

опубликовал доклад, разъясняющий свои философские основания, главным автором которого был Л. Сэв, – поэтому, как считает Джованни Майо, социальная ориентация в определениях «человечности эмбриона» имеет явно марксистские корни (см. Maio, 2004, p. 589–590).

Люсьен Сэв был одним из вдохновителей и основателей, вместе с Изабель Гаро (*Isabelle Garo*, сейчас – директор GEME), проекта Большого издания сочинений Маркса и Энгельса (GEME, *Grande Édition de Marx et d'Engels*), французского аналога международного проекта MEGA², призванного перевести и издать все труды основателей марксизма на французском языке.

В партнерстве с различными академическими учреждениями Люсьен Сэв активно способствовал созданию уже в 2008 году первых томов издания, основанного на филологической работе сотрудников *Marx-Engels-Gesamtausgabe*, а также организовал три регулярных исследовательских семинара, позволяющих обсуждать и публиковать самые последние научные работы по этому вопросу:

- *Séminaire «Marx au 21ème siècle»* (Сорбонна, Париж)³;
- *Séminaire «Lectures de Marx» à l'ENS (l'École normale supérieure, Париж)*;
- *Séminaire de la GEME (Grande Édition Marx et Engels, Париж)*⁴.

В 2007 году Люсьен Сэв поспособствовал созданию неформального «Круга чтения Карла Маркса» в Тулузе (*Cercle de lecture Karl Marx de Toulouse*), участники которого совместно читают те или иные фрагменты из работ Маркса, делают доклады и обсуждают их, собираясь в «уютной пиццерии Бельфор» (*la chaleureuse pizzeria Belfort*)⁵.

Отчасти благодаря Сэву, в 2015 году Маркс впервые был зачислен в программу написания агрегации философии (конкурс на получение должности доцента).

В 2010 году вместе с Жераром Корниле и Лораном Простом Люсьен Сэв отредактировал и перевел Главу VI, известную как «неопубликованная» Книга I «Капитала» Карла Маркса.

В своих книгах и публичных выступлениях Л. Сэв приводил многочисленные примеры того, как даже в первоклассных марксистских исследованиях возникают теоретические и политические проблемы и даже глупости, связанные с использованием искаженных или плохо переведенных фрагментов из работ Маркса. Поэтому он без устали боролся со всеми, кто утверждал, что относится к Марксу как к «мертвой собаке». По мнению многих экспертов именно Сэв способствовал возобновлению интереса к мысли Маркса в 2000–2010-е гг.

В 2004 году Люсьен Сэв приступает к изданию своего обобщающего труда «Мыслить с Марксом сегодня» (*Penser avec Marx aujourd'hui*). На сегодняшний день парижское издательство Éditions La Dispute выпустило четыре тома (почти четыре тысячи страниц):

² Marx-Engels-Gesamtausgabe (<http://mega.bbaw.de/>).

³ <https://lesfilmsdelan2.org/marx-au-21%C3%A8me-si%C3%A8cle>

⁴ <https://geme.hypotheses.org/category/billets/seminaire-de-la-geme>

⁵ См.: <https://clkmtoulouse.wordpress.com/>

- I. Маркс и мы (*Marx et nous*, 2004)
- II. Человек? (*L'homme?* 2008)
- III. Философия? (*La philosophie?* 2014)
- IV. Коммунизм? (*Le communisme?* 2019).

Весь этот труд представляет собой разрешение вопроса о сущности человека и о месте личности в диалектической и исторической материалистической концепции. Эта проблематика была расширена в 2006 году в книге «Что такое человеческая личность? Биоэтика и демократия», в которой анализируется био-медицинская революция, которая ставит всех нас перед потрясающим вопросом: каким человечеством мы хотим быть? И что же такое эта человеческая личность, без должного уважения к которой нет более цивилизованного мира?

Люсьен Сэв опубликовал огромное количество статей в самых разных журналах, но большей частью в *La Nouvelle Critique* или *La Pensée*. Среди наиболее известных книг философа:

La Philosophie française contemporaine (Современная французская философия, 1962; русский перевод 1968).

Marxisme et théorie de la personnalité (Марксизм и теория личности, 1969; русский перевод 1972).

Pour une critique marxiste de la théorie psychanalytique (Марксистская критика психоанализа, 1973; в соавторстве с К.Б. Клеман и П. Брюно; русский перевод 1976).

Über die materialistische Dialektik (О материалистической диалектике, 1976).

Man in Marxist theory and the psychology of personality (Человек в марксистской теории и психология личности, 1978).

Marxistische Analyse der Entfremdung (Марксистский анализ отчуждения, 1978).

Une introduction à la philosophie marxiste (Введение в марксистскую философию, 1980).

Structuralisme et dialectique (Структурализм и диалектика, 1984).

Communisme, quel second souffle? (Коммунизм: второе дыхание? 1990).

Pour une critique de la raison bioéthique (К критике биоэтического разума, 1994).

Commencer par les fins: La nouvelle question communiste (Начните с концов: новый коммунистический вопрос, 1999).

Sciences de l'homme et de la société: La responsabilité des scientifiques (Наука о человеке и обществе: ответственность ученых, 2001).

Qu'est-ce que la personne humaine? Bioéthique et démocratie (Что такое человеческая личность? Биоэтика и демократия, 2006).

Aliénation et émancipation (Отчуждение и освобождение, 2012).

Capitalexit ou catastrophe (Capitalexit, или катастрофа, 2018).

Люсьен Сэв всё время призывал читать и перечитывать труды Маркса и Энгельса, не воспринимая их как канонические тексты. Основная мысль, которую он видел в их философии, состояла в том, что коммунизм – это не какое-то идеальное состояние, отражение духа, создающего мировоззрение, на которое

должен опираться весь миропорядок. Это, скорее, по словам самого же Маркса, «движение, которое должно покончить с нынешним положением дел».

Основываясь на этом утверждении, Люсьен Сэв отвергал давний постулат всевозможных коммунистических партий – идею о поэтапном продвижении к далёкой цели. По мнению французского философа, вопрос о коммунизме ставится здесь и сейчас, в реальном современном мире, и само это движение порождает новые производственные отношения, новое отношение к Земле, новые человеческие отношения, зародыши и основы которых существуют уже сегодня. Трагическая реальность коронавирусного кризиса, которая делает как никогда актуальным запрос на создание «общего», подтверждает его правоту.

Люсьен Сэв всегда умел отличать коммунизм от его карикатуры. Нынешний поворот капиталистической глобализации решительно требует именно такого понимания. Вот, что он ответил Пьеру Шайяну (*Pierre Chaillan*) в интервью *l'Humanité* в 2019, опубликованном под названием «Крушение Берлинской стены 9 ноября 1989 года представлено доминирующими СМИ как «смерть коммунизма»:

Пьер Шайян: Вы только что опубликовали «Коммунизм?» (Sève, 2019), где утверждаете, наоборот, радикальную актуальность коммунизма. Как тогда понять, что произошло в XX веке?

Люсьен Сэв: Чтобы до крайности суммировать то, что я излагаю в этой большой книге..., я отвечу одной фразой, но которая требует длинных подтверждений: то, что умерло под фальшивым названием «коммунизм» в конце 1989 года с падением Берлинской стены, а затем в 1991 году с распадом Советского Союза, не имело в глубине никакого отношения к коммунизму в его подлинном марксовом смысле (см. Рефа-Ruiz, 2020).

«В XX веке коммунизма не было», – произнёс он, выступая перед собравшимися на Агоре во время последнего праздника газеты «Юманите», и тем самым кратко выразил мысль, которая красной нитью проходит через все его труды и книги последних лет. Сильное заявление, сделанное в пику всем тем, кто утверждает, будто коммунистическая идеология исчезла вместе с СССР. Оно прозвучало смело и даже крамольно с точки зрения тех, кто до сих пор предаётся ностальгии по ушедшим годам» (Верньоль, 2020).

Л. Сэву посвящён документальный фильм Марселя Родригеса «Три жизни философа Люсьена Сэва» (2019 г.).

Как замечает обозреватель *Le Monde* Абель Местре (*Abel Mestre*), Люсьен Сэв – «прекрасный знаток творчества Карла Маркса, который своим потоком мысли оставил неизгладимый след в истории его идей и во многом способствовал их обновлению, особенно с 1980-х годов». «Мало кто будет иметь такое большое значение в моей интеллектуальной и активистской жизни, – говорит коммунистический историк Роже Мартелли. – Его основательность, его марксологическая эрудиция и его резкая критика очаровали несколько поколений студентов, преподавателей, исследователей и активистов». Как и многие активисты и представители левой интеллигенции, Фабиан Руссель, национальный секретарь ФКП, также отдал ему дань уважения: «Люсьен Сэв, коммунистический философ, умер. Унесённый коронавирусом, он тот, кто орошал ФКП своими размышлениями до конца своей жизни, останется интеллектуалом, который воплотил в жизнь марксистскую мысль, которая всё ещё актуальна» (Mestre, 2020).

Завершая этот небольшой обзор жизни и деятельности Люсьена Сэва, хочется привести слова, написанные в связи с его смертью на официальном сайте GEME под заголовком «GEME осиротело»: «Интеллектуальные требования и страсть, которые будут характеризовать его до конца его долгой и богатой жизни, его исключительная щедрость и человечность, уже отсутствуют. Люсьен Сэв завещает нам долгосрочную задачу. С момента создания GEME уже опубликовано семь томов, другие находятся в стадии подготовки: продолжение этой огромной работы, которая была так дорога его сердцу, – лучший способ воздать ему должное» (La GEME est orpheline, 2020).

Список литературы

1. Верньоль, М. (2020, 25 марта). Люсьен Сэв, Маркс и коммунисты. *L'Humanité-Россия*. «Общество друзей Юманите» в России. Взято 1 апреля 2020, с <https://humanite-russie.ru/2020/03/25/lyusen-sev-marks-i-kommunisty/>
2. Самарская, Е. А. (2008). Сэв, Люсьен. В *Философы Франции: Словарь* (с. 282–284). М.: Гардарики.
3. Сэв, Л. (1972). *Марксизм и теория личности*. М.: Прогресс.
4. Сэв, Л. (1976). Психоанализ и исторический материализм. В Клеман, К. Б., Брюно, П., Сэв, Л. *Марксистская критика психоанализа* (с. 207–276). М.: Прогресс.
5. Шихардин, Н. В. (2009). *Французский неомарксизм: противостояние гуманизма и сциентизма*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.
6. Banchoff, T. (2011). *Embryo Politics, Ethics and Policy in Atlantic Democracies*. Ithaca and London: Cornell University Press.
7. *Comité consultatif national d'éthique pour la science de la vie et de la santé. Éthique et recherche biomédicale. Rapport 1986*. (1987). Paris: La Documentation Française.
8. Ducange, J.-N. (2010). Marx in France. *Socialism and Democracy*, 24(3), 169–174. doi.org/10.1080/08854300.2010.513622
9. Kodaj, D. (2010). Dialectics for the New Century [Book Reviews]. *Critique. Journal of Socialist Theory*, 38(1), 170–171. doi.org/10.1080/03017600903454462
10. La GEME est orpheline. (2020). *Grande Édition de Marx et d'Engels*. Взято 1 апреля 2020, с <https://geme.hypotheses.org/date/2020/03>
11. Le Hyaric, P. (2020). Lucien Sève disparu: la pensée communiste en deuil. *L'Humanité*. Взято 1 апреля 2020, с <https://www.humanite.fr/lucien-seve-disparu-la-pensee-communiste-en-deuil-par-patrick-le-hyaric-686695>
12. Maio, G. (2004). The Embryo in Relationships: A French Debate on Stem Cell Research. *Journal of Medicine and Philosophy*, 29(5), 583–602. doi: 10.1080/03605310490518096
13. Mestre, A. (2020). La mort du philosophe marxiste Lucien Sève. *Le Monde*. Взято 1 апреля 2020, с https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2020/03/24/la-mort-du-philosophe-marxiste-lucien-seve_6034266_3382.html
14. O'Donnell, P. (1986). Lucien Sève, Althusser and the contradictions of the PCF. *Critique. Journal of Socialist Theory*, 15(1), 7–29. doi.org/10.1080/03017608608413298
15. Peña-Ruiz, H. (2020). La critique n'est pas le reniement: hommage à Lucien

Sève, Marianne. Взято 1 апреля 2020, с <https://www.marianne.net/politique/la-critique-n-est-pas-le-reniement-hommage-lucien-seve>

16. Roche, J. (2018). Can Biography Benefit from a Marxist Theory of Individuality? Lucien Sève's Contribution to Biographical Theory and Practice. *Rethinking Marxism*, 30(2), 291–306. doi.org/10.1080/08935696.2018.1502312

17. Sève, L. (1972a). Reply to Maurice Godelier. *International Journal of Sociology*, 2(2–3), 281–314. doi.org/10.1080/15579336.1972.11769552

18. Sève, L. (1972b). The Structural Method and the Dialectical Method. *International Journal of Sociology*, 2(2–3), 195–240. doi.org/10.1080/15579336.1972.11769550

19. Sève, L. (1974). *Lenine et la pratique scientifique*. Paris: Editions sociales, CERM.

20. Sève, L. (2019). *Penser avec Marx aujourd'hui. IV. Le communisme?* Paris: Éditions La Dispute.

21. Shames, C. (1981). The Scientific Humanism of Lucien Sève. *Science & Society*, 45(1), 1–23.

References

1. Banchoff, T. (2011). *Embryo Politics. Ethics and Policy in Atlantic Democracies*. Ithaca and London: Cornell University Press.

2. Comité consultatif national d'éthique pour la science de la vie et de la santé. *Éthique et recherche biomédicale. Rapport 1986*. (1987). Paris: La Documentation Française.

3. Ducange, J.-N. (2010). Marx in France. *Socialism and Democracy*, 24(3), 169–174. doi.org/10.1080/08854300.2010.513622

4. Kodaj, D. (2010). Dialectics for the New Century [Book Reviews]. *Critique. Journal of Socialist Theory*, 38(1), 170–171. doi.org/10.1080/03017600903454462

5. La GEME est orpheline. (2020). *Grande Édition de Marx et d'Engels*. Retrieved April 1, 2020, from <https://geme.hypotheses.org/date/2020/03>

6. Le Hyaric, P. (2020). Lucien Sève disparu: la pensée communiste en deuil. *l'Humanité*. Retrieved April 1, 2020, from <https://www.humanite.fr/lucien-seve-disparu-la-pensee-communiste-en-deuil-par-patrick-le-hyaric-686695>

7. Maio, G. (2004). The Embryo in Relationships: A French Debate on Stem Cell Research. *Journal of Medicine and Philosophy*, 29(5), 583–602. doi: 10.1080/03605310490518096

8. Mestre, A. (2020). La mort du philosophe marxiste Lucien Sève. *Le Monde*. Retrieved April 1, 2020, from https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2020/03/24/la-mort-du-philosophe-marxiste-lucien-seve_6034266_3382.html

9. O'Donnell, P. (1986). Lucien Sève, Althusser and the contradictions of the PCF. *Critique. Journal of Socialist Theory*, 15(1), 7–29. doi.org/10.1080/03017608608413298

10. Peña-Ruiz, H. (2020). La critique n'est pas le reniement: hommage à Lucien Sève. Marianne. Retrieved April 1, 2020, from <https://www.marianne.net/politique/la-critique-n-est-pas-le-reniement-hommage-lucien-seve>

11. Roche, J. (2018). Can Biography Benefit from a Marxist Theory of Individuality? Lucien Sève's Contribution to Biographical Theory and Practice.

Rethinking Marxism, 30(2), 291–306. doi.org/10.1080/08935696.2018.1502312

12. Samarskaya, Ye.A. (2008). Sev, Lyus'yen [Sève, Lucien]. In *Filosofy Frantsii: Slovar'* (pp. 282–284). Moscow: Gardariki.

13. Se'v, L. (1972). *Marksizm i teoriya lichnosti* [Marxism and theory of personality]. Moscow: Progress.

14. Sève, L. (1972a). Reply to Maurice Godelier. *International Journal of Sociology*, 2(2–3), 281–314. doi.org/10.1080/15579336.1972.11769552

15. Sève, L. (1972b). The Structural Method and the Dialectical Method. *International Journal of Sociology*, 2(2–3), 195–240. doi.org/10.1080/15579336.1972.11769550

16. Sève, L. (1974). *Lenine et la pratique scientifique*. Paris: Editions sociales, CERM.

17. Sève, L. (1976). *Psikhoanaliz i istoricheskii materializm* [Psychoanalysis and historical materialism]. In Clement, K.B., Bruno, P., Sève, L. *Marksistskaya kritika psikhoanaliza* [Marxist criticism of psychoanalysis] (pp. 207–276). Moscow: Progress.

18. Sève, L. (2019). *Penser avec Marx aujourd'hui. IV. Le communisme?* Paris: Éditions La Dispute.

19. Shames, C. (1981). The Scientific Humanism of Lucien Sève. *Science & Society*, 45(1), 1–23.

20. Shikhardin, N.V. (2009). *Frantsuzskiy neomarksizm: protivostoyaniye gumanizma i stsiyentizma* [French neo-Marxism: the confrontation of humanism and scientism]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta.

21. Verniol, M. (2020, March 25). Lyus'yen Sev, Marks i kommunisty [Lucien Sève, Marx and the Communists]. *L'Humanité-Rossiya*. «Obshchestvo družey Yumanite» v Rossii. Retrieved April 1, 2020, from <https://humanite-russie.ru/2020/03/25/lyusen-sev-marks-i-kommunisty/>

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в списке.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. РусакOVA, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер), страницы</i> . doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа [Формат документа]</i> . Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document [Format description]</i> . Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike</i> , 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovoј v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (2018). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization indicated in as an author)	<p>Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».</p>
Article	<p>Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume(issue number)</i>, page(s). doi: xx.xxxxxxxx</p> <p>Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i>, 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Electronic resource (article)	<p>Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i>, 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864</p>
Electronic resource (newspaper, magazine)	<p>Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume(issue number)</i>. Retrieved from URL</p> <p>Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i>. Retrieved from http://www.sundaytimes.com</p>
Electronic resource (web page, author presents)	<p>If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets.</p> <p>Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL</p>
Electronic resource (web page, no author)	<p><i>Webpage name</i>. (date). Retrieved from URL</p> <p><i>Oxford Electric Bell</i>. (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>